Эдуард

ТОПОЛЬ

Бисмарк

Русская любовь железного канцлера

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Об Отто фон Бисмарке, создателе Германской империи, прозванном «железным канцлером», написаны сотни и даже, наверное, тысячи книг. Но книга Эдуарда Тополя «Бисмарк. Русская любовь железного канцлера» впервые рассказывает о страстной романтической любви Бисмарка и юной русской княгини Екатерины Орловой-Трубецкой…

- Эдуард Владимирович Тополь
- Часть первая БИАРРИЦ, или Big man have a big heart
-
- 1
-
- 2
-
- 3
- 4
- 5
-
- 6
- 7
-
- 8
- 9
-
- 10
- 11
-
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
-
- 21
- Запоздалое предисловие
- Часть вторая МИНИСТР-ПРЕЗИДЕНТ
- 1

- 2
- 3
-
- 4
- 5
-
- 6
- 7
- 8
-
- 9
- 10
- 11
-
- 12
-
-
- 13
-
- 14
- 15
- 16
-
- 17
- 18
-
- Запоздалое предисловие (продолжение)
- Часть третья ПОЕЗДКА В ВАЙНХАЙМ
- 1
- 2
-
- 3
-
- 4
- 5
- 6
-
- 7
- 8
-
- 9
- 10
- 11
- 12

- 13
-
- 14
- 15
-
- Часть четвертая «ЗЛАЯ ШУТКА»
- 1
- 2
- 3
-
- 4
- 5
-
- 6
-
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- Часть пятая «НЕДОЛГИЕ СВИДАНИЯ»
- 1
- 2
- 3
-
- 4
- 5
-
- 6
- 7
-
- 8
- 9
-
- 10
- 11
-
- 12
- Часть шестая ВЕЛИКИЙ ОДИНОКИЙ
- 1

- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30

- 31
- 32
- 33
- Постскриптум
- Приложение
- Избранная библиография

Эдуард Владимирович Тополь Бисмарк. Русская любовь железного канцлера

Часть первая БИАРРИЦ, или Big man have a big heart

...

Хотя все персонажи этого романа имеют своих исторических прототипов и однофамильцев, в художественной ткани романа они, тем не менее, являются плодом авторской фантазии и вымысла, который ни в коем разе не имел целью задеть чью-то честь или репутацию, а напротив хотел восславить их высокие чувства.

1

В конце июля 1862 года карета Отто фон Бисмарка, нанятая вместе с лошадьми в Бордо, катила по югу Франции, через Пиренеи в Страну Басков. Его собственные лошади остались в деревне под Берлином, мебель и вещи были еще в Петербурге, где он два года отслужил посланником прусского короля, жена и дети – в Померании, а сам Бисмарк, по его же выражению, «снова на обочине» и всего лишь посланник прусского короля во Франции. Возможно, для кого-то и неплохо в 47 лет быть королевским посланником в Париже, но для Бисмарка…

Весной, когда в Берлине запахло войной между парламентом и королем, Альбрехт фон Роон, военный министр и друг его детства, стал склонять Вильгельма I усилить Бисмарком кабинет министров, и ради этого даже вызвал Бисмарка из Петербурга. Но в последний момент Августа, жена Вильгельма и либералка в духе британских веяний, наговорила мужу, что Бисмарк реакционер, интриган и циник, и он остался посланником, правда, не в России, а поближе к Берлину – при дворе Наполеона III. Как и чем он мог быть полезен в Париже, Бисмарк не знал, «в то время, как влияние, коим я пользовался в Петербурге у императора Александра, не лишено было значения с точки зрения прусских интересов». Но с королями не спорят, и Бисмарк поехал в Париж – как сказал ему Роон, – «чтобы быть наготове»…

Однако летом Париж пустеет, все разъезжаются, и в ожидании «быть или не быть» Бисмарк выпросил у короля отпуск и отправился путешествовать. Конечно, здесь, на юге Франции, красиво – солнце, сады, виноградники, и погода совсем не та, что в Пруссии или у русских в Санкт-Петербурге. Небо даже не голубое, а сиреневое, жизнь так и пышет из земли садами, виноградными лозами и мириадами таких цветов, что их запахи кружат голову не хуже молодого бургундского. Но прекрасные Mouton Rothshild, Lafitte, Pichon, Laroze, Latour, Margaux, St. Julien, Beaune, Armillac и другие вина, которые он тут пробует, не избавляют его от хандры и сознания того, что жизнь утекает или уже утекла…

«К тому же тут так скучно, – писал он с дороги своей жене Иоганне, – что мысль провести здесь недели невыносима. Из-за эгоизма и необщительности французов никто не хочет познакомиться поближе, а если ты ищешь этого, то они начинают думать, что ты хочешь или денег занять, или нарушить их семейное счастье».

6 августа Бисмарк остановился в Биаррице, в «Hotel d’Europe»,

чтобы через пару дней отправиться дальше. С тех пор как восемь лет назад Наполеон III для своей жены Евгении построил здесь роскошный, в мавританском стиле, замок Villa Eugenie и стал проводить в нем каждое лето, Биарриц из небольшой рыбацкой деревушки превратился чуть ли не в самый модный курорт – летом сюда приезжает весь двор Луи-Наполеона, европейская и даже русская знать. Но Бисмарк собирался пробыть тут дня два, не больше, и написал Иоганне, что все письма для него следует отправлять в Bagneres de Luchon. Тем паче, что с Луи-Наполеоном он встречался совсем недавно, в июне, когда прибыл в Париж посланником, и теперь вовсе не горел желанием пересекаться вновь с этим не очень умным, но очень заносчивым правителем, мечтающим превзойти своего великого дядюшку.

Однако буквально на следующий день на биаррицевском променаде великосветских курортников он вдруг услышал:

– Фон Бисмарк! Бонжур! Какими судьбами?!

Он остановился, пораженный. Это был князь Николай Орлов, русский посланник в Брюсселе, сын знаменитого в России царедворца Алексея Орлова и племянник декабриста Михаила Орлова, принявшего в 1814 году капитуляцию Парижа. Впрочем, Николай Орлов и сам прославился как герой Крымской войны, кавалер ордена Святого Георгия, золотого оружия и других высших наград Российской империи. Но при штурме турецкого форта Араб-Табия он получил девять тяжелых ран, лишился левого глаза и подвижности правой руки, лечился в Италии и во Франкфурте (где Бисмарк с ним и познакомился), а потом перешел в дипломаты и носил теперь черную повязку на глазе. Но поражен Бисмарк был вовсе не им, а юной красавицей-блондинкой, которая держала его под руку.

– Катарина, – сказал ей Орлов, – позволь тебе представить Отто фон Бисмарка, прусского посланника.

Бисмарк склонил голову. Благо, его высокий рост позволил ему сделать это, не отрывая от нее восхищенных глаз.

Катерина, потупившись, чуть присела.

– Барон, – продолжил Орлов, – разрешите представить: моя супруга княгиня Екатерина Николаевна Трубецкая. Но теперь Орлова-Трубецкая!

– Князь, поздравляю! – сказал Бисмарк. – Она красавица! Я уже влюбился! А в каком вы отеле?

– Мы в «Европе». А вы?

– И я…

В эту секунду Катарина подняла на Бисмарка свои голубые глаза и…

Екатерина (Катарина) Орлова, единственная дочь князя Николая Трубецкого (двоюродного дяди Льва Толстого) из рода русско-литовских князей Гедиминовичей, по материнской линии внучка генерал-фельдмаршала графа Ивана Гудовича, который во время 2-й турецкой войны взял Гаджибей (ныне Одесса), Килию и Анапу, а также Бакинское, Шекинское и Лезгинское ханства.

Господи! – сказал себе Бисмарк. Как давно у тебя не замирало дыхание от женского взгляда, не пересыхало во рту и не холодело внизу живота!

Наверное, глаза Бисмарка выдали его мысли, потому что эта голубоглазая фея с высокими славянскими скулами, церемонно раскланявшись, тут же высокомерно приподняла худенькое плечико, взяла мужа под руку и пошла с ним дальше по променаду.

А он все стоял и смотрел им вслед. С высоты своего роста он поверх шляп, шляпок и зонтиков гуляющих европейских аристократов и щеголих еще долго видел эту восхитительную головку с льняными волосами.

2

...

«Фотографии того времени показывают нам Бисмарка в расцвете сил, человека атлетического сложения, которого годы еще не сделали грузным и тяжелым на подъем. Аккуратная голова, быть может даже несколько маленькая для его широких плеч. Кустистые брови над выступающими надбровными дугами придают лицу что-то устрашающее. Облик, который подавляет, в нем отражена огромная энергия. Но общее впечатление смягчается легкой иронической улыбкой, которая, кажется, играет в уголках рта и отражается во взгляде его больших голубых глаз; взгляде, который мог быть равно как серьезным, острым и пронизывающим насквозь, так и неопределенным и непроницаемым. В общем, впечатляющая внешность человека, не испытывающего недостатка ни в самообладании, ни в умении воздействовать морально на других…» (Из книги N. Orloff. « Bismarck und Katarina Orloff » , Берлин 1930).

3

Нужно ли говорить, что в тот же вечер они встретились за ужином в ресторане «Hotel d'Europe»? А шампанское уже пили на втором этаже, в апартаментах Орловых, где у окна, настежь открытого в море, стоял рояль, и Катарина играла им Шопена.

За роялем, да еще после бокала шампанского, она была даже прелестней, чем днем на променаде. Розовый закат дробился и сиял в ее льняных локонах, колышимых морским бризом, пенистый прибой подыгрывал ей ударами волн о берег, а все ее тонкое тело так трепетало в такт этому новомодному Шопену, что Бисмарк просто глаз не мог от нее оторвать.

Стоя рядом с ним у открытого окна, князь Орлов вдруг сказал негромко:

– Я слышал, у вашего короля конфликт с парламентом?

– Еще какой! – ответил Бисмарк, не отводя взгляда от рук Катарины, летающих над клавишами словно две птички-колибри.

– Какой? – переспросил Орлов.

Бисмарк усмехнулся.

– А то ваша берлинская миссия не знает!

– Ну… – замялся Орлов и отпил шампанское. – Просто хочется узнать из первых рук.

Бисмарк предпочел промолчать и осторожно, чтоб не уронить пепел на дорогой персидский ковер, гордость мсье Гардера, хозяина отеля, стряхнул свою сигару за окно. Поскольку русский император приходится племянником прусскому королю, Берлин наводнен русскими дипломатами и шпионами, и русское посольство располагается на Унтер-ден-Линден чуть ли не в двух шагах от королевского дворца. Все дворцовые интриги, новости и сплетни они там узнают раньше, чем прусский кабинет министров.

Орлов, однако, продолжал с истинно русским напором:

– Говорят, вы там заигрались в демократию. Социалисты захватили парламент и блокируют все указы короля…

Бисмарк положил руку ему на плечо:

– Я в отпуске, князь.

Но в эту минуту юная Орлова уже так чувственно отдалась музыке, что бисмарковская дипломатия решила наказать орловскую настырность:

– А ваша жена выросла во Франции?

И Орлов с чисто российским прямодушием тут же попался в ловушку.

– Даже родилась тут! – сказал он с гордостью. – У Трубецких

свой замок – «Bellefontaine» в Samois-sur-Seine, возле Фонтенбло под Парижем.

– Теперь я понимаю, почему французы поддерживают поляков, бунтующих против России.

Орлов изумился:

– Почему?

– Потому что все француженки без ума от эротической музыки этого поляка Шопена.

Всего долю секунды Орлов соображал, как ему реагировать на эту колкость. И тут же расхохотался, но тем нарочитым и громким смехом, каким еще несколько лет назад был известей на конференциях во Франкфурте его нынешний шеф и русский канцлер князь Горчаков.

4

«С поляков нужно шкуры снимать» [1] , они всегда были прусской и русской головной болью! Стоит только дать им поднять голову, как они тут же полезут в великие нации и объединятся с французами, чтобы либо зажать немцев с двух сторон, либо напасть на Россию в союзе с кем угодно – с литовцами, с Наполеоном… А потому разделение Польши под протекторатом России, Пруссии и Австрии, начатое еще Фридрихом Великим и Екатериной Второй, является единственным выходом для усмирения их шляхетских амбиций и установления тишины в Европе. При этом они настолько талантливы, что побежденные и расчлененные, они не могут угомониться, втихую расселились по всей Европе и настырно лезут на самые влиятельные посты в России, Австрии и даже в Пруссии. А теперь еще эти новые, после восстания Костюшко, польские бунты против русских «гнобителей»! Тринадцать миллионов поляков, вечно настроенных против русских и немцев – не дай Бог, если их нынешние разрозненные мятежи соединятся…

А французские газеты тут же, конечно, закричали свое стандартное «Польша либерасьон!», и французские мадам и мадемуазель, тающие от «душки» Шопена, настолько прониклись сочувствием к «угнетенной» нации, что даже Луи-Наполеон уже открыто выражает «несчастным» полякам свое сочувствие. Конечно – в пику России и в отместку за войну 14-го года…

Бисмарк сидел в своем номере на первом этаже «Hotel d'Europe», пыхтел сигарой и, глядя на ночное море, слушал игру Катарины. Апартаменты Орловых были прямо над его номером, и теперь там, над ним, она играла его любимого Бетховена, Семнадцатую сонату. Но когда дошла до третьей части ALLEGRETTO…

Музыка вдруг оборвалась, он услышал громкий стук, словно что-то упало со стула, и…

Нет, он не мог ошибиться – разгоряченные Бетховеном, они занялись *ЭТИМ* прямо на полу! Да так, что люстра раскачивалась над головой Бисмарка, а Катарина стонала и вскрикивала, и эти ее стоны и крики долетали до него через открытое окно. О, этот горловой, с хрипотцой и страстью крик! Бисмарк с такой силой сжал зубы, что перекусил свою лучшую сигару стоимостью чуть ли не в целый талер!

5

...

«Психологическая сторона его портрета не менее выразительна. Сложная, многогранная натура. Отличный пловец, блестящий стрелок и выдающийся наездник. Любовь к земле и лесу он унаследовал от своих предков… Вместе с тем Бисмарк очень образованный человек. Он чрезвычайно начитан, у него гениальный ум, он более или менее хорошо говорит на шести языках…» (N. Orloff. « Бисмарк и Екатерина Орлова »).

Бисмарк 1862 года «очень высокий… черноволосый… курносый… с бледным лицом и осиной талией… Бойтесь его: он говорит то, что думает» (Б. Дизраэли, Англия).

«Граф Бисмарк – мужчина высокого сложения; беспокойный по характеру; большой, высокий лоб, показывающий благожелательность в сочетании с упрямством. Большие глаза, глубоко посаженные и мягкие, они становятся грозными, когда в них воспламеняется огонь гнева. Волосы зачесаны вверх и прикрывают затылок. Он носит воинственные усы, прикрывающие его ироническую улыбку» (М. Вилборт, парижский журналист 1866).

«Во время беседы жесткая линия рта становится видимой за

усами; также виден ряд мелких крепких зубов, которые он сохранил до конца своей жизни. Его руки даже в старости выглядели руками пятидесятилетнего, на них не было старческих пятен» (С. Витман. « Воспоминания о Бисмарке »).

6

Конечно, на следующий день он и виду не подал, что слышал их супружеские страсти.

Как после ночной грозы и шторма, что в кромешной тьме терзают небо и волны, рвут паруса и секут землю семяизвержениями молний и ливней, – как наутро после этих диких страстей умиротворенная природа вдруг становится тиха, нежна и невинна в лучах проснувшегося солнца, так и Катарина – буквально вся – светилась в то утро такой невинностью и кротостью, что ему хотелось отхлестать ее по персиковым щечкам. И только его аристократическое воспитание да надменная улыбка, прятавшаяся в уголках чуть припухших губ Катарины (ну, и, конечно, присутствие мужа), сдерживали его тяжелую руку.

Но это высокомерие княгини в десятом поколении, ведущей свою родословную от участников Куликовской битвы, бесило его юнкерскую душу. Отчего эти юные стервы, едва вкусив от своей ночной власти над мужчинами, позволяют себе думать, будто царят над всем миром?

Впрочем, повторяю, Отто фон Бисмарк не выказывал ни своего бешенства, ни мужского к ней интереса.

Уходя от курортной толпы за скалы, поросшие цветущим вереском, они втроем наслаждались первозданной природой Биаррица. Князь Орлов, лишенный возможности плавать из-за немощи правой руки, лежал, вытянувшись на сухой траве, и курил, а Бисмарк с Катариной плавали вблизи. По ночам море отступает здесь довольно далеко, и прибрежные лагуны изрядно мельчают, но к утру прибой заполняет эти природные чаши чистой, прохладной и прозрачно-изумрудной водой. Катарина была в таком восторге от высокого неба, свежего утра, сиреневого марева над горами и ласково-знобящей воды, что расшалилась, как девочка, и своим озорством усмирила гнев Бисмарка. К тому же даже в своем закрытом, с десятком оборок и рюшек, купальном костюме она была так пронзительно эротична, что, ныряя за ней, Бисмарк и на глубине, в совершенно холодной воде чувствовал горячечное помутнение разума и напряжение всех своих членов.

7

...

«Никогда ни одна женщина не очаровывала Бисмарка настолько, как Катарина Орлова. Он покорен не столько ее юностью и красотой – красивых женщин он встречал в жизни достаточно и проходил мимо, восхищаясь, но не задерживаясь, – сколько некой первозданностью и свежестью всей ее натуры. Ведь хотя она была дамой из высшего общества, в ней была еще и радостная, беззаботная простота, а ко всему этому – остроумная и занимательная. Она сама говорила, что в ней уживаются два разных человека – "княгиня Орлова" и "Кэтти". Кэтти – насмешница, плутовка, стихийная, увлекающаяся натура. Она любит всякие проделки, ей доставляет удовольствие пугать товарищей своими безрассудствами, карабкаясь по отвесным скалам или забираясь на высокий виадук… Когда Бисмарк ругает Кэтти за какой-нибудь ее очередной опрометчивый поступок, та все же очень довольна собой – ведь когда он сердится, у него не получается скрыть свой немецкий акцент, и тогда он обращается с ней как с "mechante enfant" – непослушным ребенком… Хватило всего одной недели в ее обществе, чтобы Бисмарк оказался в плену чар этой молодой

привлекательной 22-летней женщины. Он пытается обернуть все в шутку, но, по правде говоря, он начинает питать к княгине чувство, превосходящее чисто дружеское расположение» (N. Orloff. « Бисмарк и Екатерина Орлова »).

8

У входа в небольшой грот князь Орлов ловко развел костер и жарил каштаны и мидии, принесенные Энгелем, слугой и кучером Бисмарка. А Бисмарк с Катариной, взобравшись на соседнюю скалу, сидели и смотрели на море, зеленое и белое от пены и солнца.

– Вы такой большой! – сказала она. – Похожи на скалу.

– А вы на эльфа. Или ангела, – ответил он. – Вы… Вы, вообще, бываете на горшке?

Она возмутилась:

– Я? На горшке? Нет, конечно!

– Я так и думал…

Но она все же обиделась, вскочила и…

– Вы дерзкий плебей!

И прыгнула в море с такой высоты, что у Бисмарка сердце остановилось.

А она вынырнула и, гневно барахтаясь, поплыла в открытое море. Бисмарк и Николай испугались – ведь там, за скалами, уже океанские волны.

– Назад! – закричал ей с берега Николай. – Кэтти, назад!

Конечно, Бисмарк тут же прыгнул за ней, догнал ее, да она уже и сама выбилась из сил, но упрямо не хотела возвращаться к берегу, даже отбивалась от Бисмарка…

А вечером в гостинице она снова играла им на рояле, на сей раз Мендельсона, и Бисмарк, стоя у окна, подсвистывал ей.

– А правда, что в молодости у вас была репутация жуира и опасного мужчины? – спросила она, не прерывая игру.

Он усмехнулся:

– Это ваша берлинская миссия собирает на меня досье?

– И на вашем счету действительно тридцать дуэлей?

– Нет, всего двадцать восемь.

Она в ужасе округлила глаза:

– И вы стреляли в людей?

– Не всегда. В основном мы дрались на эспадронах.

– И как?

– Двадцать семь дуэлей я выиграл. Но прошу учесть – не я же их вызывал…

– Все равно вы ужасный! Ужасный! – И Катарина с такой силой ударила по клавишам, что этот еврей Мендельсон, наверное, проснулся в гробу.

9

...

«Они уже исследовали весь берег и наткнулись на совершенно очаровательные, необитаемые местечки, придумали им имена, которые будет напрасно искать на карте и которые отныне – их царство и вотчина. Так появились "Грот у башни маяка", "Дырявая скала", маленький островок среди утесов, который они окрестили "Гнездышко Кэтти", и "Утес чаек", бывший их любимым местом. Здесь проводят они многие часы, читают, пишут письма, мечтают и устраивают пикники. 19-го августа Бисмарк оставил нам живую картинку их маленькой группы: князь Орлов лежит, вытянувшись на сухой траве, и курит, Бисмарк и Катарина удобно устроились друг подле друга, пишут, пользуясь своими книгами, как пюпитром; она пишет своим родителям, он – Иоганне: "На четверть мили северней Биаррица, в скалах у берега, есть узкое ущелье, покрытое дерном, заросшее кустами и тенистое; невидимый ни для кого, я смотрю за двумя, покрытыми цветущим вереском скалами, на море, то зеленое, то белое от пены и солнца; рядом со мной самая очаровательная из всех женщин, которую ты тоже полюбишь, когда узнаешь поближе..."» (N. Orloff. « Бисмарк и Екатерина Орлова »).

«Бисмарк и Орловы вместе обедали в комнатах Орловых. Кроме того, эта маленькая компания и днем была вместе… Князь, воспитанник старой джентльменской школы и несколько стесненный своей инвалидностью, предоставил своей супруге, бывшей на 13 лет моложе его, максимум свободы, практически безграничной. Для Бисмарка это была краткосрочная идиллия, но она позволила ему расслабиться и забыть о политике… Своей сестре Мэйл он открыто написал, что влюбился в эту "озорную принцессу"» (В. Рихтер. « Бисмарк ». Лондон, 1964).

10

Нет, ей положительно нравится дразнить его. Даже когда на закате он тихо сидит на пляже в шезлонге, курит свою трубку и пишет жене очередное письмо (а Катарина видит это сверху, из своего окна), она вдруг появляется с крупными фигами на блюде, устраивается рядом с ним в шезлонге и начинает поглощать эти фиги с такой вызывающей чувственностью… А потом, расхохотавшись, оставляет ему фиги и бежит к морю, танцует на кромке прибоя. А он продолжает писать Иоганне: «Она оригинальна, красива и молода. Рядом с ней я до смешного здоров и счастлив… – Тут он смотрит на Кэтти, прыгающую в волнах, и, спохватившись, дописывает: – Счастлив настолько, насколько могу быть счастлив вдали от вас, моих дорогих…»

– Дядюшка! – говорит она, подскакивая перед ним на одной ноге и отжимая мокрые волосы. – Можно, я буду звать вас дядюшкой?

Он усмехается:

– Когда я жил в России и учил ваш язык, мне понравились несколько ваших пословиц. Особенно одна: хоть грибом назови, только скорей положи в свою корзинку.

Надев на себя бисмарковскую широкополую соломенную шляпу, она садится рядом.

– Вам понравилось в России?

– Вообще, меня туда отправили в ссылку. До этого, при короле Фридрихе-Вильгельме Четвертом…

11

– При короле Фридрихе Вильгельме Четвертом я, после восьми лет службы прусским представителем в Сейме Германского союза в вольном городе Франкфурте-на-Майне, чуть было не получил пост министра иностранных дел. Но с Фридрихом случился удар, и регентом стал его брат Вильгельм, чья супруга терпеть меня не может за мою нетерпимость к социалистам. И меня тут же отправили подальше – в Петербург, этот ваш русский ледник на Неве. В марте 1859-го мне потребовались семь полных суток, чтобы по заснеженным польским и российским равнинам доехать туда из Берлина. Однако русский Царь и Царица были так благосклонны ко мне! Принимали, как семейного посланника. А по случаю весеннего парада император занимался мной столь исключительно, как будто устроил этот парад для меня. При прохождении войск он приблизил меня к себе и разъяснял каждый вид своих войск и кто ими командует. А когда при разъезде гостей от царского дворца с крыльца кричали: «Prusku paslannika!», то все русские оборачивались с такой широкой улыбкой, словно только что опрокинули рюмку шнапса… А где ваш муж? Что он делает?

– Он пишет трактат.

– О чем?

– Об отмене порки в России…

– Правда?

– Да. Порка – это ужасно, верно? Во Франции ее отменили еще в прошлом веке! У вас в Германии тоже, не так ли? А в России, представляете, даже сегодня, когда в мире уже такая цивилизация, людей секут кнутами, плетьми, шпицрутенами. До трехсот ударов! Ужас! Николя говорит, что это настоящее зло в христианском, нравственном и общественном отношениях!

…

Свой досуг князь Н.А. Орлов посвящал истории и искусству; он составил превосходную коллекцию рисунков старых мастеров. Его Записка «Об отмене телесных наказаний в России и в Царстве Польском», поданная им императору Александру II, имела

широкий резонанс…

Теплый сентябрьский дождь внезапно налетел из-за Пиреней, курортники резво побежали с пляжа под навесы и зонты, а Бисмарк и Кэтти переместились в кафе «Miremont», знаменитое своими круассанами с малиной, которые таяли во рту. Усевшись за столик, Бисмарк с ходу заказал официанту дюжину таких круассанов для Кэтти («Дядюшка, зачем мне дюжина? Я съем от силы два!»), а себе три дюжины устриц и бутыль белого шабли…

– Вы начали рассказывать о себе и России, – напомнила Кэтти.

– Да, конечно, – согласился Бисмарк. – В Петербурге я снимал дом графини Штейнбок на Английской набережной. В охотничьих партиях, разумеется, не было недостатка; я охотился на лося, медведя, волка и держал у себя в доме медвежат, которых отсылал, когда они вырастали, в зоологические сады во Франкфурт и Кельн. Иногда мишка появлялся внезапно за столом, к великой забаве общества, прогуливался весьма благопристойно по скатерти между тарелками и стаканами, или хватал прислуживающего лакея за ногу, и скатывался с устроенной в столовой горки…

(На глазах у изумленной Кэтти первая дюжина устриц уже исчезла в его могучем желудке…)

– Вы, княгиня, еще не были в Петербурге? Если поедете, я бы рекомендовал появляться на улице в карете не иначе как со знаками одного из высших русских орденов. Даже верхом, но в штатском платье там не всегда можно избежать опасности оказаться жертвой невоздержанного языка или неосторожной езды отличающихся особой одеждой кучеров видных сановников. А в конфликтах с ними только хлыстом можно добиться признания своего равноправия с их хозяином. Впрочем, я-то вынес из своего пребывания в России лишь приятные воспоминания… Горчаков, неограниченным доверием которого я пользовался, давал мне читать, пока я ожидал его, еще нераспечатанные донесения из Берлина прежде, чем просматривал их сам. Кокетничая своим доверием, он говорил: «Vous oublierez ce que vous ne deviez pas lire» [2] – в чем, разумеется, я давал слово, просмотрев эти депеши в соседней комнате. При этом всякий раз, как мне случалось бывать в Петербурге в одном из императорских дворцов – Царскосельском или Петергофском, чтобы посовещаться с жившим там летом князем Горчаковым, я находил в отведенном мне дворцовом помещении сервированный для меня завтрак из нескольких блюд, с тремя-четырьмя сортами превосходного вина; иных мне на

императорском столе вообще никогда не приходилось пить. Ваше здоровье, дорогая! Вы можете не пить, но пригубите, please!..

(Тут пришел конец третьей дюжине устриц, и Бисмарк заказал себе еще три дюжины.)

– Несомненно, на кухне русского императора много крали, но гости от этого не страдали; напротив, их порции были рассчитаны на обильные остатки в пользу слуг. Возможно, дворцовые слуги, пользовавшиеся недопитыми винами, успели, в результате долголетнего опыта, приобрести изысканный вкус и не потерпели бы непорядков, от которых пострадало был качество еды и питья, подававшихся к столу…

Дождь закончился так же внезапно, как начался, теплое вечернее солнце, как ни в чем не бывало, выплыло из-за растаявших туч, и в гавань неторопливо вошли сразу несколько тяжелых парусных рыбацких лодок.

– Ой, дядюшка, смотрите, аисты!

Действительно, с берега, откуда-то с северо-востока прилетели пять белых аистов и величественно уселись на буйках рыбачьего причала.

– Это из Байонны, тут по соседству, – объяснил Бисмарк. – Они там живут на пожарной каланче, могу вас свозить на экскурсию. А сюда прилетают в ожидании щедрых подачек от рыбаков, но только если их лодки идут в гавань, черпая воду бортами, то есть отяжеленные удачным уловом. Вы уговорите Николая поехать в Байонну?

– Конечно! А еще можете рассказать про Россию? Только правду…

Он посмотрел ей в глаза.

– В каком смысле?

– Понимаете… – она замялась. – Мой Николя большой патриот России. Он рассказывает только о победах.

– И правильно делает. А я патриот Германии. Если я рассказываю какие-то анекдоты про Россию, то не ради ее унижения, а только для вашего развлечения. Впрочем, больше не буду…

– Нет, пожалуйста, дядюшка! Мне очень интересно.

– Хорошо… Well, был такой случай. Однажды император обратил внимание на непомерное количество сала, которое ставится в счет всякий раз, как приезжает принц Прусский; в результате выяснилось, что при первом своем посещении принц после прогулки верхом пожелал за ужином съесть ломтик сала. Истребованный лот сала превратился при последующих посещениях в пуды. Недоразумение разъяснилось в личной беседе высочайших особ и вызвало взрыв веселья, послуживший на

пользу замешанным в этом деле грешникам.

– Дядюшка! Остановитесь! Вы съели шесть дюжин устриц!

– Для меня это appetiser. Как-то в парижском ресторане я съел сто пятьдесят устриц. Но сейчас я действительно остановлюсь – устрицы, по слухам, очень возбуждающе действуют на мужчин… – и он вызывающе посмотрел ей в глаза.

Но Кэтти сделала вид, что пропустила этот вызов мимо ушей.

– Дядюшка, вернемся к России…

– Ну что же, вернемся. Говоря о России, вспоминается факт, о котором рассказал мне сам Фридрих-Вильгельм Четвертый. Император Николай, отец Александра Второго, попросил Фридриха-Вильгельма прислать ему двух унтер-офицеров прусской гвардии для предписанного врачами массажа спины, во время которого пациенту надлежит лежать на животе. При этом он сказал: «С моими русскими я всегда справлюсь, лишь бы я мог смотреть им в лицо. Но со спины, где глаз нет, я предпочел бы все же не подпускать их». Унтер-офицеры были предоставлены без огласки этого факта, использованы по назначению и щедро вознаграждены. Это показывает, что, несмотря на религиозную преданность русского народа правителю, император Николай не был уверен в своей безопасности с глазу на глаз даже с простолюдином из числа своих подданных. А теперь пошли к рыбакам, посмотрим, как они кормят аистов…

12

Обычно после ужина, в отлив, Бисмарк и Орловы катаются верхом вдоль берега по плотному песку. И по просьбе Кэтти Бисмарк снова рассказывает о России. Правда, щадя патриотические чувства Николая, он выбирает из своего опыта не самые для Орлова обидные случаи.

– С другой русской особенностью я столкнулся в первые весенние дни пятьдесят девятого года. Как-то придворное общество гуляло по Летнему саду, и императору бросилось в глаза, что на одной из лужаек стоит часовой. На вопрос, почему он тут стоит, солдат мог ответить лишь, что «так приказано». Император поручил адъютанту выяснить в казарме, но и там сказали, что в этот караул и зимой и летом отряжают часового, а кто отдал первоначальный приказ – установить нельзя. И только старик-лакей вспомнил, что его отец рассказывал, будто «императрица Екатерина увидела как-то на этом месте первый подснежник и приказала следить, чтобы его не сорвали». Исполняя приказ, на лужайке поставили часового, с тех пор из года в год он стоит там больше пятидесяти лет.

Кэтти и Николай рассмеялись, но Бисмарк сказал:

– Подобные факты и у нас, немцев, вызывают насмешку, но в них находят свое выражение примитивная мощь, устойчивость и постоянство, на которых зиждется сущность России…

13

Сегодня за обедом Бисмарк в который раз заметил, с каким ужасом и восхищением смотрит Катарина, как он поглощает сначала суп, потом угря, холодное мясо, креветок, омара, копченое мясо, ветчину, горячее жаркое и пирожное и запивает все это вином из огромной бутыли.

Но он делает вид, что не замечает ее расширившихся глаз и взглядов, которыми она обменивается по этому поводу с Николаем.

– Oh, it's so good! – говорит он про еду, нарочно урча от удовольствия. – In our family we all large eaters. If there were many of the same capacity in country the state could not exist; I should emigrate… [3]

Орловы рассмеялись, а он продолжил по-немецки:

– Знаете, я завидую вам, русским!.. Да… Вы собрали самые разные племена – от эскимосов на Севере до черкесов на Кавказе и от поляков до каких-то сибирских племен, которым я даже названия не знаю. Всех заставили говорить по-русски и создали огромную империю от Варшавы до Японии! А мы, немцы, занимаем пол-Европы, а живем в разных странах – часть во Франции, часть в Дании, часть в Австрии, а часть в Пруссии. It's not good!

– Я знаю, – заметил Николай, – месяц назад вы были в Англии, и всех там напугали, сказали: если станете канцлером, то соедините всех немцев в одну империю.

Бисмарк внимательно посмотрел на него. Затем вытер салфеткой руки и достал из кармана маленький листок с картой Европы. Эту карту он всегда носил при себе, на ней разными цветами были обозначены Австрия, Пруссия, а также Эльзас, Лотарингия и другие немецкие княжества, граничащие с Пруссией, но находящиеся под властью Франции и Дании.

– Смотрите! – сказал он и ткнул пальцем в карту: – Здесь живут немцы. И здесь, и здесь, и здесь… И все врозь, в разных странах. Но если нас соединить, что получится? – Он сжал кулак и положил его на карту. Это был его любимый трюк и заветная мечта – на карте очертания немецкоговорящих территорий точно повторили очертания его кулака! – Германская империя! Железный кулак!.. Впрочем… – Бисмарк сложил карту и спрятал в карман. – Можете не беспокоиться, наш король никогда не сделает меня канцлером.

И вернулся к жаркому из фазана, но Кэтти вдруг спросила:

– Дядюшка, а все-таки из-за чего ваш Вильгельм поссорился с

парламентом?

Бисмарку не хотелось ни расставаться с фазаном, ни входить в сложные объяснения.

– Милая, если я начну рассказывать, ваши прелестные маленькие ушки завянут на первой минуте.

Но ее прелестные голубые глазки вспыхнули обидой:

– А вы попробуйте! Вдруг я не дура?

Ого! – подумал он. – После прошлого инцидента на скале нужно быть с ней помягче. – И снова вытер руки салфеткой.

– Хорошо, дорогая, pardon. Слушайте. У нас в Пруссии мужчины поступают в армию на двадцатом или двадцать первом году, и три года солдат находится под ружьем, а потом его отпускают в резерв и требуют только в случае войны или больших маневров. Но в запасе, то есть в ополчении, он все равно находится до пятидесяти лет. Как ваши ушки? Еще не свернулись?

– Нет. Я слушаю…

– Однако население Пруссии постоянно растет и дает все больше рекрутов. В 1815 году нас было десять миллионов, а сейчас уже больше семнадцати! Поэтому король и мой друг Роон, военный министр, решили реформировать армию, чтобы срок службы в войсках был несколько увеличен, а в резерве, сообразно с этим, – сокращен, и пожилые люди вообще от службы освободились. Как вы считаете, это логично?

Кэтти посмотрела на Николая, а потом сказала:

– Н-ну, думаю, что да…

– Я тоже так считаю, – сказал Бисмарк. – Но любая реформа требует денег, особенно – если численность регулярных войск увеличивается, и в прошлом году король представил в парламент бюджет на восемь с половиной миллионов талеров больше, чем обычно. Однако социалисты и прогрессисты, которых в нашем парламенте теперь большинство, бюджет урезали на полтора миллиона, а в этом году грозят вообще не дать никаких денег. Голосование будет вот-вот, в сентябре, и, если это случится, что, вы думаете, сделает король?

– Я… я не знаю… – и Кэтти снова посмотрела на Николая.

Николай, конечно, был в курсе всего, что происходит в Берлине.

– Боюсь, Вильгельм отречется от власти, – произнес он.

– Вот именно, – сказал Бисмарк. – И этим подаст дурной пример всем социалистам Европы от Лондона до Москвы! Они решат, что таким образом могут избавиться от всех монархов!

– А вы роялист? – спросила Катарина.

– До мозга костей! – подтвердил Бисмарк.

14

Вечером, когда солнце опускается в море, а луна поднимается из-за Пиренеев, Бисмарк и Орловы если не верхом, то пешком гуляют по променаду. При этом Кэтти, разыгрывая расфуфыренных барынь, одевается так просто, что они смотрят на нее свысока и презрительно отворачиваются. И когда очередная напыщенная дура, сравнив одетого, как денди, Николая с этой «простушкой», явно приняла ее за содержанку и смерила уничижительным взглядом, Николай поддержал розыгрыш, сказав как можно громче:

– Ничего, мон амур! Завтра я куплю тебе выходное платье!

Кэтти засмеялась, а Бисмарк оживился:

– Кстати, про слово «ничего». В Санкт-Петербурге я брал уроки русского у одного вашего студента. Замечательный учитель, но все равно он не смог мне объяснить это понятие. Почему в ста разных случаях вы говорите «ничего». «Я вас обидел?» – «Ничего». «Вы проголодались?» – «Ничего». «Как вы живете?» – «Ничего». Но ведь ничего – это пустота, nothing!

Николай бессильно развел руками, а Бисмарк сказал:

– Кэтти, вы спрашивали, понравилось ли мне в России? Смотрите…

И Бисмарк показал им свой железный, сделанный им еще в Петербурге из ружейного шомпола, перстень, на котором по-русски было выгравировано: «НИЧЕГО».

– Это моя память о России. Когда дела идут хуже некуда или настроение швах, я смотрю на перстень и думаю: ничего, в России миллионы людей и хуже живут…

15

Сегодня это случилось.

С утра они, как обычно, ушли на прогулку подальше от Биаррица, гуляли в миндальных и тамариндовых садах, стреляли в тире, а потом, «укрывшись от людских глаз за скалами, поросшими цветущим вереском», плавали, ныряли и дурачились, как дети.

На четверть мили севернее Биаррица, в скалах у берега, они нашли узкое ущелье, и здесь, в изумрудной лагуне, Бисмарк, стоя по грудь в воде, обычно изображал скалу, а Кэтти забиралась ему на плечи и ныряла в воду, поднимая фонтаны брызг.

С берега Орлов индифферентно наблюдал за этой платонической идиллией, но ночью он в своих апартаментах с такой ревнивой энергией любил Екатерину, что Бисмарк не выдерживал, выскакивал из отеля, бежал к морю и с разбегу нырял в волны остудиться.

Однако днем он по-прежнему невозмутим, и сегодня после обеда расположился, как всегда, под окном своего гостиничного номера, а Кэтти, устроившись рядом, спросила:

– Так вы не демократ?

Бисмарк улыбнулся:

– Нет, ваша милая светлость, я не демократ и не могу быть таковым, я был рожден и воспитан аристократом!

– Пожалуйста, дядюшка! Расскажите мне о себе…

– Вообще-то, мои предки саксонские дворяне, – сказал он и поднялся, чтобы выбить трубку. – В двенадцатом веке они пришли на Эльбу через Нордмарк. Наверное, поэтому в юности я бешено влюблялся в англичанок. Одна из них была изумительно красива, почти как вы, и мы даже были помолвлены. Но я был нищим, и она вышла замуж за однорукого старика-полковника, имевшего высокую ренту, а я чуть было не застрелился…

Неожиданно из ее глаз брызнули слезы, она вскочила и набросилась на него с кулачками.

– Кэтти, что с вами? Кэтти! – изумился он. – Что случилось?

– Где? Где вы были? – зашептала она сквозь слезы. – Где вы были год назад?! – Затем порывисто отвернулась и бросилась прочь.

Бисмарк удовлетворенно раскурил свою трубку. Даже на холодной русской Неве случается ледоход. Он взял со своего подоконника чернильницу, перо и бумагу и написал Иоганне:

«С тех пор, как приехали Орловы, я живу с ними, словно мы совершенно одни на этой земле, и чуточку влюбился в эту

хорошенькую госпожу. Конечно, она немного эксцентрична, в духе своих соотечественниц, но культурна и цивилизована в силу своего франко-немецкого воспитания».

16

Скорой почтой:

Samois-sur-Seine, шато Бельфонтен,

княгине Анне Трубецкой-Гудович

«Дорогая маменька, в числе наших развлечений появилось еще одно – мсье Гардер, хозяин «Hotel d'Europe», пригласил в свой ресторан новую певичку. Теперь за ужином эта певичка с легкомысленным пером в шляпке, переходя от столика к столику, поет песенки Беранже – каждому столику на языке, соответствующем национальности отдыхающих:

Хотел бы я вино с любовью
Мешать, чтоб жизнь была полна;
Но, говорят, вредит здоровью
Избыток страсти и вина.
Советам мудрости внимая,
Я рассудил без дальних слов:
Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь!..

Спев это французам по-французски, она переходит к следующему столику, к англичанам, и поет им по-английски:

В весенний день моя свобода
Была Жаннетте отдана;
Я ей поддался – и полгода
Меня дурачила она!..

Все хохочут, а у мужчин, судя по Бисмарку, даже прибавляется аппетит. Он снова заказал себе тройную порцию блюд и бутыль красного бургундского. Ты просто не представляешь, сколько он может съесть и выпить!

Держа в руке депешу, только что полученную из Берлина, Николя сказал ему:

– Барон, а вы знаете, что творится в Берлине?

Но Бисмарк, увлеченный едой и певичкой, лишь отмахнулся:

– Нет, я совершенно забыл о политике и не читаю газет.

А певичка тем временем продолжала:

Кокетке все припоминая,
Я в сентябре уж был готов…
Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь!

– А зря! – сказал Николя Бисмарку. – Конфликт вашего короля и социалистов в парламенте дошел до кризиса.

Бисмарк посмотрел на меня:

– Надеюсь, меня не затребуют в Берлин. Тут певичка перешла к

немцам и запела по-немецки:

Так я дошел бы до могилы…
Но есть волшебница: она
Крепчайший спирт лишает силы
И охмеляет без вина.
Захочет – я могу забыться;
Смешать все дни в календаре:
Весной – бесчувственно напиться
И быть влюбленным в декабре!

– Напрасно надеетесь, – заметил Бисмарку Николя. – Наша миссия в Берлине сообщила князю Горчакову… Вы же знаете князя?

– Еще бы! – усмехнулся этот Гаргантюа, ломая хрустящего омара. – Я знаю вашего канцлера еще по Франкфурту, где он был русским посланником, а я прусским. Да и в России мы с ним часами беседовали у карты Европы. Он остроумный оратор и любит блеснуть перед иностранными дипломатами. Я многократно часами и с удовольствием слушал его назидательные речи.

Я с трудом сдержала улыбку, а Николя спросил:

– Это ирония? Не забывайте, что Горчаков мой шеф…

– Я помню, – ответил Бисмарк. – Именно потому я и рассыпаю ему комплименты.

Но Николя оказался на высоте и парировал:

– Насколько я знаю, он к вам тоже очень хорошо относится.

Они расхохотались, и я тоже невольно улыбнулась.

Понизив голос, Николя сказал Бисмарку:

– Наша миссия в Берлине сообщает: советники вашего короля твердят ему, что только вы способны укротить ваших разгулявшихся либералов и социалистов. Я уверен, что не сегодня завтра вас вызовут в Берлин и назначат министром-президентом.

Бисмарк кивнул на письмо в его руках:

– Это Горчаков вам написал?

Тут певица подошла к нашему столику и запела по-русски, причем совершенно чисто и без акцента:

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жанетты не отдам!

– Ой! – удивился Николя. – Так вы русская! А певица продолжала, почему-то глядя на меня:

Красотой одной богата,
Чем Жанетта виновата,
Что не нужны ей шелка?

У нее в одной рубашке
Грудь свежа и высока.
Взбить все локоны бедняжки
Так и тянется рука…

Я покраснела, а Бисмарк положил певице за пояс целых два талера! Я жду не дождусь, когда он наконец, оставит нас в покое и уедет в свою Пруссию…»

17

Серебристые холмы оливковых рощ в Nyons… Лавандовые долины от Valreas до Vaison-la-Romaine… По дорогам Прованса, утопающего в зелени и благоухающего осенним буйством трав и цветов, катят две кареты.

Над ними в чистом и горячем небе парят птицы, над цветами жужжат пчелы.

Дверцы второй кареты распахнуты, Бисмарк полулежит на сиденье, выставив наружу босые ноги. Он блаженствует.

А в первой карете Кэтти спрашивает у мужа:

– Почему ты разрешил ему ехать с нами?

– А как я мог отказать? Его вот-вот назначат канцлером Пруссии! В интересах России мы обязаны сблизиться с ним.

Кэтти изумленно смотрит на Николая.

– Как ты сказал? Сблизиться?

Орлов молчит, отвернувшись.

– Так вот почему мы оказались в Биаррице! – произносит Кэтти.

18

У виноделов Gigondas, прямо у пресса, путешественники со смехом и шутками пьют молодые вина.

– Солнце и вино – вот и все, что нужно мужчине! – провозглашает Бисмарк.

Но Орлов и тут продолжает работать на своего шефа.

– Итак? – говорит он, словно между прочим. – Если станете прусским премьер-министром, вы и вправду начнете войну с Данией, Австрией и Францией за немецкие княжества?

– Ни в коем случае! – отвечает Бисмарк. – Успокойте Горчакова: Пруссия никогда первой ни на кого не нападет! Во всяком случае, если я буду премьер-министром.

Орлов делает изумленное лицо:

– А как же ваш германский кулак?

– Дорогой мой! Нас, немцев, очень легко склонить на войну, но оборонительную, а не завоевательную. Спросите у вашего канцлера. Он же считает меня своим учеником. Спросите у него и он вам скажет: выиграть можно только национально-*освободительные* войны. То есть когда на *вас* нападают! А теперь забудем о политике и выпьем за нашу красавицу Кэтти!

Слово «нашу» Бисмарк произнес так, что Катарина с испугом вскинула на него глаза, – словно *это* уже случилось.

Впрочем, кто знает, когда *это* происходит – в момент физического соития или куда раньше, когда хотя бы один из участников этого сакрального действа начинает мысленно вожделеть другого, и там, на тонком энергетическом уровне, куда, слава Богу, еще не смогли ученые влезть своими руками и приборами, – там, в телепатических волнах ночных сно– и ясновидений происходит первое эротическое соблазнение и соитие.

Огромный, почти двухметровый Отто Эдуард Леопольд Карл-Вильгельм-Фердинанд фон Бисмарк унд Шёнхаузен, гордый и дерзкий померанский дуэлянт и барон, которого боялась даже королева Августа и побаивался король Вильгельм, вдруг почувствовал, как его всего, целиком, словно малого ребенка, вобрали в себя зрачки ее глаз, опустили куда-то вниз, в жаркую пульсирующую пропасть, оросили там огненными фонтанами страсти и выбросили назад, на землю, обессиленного настолько, что ноги стали ватными и дыхание кончилось.

А она, тихо усмехнувшись, села в карету и позвала мужа:

– Николя…

Но в Arles, в те острые моменты, когда на ринге

окровавленный бык в бешенстве мчался на тореадора, чтоб поднять его на рога, Кэтти, сидя на зрительской трибуне между Бисмарком и мужем, в ужасе схватила и стиснула их руки – сразу у обоих, одновременно!

Так, держа обоих мужчин, она просидела на протяжении всего боя быков, и Бисмарк воспринял ее цепкое пожатие, как еще один знак. Однако он и тут сдержался, не ответил на этот жест. И был вознагражден – в древней провансальской деревне La Tuliere, что возле городка Grignan, Кэтти заказала хозяину сувенирной лавки выгравировать «Kathi» на агатовом брелоке для часов и протянула Бисмарку этот брелок:

– Дядюшка, это вам. На память.

– Мерси, мон амур.

19

Nimes-Avignon. 13 сентября 1862 г.

Даже из своей кареты Бисмарк услышал, как Кэтти восторженно крикнула, показывая на старинный виадук Понт-дю-Гар.

– Ой, я хочу туда!

– Но я не могу… – сказал Орлов, кивнув на свою правую руку.

– Ничего, я пойду сама!

Однако одну ее, конечно, к виадуку не пустили, Бисмарк пошел с ней, а Николай остался на речном пляже и через подзорную трубу наблюдал, как они поднялись к древнеримскому виадуку через реку Гардон, когда-то называемую Гар. Тысячу восемьсот лет назад, во времена Римской империи, это гигантское трехъярусное сооружение, построенное по приказу знаменитого Марка Агриппы за девятнадцать лет до рождения Иисуса Христа, было частью сорокакилометрового водопровода и снабжало водой Ним, Авиньон и все соседние города и селенья. Но потом этот мост был заброшен и разрушаем временем, и только недавно его восстановили по приказу Луи-Наполеона.

И вот там, наверху, у начала третьего яруса виадука, заросшего кустарником и диким виноградом, Бисмарк, рассказывая про Марка Агриппу, решил, что момент настал – он обнял Кэтти, поднял над землей и…

О, Боже, ее губы ответили ему!

Спустя минуту они, забыв Агриппу и невидимые никому, уже катались по земле. Но Кэтти яростно сопротивлялась:

– Нет! Ни за что! Нет!..

– Si! Ja! – теряя голову, твердил он по-французски, по-немецки и по-русски. – Да! Да! Я люблю тебя!

– Нет! Я не могу, я княгиня!

Наверно, своим весом он настолько придавил ее к земле, что мелкие камни оцарапали ей плечи и спину, оголенные летним сарафаном.

– Stop it! – сказала она. – Мне больно!

Конечно, он отпустил ее. Кэтти порывисто встала, оставив на земле свою шпильку.

Он поднял эту шпильку и положил в карман.

Дальше они пошли молча. Далеко внизу, на пляже стояли две кареты, в сторонке лошади щипали траву, слуги и кучеры полдничали под тенистой оливой, а Орлов все смотрел в свою подзорную трубу.

Однако Бисмарка и Кэтти он видел лишь в просветах диких

оливковых рощ, да и то, когда они спустились пониже.

На узенькой тропе Кэтти на ходу поправила волосы и показала Бисмарку свое плечо в синяках.

– Что мы скажем Николаю?

Он пожал плечами:

– Что «дядюшка» чудом спас «племянницу».

– Хм! И много у вас таких племянниц?

Он резко остановился, двумя руками взял ее за худенькие плечи и повернул к себе.

– Кэтти, вы единственная! И я люблю вас так, что готов съесть!

– И я вас! Это ужасно… – вдруг сказала она и своими крохотными кулачками стала снова колотить его по груди: – Ужасно!.. Я вас обожаю!..

Потом сорвалась с места и бегом помчалась вниз по тропе.

20

...

«22-летняя княгиня Орлова – ее звали Екатериной, урожденная Трубецкая – была совершенно очаровательной. Она выросла во Франции и говорила по-французски, английски, немецки и немного по-русски. До встречи в Биаррице она не была знакома с Бисмарком, но, согласно нашей скудной информации, возникшие между ними отношения довольно скоро вышли за пределы простого курортного приятельства» (В. Рихтер. « Бисмарк »).

21

Спустившись с горы, они подошли к каретам. Слуги и кучеры стали поспешно собирать свою снедь и «скатерть-самобранку».

– Николай, – обратился Бисмарк к князю. – Я очень перед вами виноват…

– Что случилось? – спросил Орлов, глядя на Кэтти.

Бисмарк показал вверх, на виадук:

– Там, наверху, карабкаясь с *княгиней* по виадуку, я увидел, как она оступилась на «живом» камне на самом краю обрыва. В ту же секунду я быстро шагнул к *княгине* и, обхватив ее одной рукой, спрыгнул в канал. В результате *я*, конечно, спас *княгиню* от увечий. Но – не уберег от синяков и царапин. Велите меня казнить.

Слово «княгиня» он произносил с особым подтекстом, понятным только ему и Кэтти.

Но Орлов этого подтекста не уловил, он перевел взгляд с Бисмарка на спину жены и снова на Бисмарка.

А Кэтти спокойно отвернулась и сорвала веточку с оливкового дерева.

– Катарина, – сказал ей Орлов. – Я вижу, вы в своем безрассудстве можете и жизни лишиться.

Кэтти независимо повела плечом, шагнула к карете и остановилась в ожидании, когда муж поможет ей подняться на подножку.

Он подал ей руку со словами:

– Всё, мон амур! Путешествие окончено. Мы едем в Женеву.

– Но я хочу к маменьке в Фонтенбло! – громко сказала она, усаживаясь на сиденье.

Князь Орлов повернулся к Бисмарку:

– Извините, барон. Служба требует моего присутствия в Женеве, – и он протянул Бисмарку свою левую руку. – Адьё!

Бисмарк пожал ему руку и ответил по-русски:

– До свидания.

Орлов сел в карету и приказал кучеру:

– Трогай!

Карета тронулась, Бисмарк стоял на дороге и смотрел ей вслед.

Через несколько секунд из окна кареты высунулась Кэтти с оливковой веткой в руке.

– Дядюшка! Это вам! – крикнула она и бросила веточку на дорогу.

Кучер стеганул лошадей, и карета Орловых унеслась прочь,

подняв облако пыли.

Когда пыль осела, Бисмарк подошел к брошенной ветке, поднял ее и поцеловал. Ведь это была *оливковая* веточка, она обещала ему весь мир и встречу в Фонтенбло.

Запоздалое предисловие

Дух Бисмарка стучит в мое сердце…

Это, конечно, всего лишь красивая фраза.

Но что, если и на самом деле стучит?

Иначе какого рожна каждую ночь я, словно от толчка, просыпаюсь в три часа и до семи, а то и до восьми утра разговариваю с ним, а порой даже сажусь к компьютеру и записываю за ним?

Милостивый государь князь Отто фон Бисмарк! Давайте выясним наконец, что Вы от меня хотите? За сто лет со дня Вашей смерти сотни историков и Ваших биографов давно обсосали каждую минуту Вашей жизни, обсудили каждую строчку Ваших мемуаров и мемуаров Ваших друзей и врагов, даже каждое Ваше письмо Вашей жене, сестре, королям и министрам. Так зачем Вы будите меня мыслями о том, что они так старательно умалчивают, суют под ковер или маскируют?

Помню, в детстве я прочел статью о Рембрандте. В ней говорилось, что великий Рембрандт был очень хозяйственный малый и даже, кажется, скупердяй. Во всяком случае, после его смерти нашли амбарные книги, в которые он день за днем скрупулезно записывал все свои доходы и расходы, даже самые мелкие. И в статье было сказано – я запомнил это навсегда – что сотни историков и искусствоведов, *как мыши,* годами кормятся этими книгами. Это сравнение напрочь отбило у меня охоту писать исторические романы.

И вдруг – Вы, Ваша светлость! Почему именно меня выбрали Вы в свои конфиданты? Как-то в Киссингене, на курорте, когда Вы с кем-то из своих друзей шли от минерального источника по мосту над рекой, к Вам подошел пожилой раввин и сказал Вам, как создателю единой Германии, несколько комплиментов. А потом, отойдя от него, Вы сказали своему спутнику (а он записал): «Обратите внимание, у этого раввина, как у всех евреев, голова наклонена набок. Это очень удобно для гильотины».

О, как мне нравится ход Ваших мыслей при встречах с нами! И что бы Вы ни писали и ни говорили потом о своем хорошем к евреям отношении, о наших достоинствах, трудолюбии, сообразительности и даже пользе смешанных немецко-еврейских браков, эта первая, при встрече с евреем, мысль о том, как поудобнее отрезать нам голову, приводит меня в творческий «восторг»!

Но если, приходя ко мне по ночам, Вы первым делом думаете, как отрезать мне голову, то, повторяю, какого рожна Вы именно

мне диктуете свою love story и подсовываете источники, в которых можно найти крохи ее документальных свидетельств?

Часть вторая МИНИСТР-ПРЕЗИДЕНТ

1

Париж. 18 сентября 1862 г.

Юный парижский почтальон в новеньком почтовом камзоле рысью промчался на лошади по узкой улочке Ру де Лилль и остановился у каменного забора резиденции прусского посланника. Спешившись, он набросил поводья на стойку у ворот и дернул шнур колокольчика.

Усатый служитель посольства открыл железную и по-немецки тяжелую калитку.

– Телеграмма барону Бисмарку, прусскому посланнику! – поспешно выдохнул почтальон.

– Откуда?

– Из Берлина! Срочно!

Служитель взял телеграмму.

– Но барона нет…

– Вы читайте, мсье! – пылко сказал юный француз. – Тут всего пять слов: « *Periculum in mora. Depechez-vous* ». Вы знаете латынь? «Промедление смертельно. Срочно выезжайте!»

– Но его нет, – беспомощно повторил служитель. – Он в Samois у Трубецких…

2

В Samois-sur-Seine, а еще точнее – в имение Трубецких «Château de Bellefontaine» Бисмарк приехал после обеда, к вечеру, не зная, что именно в этот день 18 сентября в Берлине на заседании ландтага решалась судьба бюджета Пруссии на будущий год и, следовательно, судьба короля Вильгельма и всего его кабинета министров. Показывая Бисмарку шато – свой замок и парк, княгиня Анна Андреевна, мать Екатерины, сказала:

– Кэтти мне телеграфировала. Она приедет поездом завтра или послезавтра. Но мы отведем вам покои, и вы ее дождетесь…

– У вас тут прекрасно! – заметил Бисмарк, любуясь ухоженными аллеями, клумбами и тенистыми беседками.

– Конечно, – скромно улыбнулась она. – Это замок семнадцатого века, до нас он принадлежал Николя Боргезе, а теперь долина носит наше имя – долина Трубецких. Мой муж очень щедрый благотворитель. Когда он перешел в католичество, то даже построил церковь в Самуа. Я вам ее покажу, мы там крестили Катарину. А вы знаете такого русского писателя – Тургенева?

– Я слышал о нем в Петербурге. Кажется, он живет в Париже с цыганской певицей… как ее?

– С Полиной Виардо. Но свой роман «Накануне» он написал здесь, у нас. Так что оставайтесь, мы любим гостей! Кстати, вы видели вечерние газеты? В Берлине ваш парламент заблокировал военный бюджет, министры подали в отставку, король собирается отречься от престола.

Бисмарк не успел ответить – в глубине аллеи появился слуга в чулках и темно-синем камзоле. С телеграммой в обеих руках он стремглав бежал к ним от шато.

– В чем дело, Франсуа? – нахмурилась княгиня.

– Депеша мсье Бисмарку!

Бисмарк взял телеграмму.

« *Промедление смертельно. Срочно выезжай. Дядя Морица Геннинга* ».

Подпись была условной – «дядей Морица» был Альбрехт фон Роон, и он требовал Бисмарка в Берлин.

«Однако теперь, – напишет Бисмарк в своих мемуарах, – при мысли о том, чтобы уехать отсюда и сделаться министром, мне стало не по себе, как бывает не по себе человеку, которому предстоит выкупаться в море в холодную погоду».

3

...

Из исторических документов

18 сентября 1862 года на заседании нижней палаты ландтага предложение короля Вильгельма и его кабинета министров о военном бюджете на 1 863 год было отвергнуто большинством 308 против 1 1 голосов, и вместо требуемых 37 мил. талеров на расходы военного министерства было утверждено всего 32 мил. Такая неслыханная дерзость против правительства поколебала положение кабинета министров, министр финансов и министр иностранных дел вышли в отставку.

Но это было лишь частью событий.

На следующий день берлинские газеты на своих первых страницах напечатали следующее заявление Бокум-Дольфса, вице-президента палаты депутатов: «Подумать только, до чего бесстыдно правительство, если оно воображает, что палата пойдет на мировую…».

Это была уже не просто дерзость, а прямое оскорбление.

4

Девятнадцатого сентября Бисмарк сел в скорый поезд Париж – Берлин, и двадцать второго был принят Вильгельмом Прусским в его резиденции Бабельсберг на реке Хафель. Этот роскошный замок в стиле неоготики Вильгельм построил тридцать лет назад, и старая немецкая строгая готика сочеталась здесь с пышным британским декором, навязанным замечательному прусскому архитектору Шинкелю все той же Августой. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что огромные неоготические окна придали интерьерам замка особую пышность и величественность – через них открывался совершенно роскошный вид на реку и гигантский парк, спускающийся к ней золотым осенним ковром. Да и внутренние дворцовые покои были озарены солнечным светом.

Однако настроение у Вильгельма было далеко не солнечное.

– Я не хочу править! – нервно сказал он Бисмарку, едва тот вошел в его кабинет. – Точнее: я не хочу править, если из-за этого парламента не могу действовать так, чтобы отвечать за это перед Богом, своей совестью и своими подданными! И у меня уже нет министров, готовых руководить правительством, не заставляя меня подчиняться парламенту. Поэтому я решил отречься, – и резким жестом король показал на лежащие на столе бумаги, исписанные его нервным почерком.

Бисмарк ответил, что «его величеству уже с мая известно о моей готовности вступить в министерство».

– Я уверен, – сказал Бисмарк, – что вместе со мною в кабинете министров останется и Роон, и не сомневаюсь, что нам удастся пополнить состав кабинета, даже если мой приход заставит еще кого-то из членов кабинета уйти в отставку.

Король предложил ему пройтись с ним по парку.

– Где сказано в конституции, что *только* правительство должно идти на уступки, а депутаты никогда? – горячился он. – Палата представителей воспользовалась своим правом и урезала бюджет! А палата господ отклонила бюджет en bloc (в целом)! Понимаете, они вообще, вообще! оставили армию без денег! Боже, была ли совершена когда-либо большая гнусность с целью осрамить правительство и сбить с толку народ?!

«У меня, – напишет впоследствии Бисмарк, – не было сомнений в том, что, в то время как король, прижатый этими обстоятельствами до последней крайности, решился, наконец, призвать меня в министерство, опасения относительно приписываемой мне консервативной прямолинейности

возбуждались в нем его супругой Августой, о политических дарованиях которой он первоначально был высокого мнения; оно создавалось еще в ту пору, когда его величество на правах кронпринца мог позволить себе критиковать правительство брата, не будучи обязан показывать пример лучшего правления. В *критике* принцесса была сильнее своего супруга. Однако теперь, когда ему пришлось уже не только критиковать, а самому действовать, здравый смысл короля начал постепенно освобождаться из-под влияния бойкого женского красноречия; он усомнился в умственном превосходстве своей супруги, и мне удалось убедить его, что сейчас речь идет не о консерватизме или либерализме, а о том, быть ли у нас королевской власти или власть в стране перейдет к парламентскому большинству».

– Последнее, – твердо сказал Бисмарк, – следует предотвратить во что бы то ни стало, хотя бы даже установив на некоторый период диктатуру!

– Да? – удивился его решительности король. – Вы уверены?

– Да, ваше величество. Я абсолютно уверен!

– Гм… – король одернул на себе военный мундир. – И если я назначу вас министром-президентом, вы станете выступать в защиту моих указов?

– Конечно, ваше величество.

– Даже если большинство парламента будет против?

– Ваше величество, – снова твердо произнес Бисмарк, – я скорее погибну вместе с вами, нежели оставлю ваше величество на произвол судьбы в борьбе с социалистами.

– Тогда мой долг – продолжить борьбу вместе с вами, и я не отрекусь! – Король разорвал бумаги и хотел бросить клочки в сухой овраг парка, но Бисмарк напомнил ему, что эти бумажки, написанные всем известным почерком, могут попасть в весьма неподходящие руки. «Король с этим согласился, сунул клочки в карман, чтобы потом предать их огню, и в тот же день назначил меня государственным министром и исполняющим обязанности председателя государственного министерства. Окончательное назначение меня министром-президентом и министром иностранных дел последовало 8 октября».

5

...

«Сексуальное влечение является мощнейшим из всех известных стимулов деятельности. Многие великие люди достигали своего величия благодаря любви. Одним из таких людей был Наполеон Бонапарт. Когда его вдохновляла любовь к его первой жене Жозефине, он был всемогущ и неукротим. И он был не первым и не последним человеком, чья любовная страсть вознесла его над миром… Джордж Вашингтон, Уильям Шекспир, Авраам Линкольн, Роберт Бернс, Томас Джефферсон, Оскар Уайльд, Вудро Вильсон – гениальность этих людей не что иное, как результат сублимации сексуального влечения…» (Н. Хилл. « Думай и богатей » , США).

6

Берлин. 30 сентября 1862 г.

Но еще до этого формального назначения Бисмарку пришлось принять бой в парламенте. Депутаты ландтага встретили его более чем враждебно.

– Долой самодержавие и тиранию!

– Да здравствует конституция!

– Вся власть народной партии!

– Мы требуем социальных реформ!..

Стоя у кафедры, Бисмарк молча слушал эти выкрики. После Биаррица и Авиньона какие-то новые силы и фонтаны адреналина стали бурлить в его жилах, и если всего два месяца назад он чувствовал себя пожилым ипохондриком в конце карьеры, то теперь он ощущал готовность и даже жажду принять любой исторический вызов.

Спокойно переждав крики зала, он с нарочитой и даже демонстративной медлительностью открыл футляр с сигарами, достал оливковую веточку, подаренную Кэтти, и показал ее депутатам.

– Господа депутаты! Эту оливковую ветвь я привез из Авиньона в знак мира…

В медлительности его жеста была уйма смысла – и нежность к самой этой веточке, еще хранящей память о Кэттиной маленькой ручке, и символика Древней Эллады, и наслаждение своей новой властью, когда даже его медленный, с этакой растяжкой жест заставляет умолкнуть весь парламент.

Но депутаты, конечно, восприняли все с точностью до наоборот и радостно зашумели, решив, что он уже сломлен и «выбросил» эту веточку, как белый флаг.

Бисмарк усмехнулся, убрал оливковую веточку в портсигар и сказал так жестко, как только мог:

– Но теперь я вижу, что время для этого еще не пришло. Германия нуждается не в либерализме Пруссии, а в ее могуществе. А Пруссия, как показывает даже беглый взгляд на карту, не может нести впредь одна, на своем узком, растянутом в длину теле, все бремя вооружений, необходимых для спокойствия Германии. Границы Пруссии, ограниченные Венским договором, не благоприятствуют здоровой политической жизни. Расходы на армию должны быть расширены на всех немцев. Однако мы не приблизимся к этой цели путем речей и реляций. Великие вопросы эпохи решаются не речами и не постановлениями большинства, а железом и кровью. Eisen und Blut!..

Депутаты, потрясенные этим вызовом, возмущенно взревели.

Газетные фотографы озарили зал вспышками магния, а репортеры бросились вон из зала с криками «Eisen und Blut!», «Железом и кровью!», «Eisen und Blut!».

И в тот же вечер мальчишки с пачками вечерних газет понеслись по берлинским улицам с криками: «Бисмарк грозит парламенту железом и кровью!».

А назавтра уличные толпы уже скандировали: «EISEN UND BLUT!» – «ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ!», «EISEN UND BLUT!»…

7

Ютеборг. 4 октября – Берлин. 14 октября 1862 г.

«30 сентября король отправился на день рождения своей супруги в Баден-Баден, а я поехал в первых числах октября навстречу ему до Ютеборга – я искал случая увидеть его величество с намерением как можно быстрее успокоить его насчет заявления, сделанного мною 30 сентября и наделавшего столько шума…»

В Ютеборге, что в сорока километрах от Берлина, Бисмарк, сидя в темноте на опрокинутой тачке и поглядывая на часы с брелоком от Кэтти, ожидал короля на недостроенном вокзале, переполненном ремесленниками и пассажирами третьего класса.

Какое все-таки воздействие оказывает на нас, мужчин, даже мелкая вещица, напоминающая о возлюбленной! Бисмарк держал маленький агатовый брелок с надписью «Kathi», ощупывал его пальцами, мысленно представлял Кэтти под виадуком Понт-дю-Гар и тепло ее губ, и чувствовал, как замирает от этого дыхание, как горячится кровь и как все тело наполняется молодым огнем и силой. Какие сорок семь лет? Кто сказал? Чушь!..

«Подошел поезд, но мне не сразу удалось узнать у неразговорчивых кондукторов, в каком вагоне находится король; он сидел совершенно один в просторном купе первого класса».

Под влиянием свидания с супругой, уже, конечно, застращавшей мужа бедами, которые обрушит на него этот Бисмарк, король был явно в подавленном настроении.

– Ваше величество… – сказал Бисмарк, входя в купе.

– Садитесь, – хмуро распорядился король.

Поезд тронулся, Бисмарк сел напротив короля.

– Ваше величество, позвольте мне изложить…

Но король перебил, показав на стопку газет:

– Эти ваши речи про «железом и кровью»? Я предвижу, чем это кончится. На Оперной площади, прямо перед окнами моего дворца, они отрежут вам голову. Ну, а чуть позднее – и мне.

Не требовалось большой проницательности, чтобы угадать, чьи пророчества цитировал король.

Но Бисмарк спокойно ответил:

– Ваше величество, мы все умрем рано или поздно. Так разве может быть более достойная смерть? Я умру за дело моего короля, а ваше величество запечатлеет своей кровью ваши Божьей милостью королевские права, дарованные вам самим Господом Богом!

И такая уверенная сила и мощь исходила от этого гиганта,

что король снова, как две недели назад в Бабельсберге, выпрямился и одернул на себе мундир.

– Н-да? Гм… Ну, говорите, говорите…

– Ваше величество, как первый офицер Пруссии, вы не можете капитулировать перед социалистами, даже если это сопряжено с опасностью для жизни. Больше того: я считаю, что нам с вами выпала великая миссия рано или поздно соединить всех немцев под вашей властью, под властью Пруссии…

«Поезд набирал ход; и чем долее я говорил в этом духе, тем более оживлялся король, тем больше входил он в роль первого офицера Прусской монархии, борющегося за королевскую власть и Отечество… Да, король, которого обрабатывали в Баден-Бадене и которого я застал в Ютеборге утомленным, угнетенным и обескураженным, подъезжая к Берлину, пришел в бодрое, можно сказать, боевое настроение».

И Бисмарк не преминул этим воспользоваться.

13 октября он пришел на заседание ландтага и объявил опешившим депутатам:

– Господа депутаты! Прусская монархия еще не исполнила свое предназначение и не готова предстать перед вами в качестве украшения на вашем конституционном полотнище. Только сильное и вполне сложившееся государство может позволить себе такую роскошь, как либеральное правительство. Германия достигнет этого, но пока… Именем короля я объявляю ландтаг временно распущенным!

И мир не рухнул, никакой революции не случилось, а Бисмарк получил передышку в борьбе с парламентом, возможность спокойно заниматься правительственными делами и начать подготовку к осуществлению своей заветной цели.

Кэттин брелок на часах и портсигар с ее оливковой веточкой грели его душу и холостяцкие, до приезда в Берлин Иоганны, сны.

8

...

«Бисмарк остроумнее, нежели подобает быть немцу, это Гумбольт от дипломатии… Это рослый немец, очень вежливый. На вид он совершенно лишен духовности, но исполнен остроумия. И он слишком хорошо подготовлен, чтобы с ним связываться. Мы еще наглотаемся из-за него неприятностей…» (Проспер Мериме, Франция).

«В то время в Европе Бисмарку не было равных по уму. Короли и императоры не умели думать или не умели действовать, австрийский Франц Иосиф был слишком неопытен, Наполеон слишком изношен, Александр слишком равнодушен, Вильгельм, Виктория, Виктор Эммануил слишком посредственны для того, чтобы вести политику согласно своим внутренним представлениям; Гладсон и Дизраэли еще не в полной силе, Горчаков слишком тщеславен. Только в Пруссии был политический гений… Массивный и тяжелый по своему физическому сложению и по своим настроениям, с куполообразной головой, медленно шагающий вперед, похожий на великих немецких скульпторов, что целый человеческий век ваяли свои многофигурные композиции; укрощая фантазию деловитостью,

взвешивая слова и выстраивая поступки, считаясь скорее с величинами, чем с идеями, – таким подошел Бисмарк-реалист, почти пятидесяти лет от роду, к началу своего творения, к самому его порогу…» (Э. Людвиг . « Бисмарк »).

«Теперь я здесь министр. Если ты хочешь взять на себя труд спаять Скандинавию в единую империю, то я объединю Германию. Тогда мы заключим скандинаво-германский союз и будем достаточно сильны, чтобы установить господство над всем миром. Религия и культура у нас общие, языки тоже не слишком разнятся. Но скажи своим соотечественникам, что если они не склонны согласиться с моими планами, то я, возможно, буду вынужден их подавить, чтобы не иметь у себя в тылу врага, когда мне придется атаковать другие местности» (Из письма Бисмарка барону Бликсену, датскому премьер-министру).

9

Париж. Латинский квартал. 2 ноября 1962 г.

Бисмарк нервничал. Он сидел на узенькой веранде «Le Procope», излюбленного кафе Вольтера, Дидро, Монтескье, Гюго, Жорж Санд и других французских знаменитостей, но Бисмарк ценил это заведение вовсе не за его репутацию, а за Coq au Vin, петуха в вине, любимое блюдо Наполеона Бонапарта. Будучи еще юным и никому не известным лейтенантом, Бонапарт зашел как-то сюда и попросил сварить ему петуха в божоле «Жюльенас», но когда подали счет, оказалось, что платить этому гурману нечем, и вместо денег ему пришлось оставить залог – свою офицерскую треуголку. Выкупить ее он так и не пришел, и теперь эта треуголка стоит на постаменте в стеклянном пуленепробиваемом колпаке в крохотном вестибюле кафе – многие хотели бы купить этот треух, но наследники сицилийца Франческо Прокопио, основателя заведения, отказываются продать.

Впрочем, Бисмарку было не до наполеоновского треуха. Сверху, с высоты второго этажа, он видел rue de l'Ancienne Comedie – настолько узкую, что кареты разъезжались с большим трудом, и по крышам этих карет невозможно было определить, в какой же из них вот-вот приедут Орловы.

Как давно он ее не видел? С 13 сентября, с Понт дю Гар, всего полтора месяца, но сколько воды утекло от того виадука!

Нервно поглядывая то на улицу, то на свои тяжелые лукообразные часы с Кэттиным брелоком, он бегло просматривал обширное меню, как вдруг какое-то шестое чувство заставило его повернуть голову к лестнице.

И – глаза их встретились!

Она – княгиня Екатерина Николаевна Орлова-Трубецкая, аристократка из рода русско-литовских князей Гедиминовичей и внучка фельдмаршала графа Гудовича, – с высокой официальной прической, с бриллиантами на шее и в роскошном бархатном платье цвета его любимых вишен, шла к нему, натянутая, как струна, и сияюще-вопрошающе смотрела на него своими огромными голубыми глазами.

Бисмарк вскочил, громыхнув едва не упавшим креслом, и только теперь заметил, что рядом с ней идет Николай Орлов – в генеральском мундире с эполетами, он протянул Бисмарку здоровую левую руку.

Бисмарк глубоко вдохнул и мысленно сказал себе: «Стоп! Ты премьер-министр!»

– Дядюшка, – улыбнулась княгиня, – мы так рады вас видеть!

И одной этой фразой сняла всю напряженность момента, вновь стала Кэтти – его «племянницей».

Минуту спустя к петуху «Coq au Vin» Бисмарк, к ужасу Орловых, вдохновенно заказывал свежие и печеные овощи, луковый суп, форель, телячье жаркое, тушеную зайчатину, русскую икру, бургундское вино, сыры, фрукты, портвейн и шампанское.

Едва официант принял заказ, как князь Орлов сказал:

– Поздравляю, в «Ля Франс» пишут, что вчера в Версале Наполеон наградил вас Большим Крестом Почетного легиона.

В руке у него была «Ля Франс» с сообщением о вчерашнем официальном визите Бисмарка в Сен-Клу к Луи-Наполеону уже не в качестве посланника, а министра-президента.

– Но дядюшка, – сказала Кэтти (о Боже, при одном взгляде на нее у него снова защемило в груди!), – как вам удалось при вашей новой должности так быстро сбежать из Берлина в Париж?

– *Княгиня,* – сказал он с легким нажимом, – я теперь не тот, что месяц назад в Авиньоне. Я премьер-министр! В моем распоряжении сотни шпионов. Они доложили, что вы в Париже, и вот я здесь.

Кэтти и Николай даже не подозревали, насколько мало эта шутка была шуткой.

– Я привез вам ноты, – продолжил Бисмарк и протянул ей красивую папку из розового сафьяна.

– Мерси, дорогой! Ой, это же мой любимый Лист! – она положила на его ладонь свою теплую ручку. – Вы такой милый!..

Николай проследил за этим жестом, но никак не отреагировал, и ее ручка осталась на руке Бисмарка.

– Если Наполеон наградил вас Крестом, – произнес Николай, – означает ли это военный союз Франции и Пруссии?

– Наоборот, – усмехнулся Бисмарк. – Хитрый лис, он этим крестом открестился от всяких с нами союзов.

– Тогда… может, мы обсудим союз Пруссии с Россией?

Тут Кэтти прилегла своей головкой на его плечо:

– У вас такая красивая рука! Когда вы приедете к нам, я сыграю вам все ваше самое любимое, даже Бетховена!

От запаха ее щекочущих волос у него пресеклось дыхание.

Но Николай вернул его к теме политики:

– Обсудим?

– Союз? – уточнил Бисмарк. – Чтобы все об этом трубили? Зачем? Зачем делать из Пруссии честную женщину, когда жизнь во грехе дает нам такие преимущества? – И он посмотрел на Кэтти.

Но она спрятала в ноты свои голубые глазки, и Бисмарк

повернулся к Николаю:

– Теперь я провожу внешнюю политику, как прежде ходил охотиться на вальдшнепов: не делаю ни шагу, пока не проверю, достаточно ли тверда и надежна болотная кочка, на которую я намерен ступить.

Тут из дверей кухни появилась инкрустированная тележка с серебряными вензелями «Le Procope «. Официант в темно-синем фраке катил к ним большое блюдо, накрытое высоким серебряным колпаком. Под этим колпаком был знаменитый Coq au Vin – петух в божоле.

10

Samois-sur-Seine. Chateau de Bellefontaine.
29 ноября 1862 г.

« *Дорогой дядюшка,*

в Париже час ночи, весь дом спит, а мне совсем не спится. Николай, как Вы знаете, уехал в Петербург. А я только что вернулась домой с концерта и нашла тут Ваше письмо. В концерте я слушала несколько квартетов Мендельсона и теперь нахожусь под таким впечатлением, что оно заставляет меня бодрствовать даже в столь поздний час. И сразу – Ваши строки, такой приятный сюрприз! Но скажите: почему вы всегда отправляете мне письма через прусское посольство? Я получаю их запечатанными сургучом и дипломатическими штемпелями, и могут подумать, что мы с вами замышляем заговор, опасный для Пруссии и России. Должна признаться, я немного посмеиваюсь над этим… Но это все пустяки, Ваше письмо очень милое – спасибо за него!

Нет, я не забыла волшебные недели в Биаррице и никогда не забуду то время, веселое и сумасбродное, среди изумительной природы. Я тоже очень тоскую по морскому воздуху, по цветочным лугам; часто я закрываю глаза и представляю наш грот, утес и ажурную скалу – все эти прекрасные и восхитительные уголки. Быть может, по милости Божьей, мы сможем снова насладиться всем этим следующим летом…

От всего сердца жму Вашу руку… »

11

...

«Тогда он еще носил цивильный костюм. Густые усы были рыжевато-белокурыми, как и остатки волос, его высокая фигура выглядела за министерским столом могучей и внушительной, между тем как известная небрежность позы, движений и манеры говорить была несколько вызывающей, правую руку он держал в кармане своих светлых брюк» (Э. Людвиг . « Бисмарк »).

На заседаниях ландтага, «сидя в своем министерском кресле, Бисмарк лишь вполуха слушает ораторов, а тем временем перо его бежит по «скверной канцелярской бумаге», болтая с Катариной, а сам Бисмарк делает вид, что будто помечает что-то по ходу заседания. Так он писал ей в течение трех разных сессий…» (N. Orloff. « Бисмарк и Катарина Орлова »).

12

Дипломатической почтой
Берлин. 28 января 1863 г.

« Моя дорогая племянница!

Давно у меня не было радости видеть Ваш почерк; я прошу Вас о милостыне в виде небольшого письма, чтобы мне знать, как обстоят Ваши дела, и чтобы Вы не забыли окончательно Вашего бедного дядюшку.

Я тяну свинцовые кандалы своей убогой службы; иногда мне не хватает и пары минут для завтрака, и если сегодня я нашел время для переписки, которая мне гораздо больше по вкусу, чем та, которой я обычно занимаюсь, то это лишь потому, что сегодня я должен присутствовать на дебатах в Ландтаге и слушать дерзкие, заносчивые речи и выступления, чтобы видеть, есть ли на что ответить… »

…

(С трибуны ландтага сорокалетний Рудольф Вирхов – знаменитый врач, основоположник патологической анатомии, противник монархии и большой говорун, гневно обличает Бисмарка в нарушении прусских законов, своевластии и прочих грехах.)

« …Тем временем я утешаю себя тем, что открываю свой портсигар, где вижу вашу шпильку, а рядом маленький желтый цветок и веточку оливы с террасы в Авиньоне. Немецкая сентиментальность, – скажете вы, но это неважно. Однажды я получу удовольствие от того, что смогу показать вам эти маленькие сувениры как память о радужном времени, по которому я скучаю, как о потерянном рае… »

Брюссель. Резиденция русского посланника 1 февраля 1863 г.

« Дорогой дядюшка!

Я ни в коем разе не подсмеиваюсь над тем, что Вы сберегли маленький цветочек, ведь и я поступила точно так же. Это было прекрасное время, и мне бы хотелось вернуться в него!..

Ваше письмо, милый дядюшка, пришло как раз в тот момент,

когда я занималась своим туалетом, собираясь на бал. Я читала его в то время, как Тильда превращала Кэтти в княгиню Орлову, и была счастлива получить от Вас весточку, а то полагала уже, что Вы совсем забыли своих товарищей с Pic du Midi. Я же, напротив, часто с тоской вспоминаю ту нашу чудесную жизнь в Биаррице и Пиренеях. Пока на балу княгиня Орлова, можно сказать, скучает до зевоты, Кэтти уносится на крыльях фантазии к блаженной обители "Утеса Чаек" – там она снова встречает дядюшку… – вот глупая! и всякий, кто заговаривает в эти минуты с княгиней, удивляется, отчего она так пристально смотрит куда-то вдаль. Кэтти испуганно пробуждается от своих грез, сердится и сбивает с толку княгиню, которая отвечает совершенно невпопад.

Ах, наша прекрасная жизнь в Биаррице – купание, морские заплывы, мои проделки и гнев дядюшки – effrayé par cette vilaine, mechante enfant – всё это было так мило и весело! Ничто не сравнится с этой привольной жизнью. Боже мой! Как давно это было! Если б Вы знали, как же мне хочется проверить – а вдруг я разучилась плавать? Я мечтаю вновь очутиться в гроте на Pic de Midi или во время прилива по ту сторону каната…

Мои занятия музыкой идут своим чередом; всякий раз, когда играю песню Мендельсона, я вспоминаю дядюшкины таланты – его искусный свист…

Адьё, дорогой дядюшка, Николай желает вам всего хорошего; надеемся, что Вы навестите нас…

…

Ваша племянница Кэтти

».

13

Дипломатической почтой
Берлин. 4 февраля 1863 г.

« Моя дорогая племянница,

если душа действительно способна передавать ощущения через расстояния, то тогда Вы должны ежедневно, по меньшей мере, с трех до четырех, чувствовать, что я думаю о Вас, когда совершаю прогулку верхом по самым уединенным дорогам Берлина. Это единственное мгновение, когда мой дух чувствует себя свободно, и тысячи воспоминаний о Биаррице и Пиренеях – в духе « petit navire » – вытесняют скуку дел…

Я с сердечной благодарностью получил Ваше приглашение на 14-е; это удивительное совпадение, что нам обоим, Вам в Брюсселе, а мне в Берлине, пришла в голову мысль дать бал в субботу 14 февраля, в день св. Валентина. За две недели мы рассылали по городу приглашения, зовя всех к нам на танцы. Король оказал мне честь, приняв наше приглашение. И, стало быть, я не могу покинуть Берлин в этот день; но я не отказываюсь от нашего плана. По поводу бала или нет, но в любом случае я должен нанести Вам визит в Брюсселе,

Две души, но мысль едина.

11 февраля. Берлин

Письмо все еще не отправлено!

Мою субботу забрала принцесса – Её Высочество хочет дать бал в тот же день – 14 февраля! Таким образом в эту субботу я буду у нее на балу. Но не меньшей правдой остается и то, что все мои мысли будут в этот день в Брюсселе, а этот город они посещают и без того очень часто…

Большой привет Николаю.

Остаюсь Ваш, моя любимая племянница.

Целую ваши прекрасные руки.

…

Фон Бисмарк

».

14

«Свинцовые кандалы моей убогой службы» – и это пишет мужчина, который двадцать лет рвался к этой должности! Это пишет премьер-министр! И – кому? Двадцатидвухлетней девчонке, с которой он встретился на летнем курорте. «Если душа действительно способна передавать ощущения через расстояния, то тогда Вы должны ежедневно чувствовать, что я думаю о Вас…». Господи, как же нужно было влюбиться, втюриться – и притом в чужую жену! – чтобы, даже став премьер-министром, постоянно думать и мечтать о ней!

Но послушайте, будем реалистами – *как* он думал о ней? Неужто только платонически, как утверждают его и ее биографы? Really? Может быть – как о политической советнице, с которой можно обсуждать социальные и экономические проблемы Пруссии или дипломатические альянсы в Европе? Или как об «агенте влияния», через которую – с помощью ее мужа – можно оказывать давление на заносчивого российского канцлера Горчакова и императора Александра II? Или как об осведомителе, знающем тайные замыслы российского правительства?

Oh, come on, господа! Не морочьте мне голову – она ведь и по-русски-то плохо говорила! И, вообще, как сорокавосьмилетний мужчина думает – и притом ежедневно – о юной красотке, которая воспламенила его кровь и душу?

Как говорят в Америке – I have news for you! У меня есть новость для вас: он *хочет эту женщину* ! Он ее вожделеет! Он вожделеет ее каждую минуту, свободную от «убогой службы» – ласкает, терзает и услаждает своим вожделением до боли в суставах и членах, до крика и очистительного оргазма!

Так «думает» о своей возлюбленной любой взрослый и здоровый мужик, а уж сомневаться в мужских достоинствах Бисмарка не приходится, достаточно вспомнить, что именно он перекроил всю карту Европы и, извините, поставил, как говорят француженки, в позу «а-ля русски козак» Австрию, Францию и еще два десятка европейских государств.

Да, власть вкуснее хлеба, но, как мы видим, бывают и женщины вкуснее власти, и Кэтти, безусловно, была для него именно такой.

А она? А он для нее?

А вы прочтите снова, внимательнее:

«В Париже час ночи… а мне не спится. Николай, как Вы знаете, уехал в Петербург. А я… Нет, я не забыла волшебные недели в Биаррице, и никогда не забуду… Я закрываю глаза и

представляю наш грот, утес и ажурную скалу… Быть может, по милости Божьей, мы сможем снова насладиться всем этим следующим летом… От всего сердца жму Вашу руку…»

Итак, муж уехал, и она по ночам думает и мечтает вовсе не о нем, а – о ком? О «волшебных неделях в Биаррице»! Какая прелесть, какое изысканное дипломатическое иносказание!

И какое прямое доказательство того, что по ночам в мире телепатических связей расстояние от Берлина до Парижа равно нулю!

15

14 Февраля 1863 г.

Бал у короля был великолепен! Оркестр из лучших музыкантов, танцы, шелест пышных юбок, оголенные плечи юных фрейлин и аристократок! И, конечно, шампанское, шампанское!

Хотя Бисмарк выпил изрядно, но ему это шампанское показалось подозрительным, и он все пытался разглядеть этикетки на бутылках. Однако слуги, разливая шампанское, прикрывали эти наклейки белоснежными салфетками. И тогда, выпив очередной бокал, Бисмарк подошел к королю:

– Ваше величество, простите за любопытство, но что это за шампанское, которым нас угощают? Французское?

– Нет, дорогой, – ответил Вильгельм. – Я не настолько богат, чтобы поить тут всех французским шампанским. Это наше шампанское, немецкое. Я и вам, как патриоту Пруссии, его настоятельно рекомендую.

Однако желудок Бисмарка уже ощутил силу этого *немецкого* шампанского, и он сказал королю:

– Ваше величество, что касается меня, то должен честно предупредить Вас на будущее: мой немецкий патриотизм заканчивается на подступах к моему желудку.

А пару минут спустя и голова Бисмарка поддалась влиянию этого «немецкого шампанского», ему показалось, что это не юные фрейлины пляшут котильон со своими кавалерами, а Кэтти, его возлюбленная Кэтти несется в танце мимо него. Пользуясь правилами танца, он умело вступил в котильон, перехватив свою Кэтти у какого-то юнкера, но это оказалась вовсе не Кэтти, и он тут же лихо сменил партнершу, потом следующую, а потом схватил еще одну – молоденькую пышногрудую брюнетку.

Когда танец закончился, Вильгельм жестом подозвал Бисмарка к себе.

Оставив брюнетку, Бисмарк подошел к королю.

– Ваше величество…

– Герр Бисмарк, – сухо сказал Вильгельм. – Я нахожу ваши танцы слишком фривольными для должности моего министра-президента.

– Но ваше высочество…

Король, однако, даже не дал ему договорить:

– И запрещаю вам являться на мои балы!

Конечно, Бисмарк тут же откланялся и ушел.

16

...

«Поначалу канцлер посещал дворцовые балы и танцевал там с почти мальчишеской прытью и азартом. Но Вильгельм I сказал, что такие танцы слишком фривольны для императорского канцлера и запретил их ему; с тех пор Бисмарк никогда не появлялся на балах» (А. Тэйлор . « Бисмарк. Человек и Государственный деятель »).

17

Берлин. 14 Февраля 1863 г., ночь

Хватит! Он слишком далеко зашел!

Бешенство его мужских желаний угрожает исполнению им обязанностей королевского министра-президента и осуществлению главной цели всей его жизни…

Хмельно ударяя кулаком по стволам заснеженных лип, Бисмарк шел из дворца по ночному Унтер-ден-Линден.

Нет, он не имеет права жертвовать мечтой – ради чего? Кэтти?

Но он женат на замечательной и преданной ему Иоганне, у них прекрасные дети, а Кэтти младше на двадцать пять лет, и она – замужем! Она замужем; и он, как зрелый мужчина и трезвый политик, просто обязан положить конец этой – пусть еще платонической – связи. Он обязан перестать думать о ней, вожделеть ее, смущать и соблазнять своими письмами. Хватит!

Конечно, теперь-то он понимает, что приезд Орловых в Биарриц и то, что они поселились именно в «Европе», где он остановился за день до их появления, было делом далеко не случайным, как представлялось ему тогда, в августе 1862-го. Теперь он почти не сомневается, что, используя свои родственные связи с Вильгельмом, русский император раньше всех узнал о возможности его назначения канцлером. Состоя в секретной переписке со своим племянником, Вильгельм, возможно, даже спросил его мнения относительно Бисмарка; Александр же, в свою очередь, обратился с тем же вопросом к своему канцлеру князю Горчакову, а Горчаков, рассчитывая на личный респект Бисмарка и перспективу их особых в будущем отношений, передал Вильгельму через Александра какие-то хорошие для Бисмарка рекомендации и в тот же день приказал князю Орлову, своему посланнику в Европе, немедля разыскать его, сблизиться и докладывать о каждом его шаге. При этом вряд ли, конечно, Горчаков имел в виду ту особую близость, которую Бисмарк стал лелеять в своей душе к юной жене Николая, – он, Горчаков, ее и в глаза не видел, просто так уж сложилось, что Орлов прикатил в Биарриц не один, а с Кэтти…

Очередным ударом кулака по дереву Бисмарк чуть не расшиб себе руку в кровь и остановился, сел на засыпанную снегом скамью, сунул ушибленную руку в снег.

Всё, надо трезво оценить ситуацию. В Биаррице, скорее всего, всё именно так и было, но теперь, пока еще не перейдена грань и ничего запретного не свершилось (или свершилось, но только во

сне, во сне! О эти чертовы сны вожделения!..). Нет! Всё! Теперь он вычеркивает эту Кэтти из своего сердца и занимается только политикой – Польшей и Данией, Польшей и Данией…

18

Россия, Петербург, апрель 1863 г.

...

Из исторических документов

«По Высочайшему повелению, записка князя Николая Орлова «Об отмене телесных наказаний в России и Царстве Польском», поданная им Александру II, рассматривалась в Комитете, учрежденном при II отделении Собственной Его Величества канцелярии. Комитет согласился с основной мыслью Орлова о своевременности отмены телесных наказаний, как несоответствующих ни духу времени, ни достоинству человека, и лишь ожесточающих нравы. По собрании отзывов разных ведомств проект закона поступил па рассмотрение Государственного Совета. Во время его обсуждения раздавались голоса и противников отмены телесных наказаний. Среди них были, в частности, министр юстиции граф В.Н. Панин и митрополит московский Филарет. Полемизируя с выводами записки Орлова, Филарет высказал мнение о допустимости телесных наказаний в христианском обществе и отверг необходимость их отмены».

«17 апреля 1863 г., в свой день рождения, Александр II подписал указ «О некоторых изменениях в существующей системе наказаний уголовных и исправительных». Под

этим названием скрывался государственный акт огромной важности, превративший Россию, по выражению одного из современников, «из битого царства в небитое». Согласно высочайшему повелению от телесных наказаний были полностью освобождены женщины, церковнослужители и их дети, духовные лица нехристианских исповеданий и их дети, учителя народных школ, крестьяне, занимающие выборные общественные должности, лица, имеющие аттестаты об окончании уездных училищ и высших учебных заведений. В отношении других категорий подданных Российской империи, прежде подлежавших телесным наказаниям, эти наказания были существенно ограничены, а в ряде случаев заменялись тюремным заключением или арестом. Полностью отменялись наиболее тяжелые виды наказаний – шпицрутены и плети».

«В тот же день были изданы высочайшие приказы по военному и морскому ведомствам.

Согласно приказу по морскому ведомству, наказания шпицрутенами и кошками отменялись. Нижние чины, подлежавшие наказанию шпицрутенами, должны были подвергаться наказанию розгами в количестве не более 200 ударов. Нижние чины во время плавания, подлежавшие ранее наказанию кошками, должны были подвергаться наказанию линьками в количестве не более 100 ударов. Нижние чины, имеющие нашивки за

беспорочную службу, были освобождены от телесных наказаний даже по судебным приговорам».

Запоздалое предисловие (продолжение)

Дух Бисмарка стучит в мое сердце…

Впрочем, это я уже писал.

Но, может быть, и на самом деле его бессмертная душа, его энергетическая или еще какая-то неведомая, слава Богу, науке субстанция, существуя в параллельном мире, все последние сто с лишним лет искала в нашем мире того, кто доскажет, наконец, то, что не хотят или не могут сказать его немецкие биографы? Они уже до дыр затерли все самые мелкие факты его биографии, прокомментировали все его высказывания и деловые меморандумы и даже написали тома новых комментариев к старым своим комментариям, но нечто ими недосказанное все жжет и терзает его вечную душу, не дает успокоиться в том параллельном мире и избрало меня, скромного романиста, чтобы моими словами прокричать миру о самом, как он теперь считает, главном в его знаменитой жизни – великой любви и неутоленной страсти?

А иначе как и почему этот роман, тихо и почти забыто спавший во мне уже десять лет, вдруг за какие-то два-три последних месяца вырос сначала до киносценария, но и на этом не успокоился, нет, а продолжает расти уже до романа, не дает спать по ночам, будит и терзает мозг целыми абзацами, репликами и эротическими проказами двадцатидвухлетней красотки Орловой и горечью старого Бисмарка, недолюбившего и недоимевшего самую юную, самую вкусную и самую яркую любовницу в своей жизни?

Вот и сегодня – нет, не сего-дня, а сего-ночью – родовые схватки этого романа вымотали мой сон, сдернули меня с постели и потащили к компьютеру. Пора! Воды исторических и биографических свидетельств уже отошли, отжались, а пронзительное понимание томительной шпионской интриги и банального любовного треугольника уже выкристаллизовалось в моей душе до прямого диалога с первоисточником, то бишь с духом Бисмарка, и уже не могу я, не в силах таскать его ни в себе, ни на себе… Роман Отто фон Бисмарка разрывает меня, как тяжелый десятимесячный ребенок разрывает материнское чрево или переросший страусенок раскалывает свою яичную скорлупу. Пора! Пора написать и выплеснуть эту уже родную мне историю и тяжелую бисмарковскую боль… Может быть, тогда, когда я поставлю последнюю точку и отдам издателю нашу общую с

духом железного канцлера рукопись, – может быть, тогда мы оба утешимся и расстанемся, наконец…

Часть третья ПОЕЗДКА В ВАЙНХАЙМ

1

Берлин. Начало 1863 г.

Да, теперь, когда канцелярия Бисмарка находится в королевском дворце, он имеет возможность регулярно излагать свои взгляды его высочеству. И вот что он должен внушить королю:

– Ваше высочество, вспыхнувшее десятого января польское восстание затрагивает не только интересы наших восточных провинций, но и другой вопрос, более важный – какое направление преобладает в русском кабинете: стремление к антигерманскому братанию между русскими и поляками или идея поддержки общей русско-прусской политики…

– Из доверительных бесед, которые я вел в Санкт-Петербурге с князем Горчаковым и с самим императором, я мог заключить, что Александр не прочь отдать часть Польши. По его словам, Польша является источником беспокойства и опасностей для России, а русификация ее неосуществима из-за различия вероисповеданий и недостаточных административных способностей русских властей. Нам, немцам, удалось бы, по его мнению, германизировать польские области, у нас есть средства к тому, ибо немецкий народ культурней польского. Русский же человек не чувствует того превосходства, какое нужно, чтобы господствовать над поляками…

– Однако дружественное полякам направление русской политики опасно для Пруссии, оно будет благоприятствовать оживлению русско-французских связей, а дружественный полякам русско-французский союз поставит Пруссию в крайне затруднительное положение, ведь независимость Польши равнозначна мощной французской армии на Висле. Таким образом, наше географическое положение вынуждает нас бороться против партии польских симпатий в русском кабинете…

Логика Бисмарка была настолько убедительна, последовательна и неоспорима, что, слушая его, король не мог с ним не согласиться и, в конце концов, отдавал ему принятие любого решения. Хотя нередко чувствовал в глубине души, что если бы этот Бисмарк захотел убедить его в обратном, он сделал бы это с такой же несокрушимой логикой.

2

...

«У Бисмарка были поразительные способности к манипулированию людьми – даже прожженными дипломатами, знавшими толк в лукавстве» (Б. Тененбаум . « Отто фон Бисмарк и его Второй Рейх »).

«Его путь всегда шел по краю европейской пропасти, он всегда одним глазом следил за настроением великих держав, пока другой, как глаз укротителя, не выпускал из поля зрения своего короля; не раз игра казалась проигранной, но если верно, что, как гласит турецкая пословица, удача влюблена в дельного человека, то она, должно быть, признала в Бисмарке самого дельного, ибо удача выпадала ему почти всегда…» (Э. Людвиг, « Бисмарк »).

3

Samois-sur-Seine. Château de Belle fontaine,
шюнь 1863 г.

« *Дорогой дядюшка!*

Уже 19 шюня! Вот что значат расстояния! Вам не стыдно, что Вы так забыли свою племянницу? Что же, у меня больше нет дядюшки? Стыдитесь, стыдитесь, вы не только не навестили нас, но даже не написали! Вы решили изменить своим друзьям по Биаррицу? Друзьям с "Утеса Чаек"? Я часто получаю новости от вас – читая газеты! Если сознаться, осмеливаюсь осуждать поступки своего дядюшки, и не хочу скрывать это от него! Простите такой маленькой дурочке, как я, что она позволяет себе судить Вас [за роспуск парламента и введение цензуры]! *Это очень дерзко с моей стороны, но вы же знаете, что племянницы, особенно если их баловать, способны на все. Именно поэтому я позволю себе сказать, что порой даже чувствую облегчение, когда выцарапываю имя своего любимого дядюшки из газеты.*

Прилагаю новый портрет вашей племянницы, которая носит теперь короткую стрижку, и сильно похудела, отчего некоторые утверждают, что она стала безобразнее, а другие находят ее прехорошенькой. Кому верить?

Адье, мой дорогой дядюшка, мое почтение госпоже фон Бисмарк. Жму вашу руку, будьте счастливы и довольны всем.

…

Кэтти Орлова

».

4

Что еще она могла написать ему? Княгиня, замужняя женщина, жена дипломата – как еще она могла дать ему знать, что думает о нем, гуляя днем в Фонтенбло, бредит им по ночам, помнит его сильные руки и мечтает о встрече?

Да она вообще не имеет права писать ему!

Но уже пять месяцев – целых пять месяцев! – нет от него ни письма, ни записки! Он вычеркнул ее из своей жизни? Он забыл ее? Но как он мог? Разве не писал он, что думает о ней ежедневно? Разве она не чувствует по ночам его сильные руки на своем разгоряченном теле? Разве она не ощущает его сокрушительного вожделения? Нет, больше она не может ежеминутно прислушиваться к скрипу ворот и ждать парижского почтальона. Если он не ответит из своего дурацкого Берлина, то и она вычеркнет его из своей жизни!

Расписавшись в письме, Кэтти положила конверт рядом с собой на подушку и уснула.

За окном, выходящим в парк Bellefontaine и долину Трубецких, стало светать.

Княгиня Анна Андреевна, мать Екатерины, вошла в спальню, взяла с подушки конверт, достала письмо и стала читать. Кэтти проснулась, открыла глаза.

– Бедная моя девочка!.. – тихо проговорила Анна Андреевна.

– Почему, мама? – удивилась Кэтти.

– Ты любишь его.

– С чего ты взяла? Мы просто друзья…

Анна Андреевна прочла:

– «Адье, мой дорогой дядюшка, мое почтение госпоже фон Бисмарк! Жму вашу руку, будьте счастливы!» Это письмо брошенной возлюбленной! Неужели ты правда выцарапываешь его имя из газет?

Кэтти в слезах прижалась к матери.

Послышался топот копыт, Анна Андреевна выглянула в окно – по зеленой аллее, влажной от утренней росы, пара лошадей рысью мчала карету к дому. Кучер что есть сил натянул поводья, лошади всхрапнули, из кареты почти на ходу выскочил Николай Орлов с утренними газетами в руке. Похлопывая этими газетами по голенищу сапога, он спешно вошел в дом.

– Твой муж, – сказала дочери Анна Андреевна. – Пойду встречу. Приведи себя в порядок.

Спустя полчаса парижские газеты с крупными заголовками о восстании в Польше и стремлении поляков освободиться от

российской оккупации были разбросаны по полу.

– В Польше настоящее восстание! – говорил Орлов, нервно расхаживая взад и вперед. – Франция, Австрия и Англия прислали нам ноты с требованием освободить поляков и угрозами военного вмешательства! Если к ним присоединится Пруссия, войны не избежать, и мы будем в полной изоляции! Ты должна написать Бисмарку и выяснить…

– Я не буду ему писать, – перебила Кэтти.

– Почему?

– Потому что я не шпионка.

– Конечно, ты не шпионка. Ты русская патриотка. Пойми, мы не можем воевать со всей Европой! Но если Пруссия станет на нашу сторону, никто уже не посмеет!.. – И Орлов подал ей перо и бумагу. – Пожалуйста! Прошу тебя!

– Но я не знаю, что писать…

– Я продиктую. Садись. Нужно, чтобы он получил это письмо до конгресса в Брюсселе. Иначе мы там будем в полной изоляции!

Заплаканная Кэтти села к ампирному столику, достала из ящичка фарфоровую чернильницу, перо и бумагу с золотым тиснением княжеских инициалов своего отца. Продолжая расхаживать вдоль окна, князь Орлов принялся диктовать:

– Итак: «Здравствуйте, дорогой дядюшка», это понятно. Дальше: «Политические события очень волнуют нас. Мой бедный отец ужасно обеспокоен…»

Кэтти изумленно подняла голову.

– Да, именно так, – напористо сказал Николай. – «Мой бедный отец ужасно обеспокоен…» Бисмарк уважает твоего отца.

Кэтти вытерла слезы.

– Дальше, пиши, – сказал Орлов. – «А как вы думаете, война будет? Пожалуйста, напишите мне свою точку зрения…». Теперь нужно что-то лирическое. Пиши: «Сегодня утром я получила письмо от Николая. Он пишет, что хочет поехать в Биарриц. И если все пойдет, как задумано, то просто *всенепременно нужно,* чтобы и дядюшка был там». Это подчеркни.

– Я не понимаю, – сказала Кэтти, – а что задумано? Кем?

– Неважно! Хотя ладно, тебе я скажу. Император Александр послал Вильгельму письмо с просьбой заключить военный союз. Мы хотим, чтобы это случилось до конгресса в Брюсселе. Поэтому пиши: «Вы должны, должны навестить нас… Какое огромное, неоценимое счастье будет для России, если ей удастся избежать войны!.. Ах, если есть хоть малейшая возможность, давайте поедем в Биарриц! Мы бы загорали там, как раньше, гуляли, плавали и наслаждались жизнью, забыв о политике…» Ну, что-нибудь в этом роде, лирическое.

– То есть ты его соблазняешь? – с горечью в голосе не то спросила, не то констатировала Кэтти.

– Да! – жестко ответил Николай. – Я соблазняю его миром и военным союзом с Россией! Что в этом плохого?

5

Уже вторую неделю мальчишки-газетчики бегают по Берлину с криками: «Пруссия заключила военный союз с Россией!», «Русская и прусская армии брошены на подавление польских мятежников!», «Бисмарк двинул на Польшу четыре армейских корпуса!».

В ландтаге возмущенные депутаты (особенно прогрессисты во главе с Вирховым) беснуются и кричат:

– Позор! Четыре корпуса – половина всей нашей армии! – сосредоточены вокруг Позена!

– Пруссия взяла на себя жандармскую службу в пользу России!

– Мы пятнаем себя соучастием в страшной травле людей, которая возмущает всю Европу!

– Правительство отдает пятьдесят квадратных миль на расправу русской военщины!

– Даже Наполеон Третий поддерживает поляков!

– Долой русскую тиранию!

Но Бисмарк спокоен.

«Наша тайная военная конвенция с Россией, о которой только теперь стало известно из-за передвижения наших войск, имеет для прусской политики скорее дипломатическое, нежели военное значение. Она олицетворяет собой победу, одержанную в кабинете русского царя прусской политикой над польской. Заключением конвенции, имевшим место при сильном сопротивлении Горчакова, по прямому приказанию императора, мы создали перевес антипольской и антифранцузской партии в императорском кабинете. Достигнутый таким образом результат – соглашение военно-политического характера довольно незначительное, с военной точки зрения, выполнило свою задачу с лихвой».

6

10 сентября 1864 г.

...

ТЕЛЕГРАММА:

ФРАНКФУРТ ЗПТ ЛИЧНО МИНИСТРУ-ПРЕЗИДЕНТУ ОТТО ФОН БИСМАРКУ ОТ КНЯГИНИ КАТАРИНЫ ОРЛОВОЙ ТЧК

СЕГОДНЯ В ДАРМШТАДТЕ МЫ С НИКОЛАЕМ ПОСЕТИЛИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА И КОРОЛЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ТЧК ЗАВТРА 11 СЕНТЯБРЯ НИКОЛАЙ ОСТАЕТСЯ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ ЗПТ А Я ПОЕДУ ПОЕЗДОМ В ХЕЛЬДЕНБЕРГ К ПОДРУГЕ ТЧК КАТАРИНА.

7

Сквозь сильный дождь поезд мчался из Дармштадта в Хейдельберг.

В купе первого класса двадцатичетырехлетняя княгиня Екатерина Орлова в собольем палантине до пят нервно и нетерпеливо смотрела в окно. Встреча в Дармштадте дяди и племянника – короля Вильгельма и Александра II – а, следовательно, русского посланника в Европе Николая Орлова, сопровождавшего своего императора, и Бисмарка, сопровождавшего прусского короля, – была для нее если не подарком, то указующим перстом судьбы. Во всяком случае, именно с такой мистикой мы обычно смешиваем свои желания, дабы отвести от себя ответственность за их исполнение. Какого черта он не ответил на письмо с ее фотографией?! Да, он премьер-министр, он политик, он занят войной с Данией, но ведь и она – княгиня! И если он не ответит и на эту депешу – что ж!..

Впрочем, из-за проливных дождей, накрывших всю Европу, поезда – даже при немецкой точности – сбились с расписания, и время их прибытия на любую станцию стало непредсказуемым.

Вот поезд снова остановился. За пеленой дождя даже не видно названия станции. Что это – Эберштадт? Зехайм-Юнгенхайм?

Удар станционного колокола, отправление. И вдруг – в пелене дождя появляется рослая фигура в темном плаще с капюшоном. Это он! Не поднимая головы, он почти бежит вдоль вагонов – явно не хочет, чтоб его узнавали.

Кэтти осторожно машет ему из окна.

Бисмарк поднимается в вагон. Да, он обещал себе вычеркнуть ее из своего сердца и не писал ей полгода. Но она сама позвала его – сначала письмом, а теперь телеграммой! И противиться своим желаниям не умеют не только женщины…

Поезд трогается и медленно набирает ход.

Бисмарк входит в купе.

Кэтти смотрит на него…

Бисмарк запирает купе и поворачивается к ней.

Протянув к нему руки, она порывисто встает, и палантин падает с ее нагого тела.

Бисмарк, мокрый от дождя, опускается перед ней на колени.

Снаружи яростный дождь бьет в окно купе, летящего в рай.

…Через несколько часов на станции Вайнхайм Бисмарк выходит из вагона и на встречном поезде возвращается во Франкфурт-на-Майне.

8

Дипломатической почтой:
Райнфельд. 25 сентября 1864 г.

« Моя самая любимая племянница, было так любезно с Вашей стороны написать небольшой эпилог к нашей поездке в Вайнхайм. Завтра утром я снова выезжаю в Берлин, где буду только послезавтра. Я велел своему лечащему врачу дать заключение, в котором он объясняет, что море необходимо мне для поддержания здоровья. Не будете ли Вы так любезны сообщить мне день Вашего отъезда из Парижа и приезда в Биарриц? Если Вы дадите телеграмму после получения письма, то она застанет меня в Берлине или последует за мной в Баден.

Большой привет Николаю.
Целую Ваши прекрасные руки.

…

Преданный Вам навсегда Ваш дядюшка,
ф. Бисмарк
».

9

Берлин. 4 октября 1864 г.

Приехав из Райнфельда, где Бисмарк провел 14 дней в своем доме у постели Иоганны (по счастью, при его появлении выздоровевшей от астмы), он тотчас посетил короля. Он нашел Вильгельма в Белом зале королевского дворца, где знакомая ему по балу брюнетка с высокой грудью играла королю на арфе. После короткого доклада о делах он вручил королю еще одну бумагу.

– Что это? – спросил Вильгельм.

– Ваше величество, это заключение моего врача. Мне предписано срочно ехать на море.

Вильгельм с явным неудовольствием взял бумагу и прочел вслух:

– «Рекомендуется море в Биаррице, как единственное средство для поддержания здоровья». Мой друг, вы совсем не выглядите больным.

– Ваше величество, – отвечал Бисмарк. – Вспомните, какой мы прожили год! Мы распускали парламент, усмирили оппозицию, штурмовали дюппелевские укрепления и победили Данию, отняли у нее Шлезвиг, Голштинию и Лауэнбург и помогли вашему племяннику Александру подавить поляков. Разве я не заслужил отдых?

– Но за это я пожаловал вам орден Черного орла!

– Ваша щедрость безгранична, ваше величество. Пожалуйста, прибавьте к ней мой отпуск в Биаррице.

– Ах, вот что! – сказал король. – Да, я что-то слышал про ваши тамошние амуры. Она тоже там будет?

Бисмарк промолчал, а король повернулся к пышногрудой арфистке:

– То война, то Биарриц! Трудно быть королем под управлением такого канцлера…

Арфистка скромно улыбнулась и потупила карие глазки.

– Но как же я останусь здесь в одиночестве? – спросил король.

– Ваше величество, – ответил Бисмарк. – Я уверен, что *здесь* вы не нуждаетесь в моей помощи.

10

Биарриц. 7-25 октября 1864 г.

« Дорогая Иоганна,

мне кажется, это сон, что я опять здесь. Но я действительно тут, о Боже, передо мной море, а надо мной Катенька одолевает Бетховена. Мы снова плаваем дважды в день, снова лазаем с ней по утесам и снова владеем всеми своими любимыми местами – "Утес Чаек", грот, маяк, "гнездышко Кэтти". Мы бродим по побережью, сидим на скалах – над самым морем – читаем, пишем… Погода, какой мы не знали все лето! Когда я вспоминаю, как усердно мы топили печи в Бадене и даже в Париже, и как здесь солнце отучило меня от пальто и суконных брюк, как вчера мы до десяти часов лежали на пляже в лунном свете, а сегодня завтракали под открытым небом, то должен сказать, что здешний климат – это поразительный дар Божий южанам. Я абсолютно ничего не делаю: или сплю, или гуляю, или ем… Мы живем совершенно отдельно от других… Вода еще теплая, 14 градусов, для меня это так хорошо… Катенька веселится, как девочка… Мы здесь как-то завтракали в горах, в трех милях к востоку от Биаррица, погода была великолепная, совсем летняя, и мы сидели на краю шумящего потока, со всех сторон нас обступали высокие скалы…

Для полного удовольствия мне недостает только весточки от тебя.

Все же я, пожалуй, куплю не Луббен, имение в Помераниш, а Ishoux здесь или что-нибудь в пригороде местного Дакса… »

11

Да, то, что до поездки в Вайнхайм им обоим казалось лишь несбыточной и дерзкой мечтой, – стало теперь реальным ежедневным раем! Пока Николай Орлов корпел в гостинице над очередным трактатом, они были предоставлены сами себе и своей страсти. В закрытой от людских глаз морской лагуне Кэтти, расслабленная истомой, лежала на теплом песке, а Бисмарк, устроившись рядом, цветком ромашки медленно вел по ее плечу.

– А что для вас важнее: любовь или политика? – спросила она.

Но обессиленный Бисмарк промолчал, и она повернулась к нему:

– А?

– Политика это не из области чувств… – произнес он нехотя.

– А откуда?

– Well… Политика это когда ты слышишь поступь Бога, идущего через всю мировую историю. И тогда ты прыгаешь за ним и пытаешься поймать кончик его пальто… Скажи мне честно, это Бог тебя мне послал или Горчаков?

Кэтти взяла его руку, поднесла к губам и поцеловала.

– И все-таки? – настаивал он.

– Молчи! – сказала она между поцелуями. – Теперь это не имеет значения…

Бисмарк закрыл глаза. *Теперь* это уже действительно не имело значения.

– Знаешь, я очень за тебя боюсь… – вдруг шепотом сказала она.

Он открыл глаза:

– Почему?

– Ты слишком смелый.

Он усмехнулся:

– Таких не бывает – «слишком».

– Бывает… Но помни: у меня большие крылья. Как у аиста. И они всегда над тобой. Даже если меня не будет…

Он взял ее тонкую руку:

– Ты будешь всегда, – и поцеловал каждый ее палец.

12

Князь Орлов, Бисмарк в широкой соломенной шляпе и некто Гамбургер, горбун, которого в письме Иоганне Бисмарк отрекомендовал интеллигентным good fellow, завтракали втроем на открытой веранде гостиничного ресторана. Гардер, хозяин гостиницы, сам подавал им все новые и новые блюда и вина.

– Все вкусно! Вкусно! It's so goooood! – хвалил его Бисмарк.

Он был возбужден и сам добавлял вино в стаканы Орлова и Гамбургера. Но Гамбургер предупредительным жестом накрыл свой стакан.

– Напрасно! – сказал ему Бисмарк. – Мужчина должен выпивать в день три бутылки вина. Посмотрите на англичан. Пока пили вино и виски, они владели миром! А как только пришла эта новая мода на диеты и чистую воду, вся их империя распалась!

Кэтти, одетая по-пляжному, влетела на веранду и прямиком – к их столику. Что-то явно изменилось в ней – теперь она вся светилась так, как светятся только женщины, познавшие счастье.

– Дядюшка Бисмарк, Monsieur le Grand! Чмок, чмок! Я на прогулку сейчас не пойду, а после купания отправляюсь в Байон, в город! Адье!

– Катарина, – сказал Орлов, – позволь тебе представить: господин Гамбургер, чиновник нашего Министерства иностранных дел и пресс-атташе при канцлере Горчакове.

Гамбургер встал и церемонно поклонился, а Кэтти прыснула от смеха:

– Боже мой, два шпиона в одном флаконе! Дядюшка, как вы их не боитесь? Адье!

И тут же – юная, радостная и соблазнительная – убежала на пляж, к морю.

Они – все трое – смотрели ей вслед.

А Кэтти… С разбегу она вбежала в воду, и тысячи солнечных брызг взлетели вокруг ее прелестного юного тела.

– Поздравляю, князь! – сказал Орлову Гамбургер. – Так светятся женщины, которым повезло с мужчиной. *Очень* повезло…

Бисмарк, улыбаясь в пепельные усы, поднял свой бокал красного вина и посмотрел через него на просвет. Самое поразительное – вовсе не то, что он таки завоевал и получил ее. Нет, самое поразительное, что никакие любовные страсти не изменили озорной характер ее практически детской натуры. Может быть, так непосредственно и естественно ведут себя какие-нибудь африканские или тайские дикарки, но чтобы *княгиня!* Чтобы плотские страсти были для нее такой же музыкой, как

Шопен и Бетховен, а музыка – душой ее плоти…

«Мне кажется, это сон»…

13

...

«Каким легким становится его сумрачное сердце, когда он неделями бездельничает на берегу моря, в компании иностранцев, любуясь на красивую, почитаемую им женщину; даль, свет, синева, море, здесь жарче солнце, ярче платья женщин, легче сам язык: для немца это сон» (Э. Людвиг . « Бисмарк »).

«Эта идиллия длилась 17 дней» (А. Палмер. « Бисмарк »).

«У него не было любовниц – даже роман с Катериной Орловой – и то под вопросом. Протекал он как-то странно – с ведома супругов обеих заинтересованных сторон» (Б. Тененбаум. « Отто фон Бисмарк и его Второй Рейх »).

14

Париж. 25 октября 1864 г.

« Дорогая Кэтти, потеряв Вас из виду, я пытался удержать связь, смотря на горы, которыми мы с Вами так часто восхищались, пока и они не скрылись за елями… Я чувствовал себя так, как бывает, когда ты едешь в поезде и наслаждаешься прекрасным видом из окна, но вдруг поезд ныряет в туннель, и вокруг тебя только темнота и стук колес… »

Биарриц. 27 октября 1864 г.

« Дядюшка, милый дядюшка!

Нет смысла рассказывать Вам, как нам не хватает Вас, в особенности мне. Брожу в одиночестве с верным Медором по всем горным вершинам. Дядюшка, мне больно говорить Вам, насколько чудесно сегодня море! Мы ходили к маяку, Медор и я, были в гроте и на террасах! Море восхитительно – волны тише, чем в последнее время, но все же оно неспокойно… пена поднимается так высоко, что пару раз я даже промокла… Но я не делала никаких глупостей!..

Надеюсь, эта маленькая весточка прибудет в Берлин тогда же, когда и Вы; я напишу на днях большое письмо, а сегодня мне хочется дать Вам ощущение хотя бы дуновения морского бриза!..

Все прочие понакупили себе для путешествия в Испанию пистолеты, кистени и пр., и с головы до ног обвешаны оружием. Пистолеты вселяют в меня страх, зато, в качестве реванша, я приобрела себе маленький стилет (кинжал) , с которым ни за что не расстанусь – итак, берегитесь отныне, все враги свободы!..

В местной газете вышла статья курортного врача, в которой он перемыл косточки всем известным личностям, приезжавшим сюда на отдых. Абзац, посвященный Вам, заканчивается словами: « Женщины Биаррица от него в восторге » . А меня тут определенно считали Вашей Дамой Сердца – покажите это письмо фрау фон Бисмарк, оно развлечет ее…

А Вы снова стали важным, и политика целиком поглотила вас. Да, я помню, что Вы посвятили себя созданию « великой Германии » . Но исполнитесь иногда и духом свободы вашей племянницы. От этого Пруссии не станет хуже… »

15

...

«Они оба были слишком на виду у всех, чтобы их жизнь в Биаррице осталась незамеченной. Среди элегантной пляжной публики сплетни разносились быстро, а злых языков было достаточно. Близость Бисмарка и княгини Орловой дала повод для злоречья. Говорят, что Иоганна даже получала анонимные письма, которые она с отвращением бросала в огонь» (N. Orloff. « Бисмарк и Катарина Орлова »).

Часть четвертая «ЗЛАЯ ШУТКА»

1

Берлин (без даты)

Молодой доктор-еврей осматривал Бисмарка, и Бисмарк сам сказал ему все, как есть:

– Мне всего пятьдесят, а я полная развалина – нервы ни к черту, невралгия, ноги болят, астма. И эти морщины, эти мешки под глазами…

– Хотите мой диагноз? – спросил доктор.

– Знаю! – усмехнулся Бисмарк. – Нельзя столько жрать! Но с этим я ничего не могу поделать. Еда заменяет мне женщин.

Доктор бессильно развел руками:

– Тогда поезжайте в свой Биарриц.

Бисмарк усмехнулся – даже до евреев дошли эти слухи. Нет, он не враг евреям, но… «Должен признать, что свои предубеждения к ним я впитал с молоком матери. И в 1847-м я открыто высказался против предоставления им гражданских свобод. Так что, если они считают меня своим врагом, я прощаю им это. Они даже нравятся мне – при определенных условиях. И в объединенной Германии я не буду против того, чтобы дать им конституционные права, равные с христианами. Фактически, нужно признать, у них же нет своего дома. Они общеевропейцы, они космополиты, кочующий народ. Их родина – Сион, Иерусалим, но сейчас они принадлежат всему миру и рассеяны по всей земле. Бедные, они лишены чувства местного патриотизма. Хотя и среди них можно найти честных и скромных людей… У них даже есть хорошие качества: уважение к родителям, супружеская верность, благотворительность, интеллигентность. И они, конечно, куда успешнее, чем другие, могут делать деньги. Так что было бы неплохо скрестить немецко-христианского жеребца с еврейской кобылицей. Еврейские деньги пошли бы в оборот, и в результате этого скрещения возникла бы очень хорошая порода. Я даже не знаю, что по этому поводу посоветовать моему сыну…»

А по поводу Биаррица врач, конечно, прав – Биарриц подарен ему Господом Богом, это его лучший лекарь.

2

Брюссель. 3 августа 1865 г.

Сидя у окна, открытого на авеню дэ Фрэ, Кэтти снова писала Бисмарку:

« *Дядюшка,*

возможно ли, что Вы хотите поехать в Биарриц без Кэтти? Неужто газеты говорят правду? Если Вы так поступите, я Вас никогда не прощу и отрекусь от дядюшки ВО ВЪКИ ВЕКОВ!.. И, вообще, чем вы собираетесь там заняться?.. Мы же, с Божьей помощью, приедем туда только в первых числах октября…

Нет, пожалуйста, можете ехать без меня, но не смейте никого водить в наш грот! Ответьте мне поскорей и скажите, что все это значит.

Адье, злой дядюшка! »

И Кэтти в сердцах поставила такой восклицательный знак, что гусиное перо сломалось и чернила разбрызгались по странице.

3

...

Став министром-президентом, «Бисмарк поселился на Вильгельмштрассе в доме прусского министра иностранных дел, где Барбелина – платоническая любовь Фридриха Великого – жила когда-то; и Бисмарк проживал в этом весьма неудобном старом особняке все 28 лет своего канцлерства, постоянно оставляя впечатление у посетителей, что он тут только на постое. Его кабинет выходил прямо в холл-прихожую. Всё и везде было заполнено книгами и всякой всячиной; железнодорожное расписание, русская грамматика и дорогие подарки русского царя – все вперемешку лежало на креслах и столах. Портреты коронованных особ были прислонены к стенам – некоторые годами оставались не повешены на стенах. На втором этаже кое-где даже отсутствовали ковры. Почти не было книжных полок и отдельной библиотеки. Посуда и кухня не соответствовали его положению министра; и когда раз в год Бисмарк устраивал прием для иностранных дипломатов, еду привозили из ресторана. Только винный погреб был на высоте – когда Бисмарк в 1890-м съехал из этого дома, 13 000 бутылок вина были вывезены отсюда за два дня. И это не удивительно, если

принять во внимание его заявление, что за свою жизнь он намерен выпить 5000 бутылок шампанского, не считая столового вина и коньяка, не говоря уже о пиве. Правда, Бисмарк построил в саду несколько офисных помещений для своих секретарей…» (А. Тэйлор . « Бисмарк. Человек и Государственный деятель »).

4

Берлин, без даты

Бисмарк работал дома, когда у парадного входа остановилась почтовая карета. Иоганна вышла к почтальону.

– Гутен морген, фрау Бисмарк. Посылка для министра-президента.

– Посылка? Откуда?

– Из Польши. И письмо из Брюсселя.

– Данке шон, – Иоганна взяла посылку и письмо и принесла мужу в его кабинет.

В халате и с трубкой во рту он сидел у окна, выходящего во внутренний двор, где находились конюшня и каретная, а в саду строилось помещение для слуг и секретарей. На столе перед ним была расстелена карта Европы, на этой карте он своим знаменитым толстым карандашом уже закрасил коричневым (прусским) цветом все бывшие немецкие территории Дании и, задумчиво теребя ус, держал теперь руку над Ганновером, курфюршеством Гессен-Кассельским и герцогством Нассау, окрашенными в серый цвет Австрии.

– Извини, дорогой, – сказала Иоганна, – тут посылка из Варшавы и письмо от твоей Кэтти.

Бисмарк резко повернулся:

– От Кэтти?

И нетерпеливо вскрыл письмо костяным ножом.

Поставив на стол посылку, Иоганна открыла ее. В посылке лежала толстая намыленная веревка, сложенная петлей, а поверх нее – атласный черно-белый бант.

– Боже мой, Отто! – воскликнула Иоганна. – Из-за этой Кэтти поляки тебя убьют!

– При чем тут Кэтти?

– Потому что это из-за нее ты помог русским подавить польское восстание.

– Глупости! Если бы я не помог России, эти чертовы поляки, освободившись, объединились бы против нас с Францией и Англией. Мы оказались бы меж двух огней и тут же потеряли бы Данциг, Торн и, вообще, пол-Германии.

– По-моему, ты маньяк…

Он удивился:

– В каком смысле?

– А с чего ты вообразил, что обязан создать единую Германию?

Бисмарк развел руками:

– А больше некому!

– А я нахожу это совершенно излишним, – сказала она. – От этого одни болезни, зависть и враждебность.

Он усмехнулся:

– Это ерунда! Хуже другое…

– Что?

– Я не поеду сейчас в Биарриц.

– Не поедешь? Но тебе же врач посоветовал, этот еврей…

– Кэтти пишет, что они там будут только в октябре.

– Опять Кэтти?! – взорвалась Иоганна. – Я не понимаю, с кем у тебя роман – с Германией или с этой русской?!

Яростно сбросив со стола посылку, Иоганна вышла из кабинета.

Бисмарк посмотрел на пол. Там лежала веревочная петля с черно-белым бантом. Он подошел к двери и крикнул в сторону кухни:

– Хорошо, в октябре ты поедешь со мной! И я вас познакомлю! Только позаботься о своих платьях, там высший бомонд!

5

...

«Внешне Иогнанна не особенно красива, за исключением глаз и длинных черных кудрей. Неглупа, общительна, остроумна… Не блистала ни красотой, ни элегантностью… Воспитывалась в рамках твердых религиозных убеждений. У нее практический склад ума, она добродушна, с чувством юмора. Очень музыкальна, играет почти одного Бетховена. От нее исходит тихое очарование, атмосфера чистоты, сердечной радости и искренности» (N. Orloff. « Бисмарк и Катарина Орлова »).

«Иоганна в то время писала подруге: «Если бы я была расположена к зависти или ревности, я без сомнения позволила бы этим чувствам терзать мое сердце… но нет таких чувств в моей душе. Я даже довольна, что мой дорогой муж нашел эту очаровательную женщину». Так Иоганна демонстрировала великодушие своего характера. Но нет ни малейших сомнений в том, что она ревновала и страдала от этого, хотя чувство собственного достоинства принуждало ее к молчанию» (В. Рихтер . « Бисмарк »).

6

Берлин, 15 сентября 1865 г.

«Графу Отто фон Бисмарку, министру-президенту

Сегодня совершается акт вступления во владение герцогством Лауэнбургским – результат моего правления, которое осуществляется Вами со столь удивительной и необычайной осмотрительностью и проницательностью. За четыре года, которые истекли с тех пор, как я поставил Вас во главе правительства, Пруссия заняла положение, достойное ее истории и обещающее ей и в дальнейшем счастливую и славную будущность. Стремясь дать внешнее доказательство признательности, которую я так часто имел случаи выражать вам в связи с Вашими выдающимися заслугами, я настоящим возвожу Вас и все Ваше потомство в графское достоинство; это отличие навсегда останется свидетельством того, как высоко ценил я Вашу деятельность на пользу отечества. Благосклонный к Вам король

...

Вильгельм».

7

Берлин, без даты

Наверное, они были похожи на двух уличных драчунов.

– Хотя успешная война с Данией убедила нашего премьер-министра в том, что он является избранником Всевышнего для проведения политики на создание Великой Германии, но на самом деле политика нашего министра-президента по-прежнему неопределима, ибо у него отсутствует малейшее понятие о нашем национальном характере…

Одобрительный рев депутатов ландтага на речь Рудольфа Вирхова, лидера прогрессистской партии и знаменитого медика-анатомиста, вывел Бисмарка из себя. Но, переждав шум в зале, он миролюбиво сказал:

– Разве господин докладчик не допускает такой возможности, когда бы некий человек, для коего анатомия – побочное занятие, взялся бы излагать анатомические положения, в неверности коих господин докладчик как специалист был бы совершенно убежден, однако опровергнуть их мог бы лишь перед аудиторией, столь же хорошо знакомой с тонкостями предмета, что и он сам?

Однако маленький, щуплый, но лобастый и задиристый Вирхов, его давний противник и критик, не отступал:

– Я желал бы господину министру-президенту, чтобы ему удалось добиться среди дипломатов Европы такого же признания, какого удостоился я среди ученых моей специальности. Его политика не только неопределима, но можно даже сказать, что у него, в сущности, и нет никакой политики, и, прежде всего, нет никакого представления о *национальной* политике.

– Я полностью признаю, – парировал Бисмарк, – большое значение предыдущего оратора в его сфере науки и не отрицаю, что в этом отношении он имеет преимущество передо мной. Но он сказал, будто бы я не имею понятия о национальной политике; я могу вернуть ему этот упрек, опустив эпитет: я не нахожу у предыдущего оратора понятия о какой бы то ни было политике вообще. И когда он покидает свою область и непрофессионально переходит на мое поле, то я должен сказать ему, что его суждение о политике для меня мало что значит. В самом деле, господа, я полагаю без всякого зазнайства, что в этих делах я разбираюсь лучше.

– А вот тут вы лжете! – вскочил Вирхов. – Я в политике разбираюсь не меньше, чем в анатомии, а вы не знаете ни того, ни другого!

– Что ж, – ответил министр-президент, – в таком случае я не

чувствую себя обязанным придерживаться хорошего тона и приличий. Вы, герр Вирхов, назвали меня лжецом, и я вызываю вас на дуэль! Можете выбирать оружие. Шпаги, пистолеты – что угодно! Проверим, кого изберет Господь.

Ландтаг взревел от возбуждения, депутаты повскакали со своих мест, а счастливые репортеры бегом устремились из зала в свои редакции.

8

Брюссель, без даты

Стуча сандалиями, Кэтти с газетами в руках пробежала по авеню дэ Фрэ, вихрем пронеслась мимо гренадера-охранника в особняк-резиденцию российского посланника, стремительно взлетела вверх по лестнице и, ворвавшись в свой будуар, плюхнулась за столик, стала писать – размашисто и стремительно:

« *Дорогой дядюшка! Я борюсь с искушением немедленно ехать в Берлин, настолько я опасаюсь за Вас! Этот несчастный Вирхов еще жив? Право, я боюсь, что Ваша жизнь сейчас больше под угрозой, чем во время всех наших сумасшедших проделок в Биаррице…* »

Тут в оставленную открытой дверь вошел Николай Орлов с телеграммой.

– Успокойся, – сказал он. – Пришла телеграмма из Берлина: Вирхов от дуэли отказался.

Кэтти облегченно откинулась в кресле и шумно перевела дыхание.

Николай подошел к столику и взял ее письмо.

– Гм… – сказал он. – Знаешь, если бы у меня в миссии была должность шиффрера, ты была бы первым кандидатом.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что, читая твои письма, я не знаю, от кого ты шифруешься – от почтовых доносчиков или от меня?

Голубые глаза у Кэтти стали серыми и холодными:

– Конечно, от тебя, дорогой. Сначала по приказу Горчакова ты отвез меня в Биарриц, чтобы сблизиться с Бисмарком. А когда ради этой близости он спас Россию от войны с Европой, ты закатываешь мне сцены ревности.

Он побледнел:

– Ты сказала «ради близости»? Неужели ты?..

– Неужели я – что? Договаривай!

– И договорю! Ты… Ты спала с ним?

Выдержав паузу, Кэтти высокомерно усмехнулась:

– Конечно нет. Но это… Это не избавляет тебя от выбора.

– Какого еще выбора?

– Когда-нибудь тебе все-таки придется решить, что для тебя важнее: верность жены или верность России?

Николай в упор посмотрел в ее насмешливые глаза, затем швырнул на стол письмо и вышел.

Кэтти устало откинулась на спинку кресла и какое-то время сидела с закрытыми глазами. Потом, шумно выдохнув,

склонилась над своим письмом.

« *Бедный, любимый дядюшка! Берегите себя, Ваша племянница хочет в октябре карабкаться с Вами по самым крутым скалам и плавать, как сумасшедшая* !..»

Господи, какая удача, что они познакомились именно в Биаррице! Можно в каждом письме обращаться к этому Биаррицу, как к тайному коду и – ведь прав Николай! – шифровать его прелестями свои чувства и планы…

« *…Засим предостерегаю Вас и предупредите от моего имени господина Вирхова. "Pardon" – нехорошая Кэтти всегда немного дерзит! Значит, Вы приедете в Биарриц, я рассчитываю на это, ведь Биарриц без дядюшки немыслим, и я предвкушаю встречу с Вами. Напишите мне, иначе я стану думать, что Вы сердитесь на меня…* »

9

Биарриц. 5 октября 1865 г.

Прекрасные пейзажи солнечного юга Франции мелькали за окном поезда. А чуть позже не менее замечательные виды одного из лучших курортов Европы медленно плыли за окнами двух карет – красивой пассажирской, на которую оглядывались курортники, знающие толк в дорогих экипажах, и второй, багажной, нагруженной чемоданами, сундуками и корзинами. Простучав колесами по каменным и брусчатым мостовым Биаррица, кареты подъехали к гостинице.

Гардер, хозяин отеля, и гостиничный портье подбежали к первой карете, портье открыл дверцу и подал руку Иоганне.

Иоганна, роскошно одетая, ступила на землю.

– Графиня Бисмарк! – радушно приветствовал ее Гардер. – Добро пожаловать в Биарриц!

Кучер и слуга принялись снимать чемоданы и сундуки с грузовой кареты.

Граф Отто фон Бисмарк – огромный, тяжелый, в прекрасном костюме цвета сливочного мороженого и с курительной трубкой – не спеша выбрался из кареты вслед за Иоганной, и Гардер радостно распахнул руки:

– Граф Бисмарк! Бонжур! Коман сава? Мы счастливы снова видеть вас!

Вслед Иоганне, вошедшей в гостиницу, слуги потащили корзины и чемоданы.

– Bonjour, mon ami! – сказал Гард еру граф Бисмарк. – В каком номере Орловы?

– Орловы? – удивился Гардер. – Они же аннулировали reservation.

– Как аннулировали? – оторопел Бисмарк.

– Неделю назад княгиня Катарина телеграфировала мне из Torquay на Английской Ривьере, что из-за холеры они остаются в Англии.

– Что? – еще больше изумился Бисмарк. – В Англии холера?

– Нет, она написала, что это у нас тут холера.

– А тут холера?

– Да что вы! – Гард ер всплеснул руками. – Боже упаси! Наоборот, в этом году у нас тут пол-Европы, весь французский двор, сам Наполеон Третий! И, кстати, мне велено передать: завтра император ждет вас у себя на вилле Эжени!

– Так они не приедут!.. – Бисмарк в сердцах сломал курительную трубку и отшвырнул ее в сторону.

Где-то вдали, над морем прогремел гром.

10

Биарриц. 6 октября 1865 г.

В апартаментах отеля Бисмарк – небритый, взлохмаченный и полуголый – сидел у стола, а за окнами проливной дождь бил по булыжной мостовой и море ревело и белело от пенистых волн.

– Ты писал ей, что приедешь со мной? – спросила Иоганна.

Бисмарк не ответил. Мрачно держа в одной руке пригоршню вишен, а в другой пригоршню креветок, он по очереди жевал и проглатывал и то, и другое.

– Ты помнишь, что тебя ждет французский император? – напомнила Иоганна.

Бисмарк доел креветки и молча раскурил сигару.

Не дождавшись ответа, Иоганна обиженно ушла в другую комнату.

За окнами – все тот же проливной дождь, гром и молнии. Бисмарк сел к столу, обмакнул перо в чернильницу.

« *Дорогая Катарина! Вы подвели меня, сыграв со мной злую шутку. В Биаррице никогда не было холеры. И Вы оказали бы мне большую услугу, если бы сразу сообщили, что Ваши планы изменились, как Вы известили об этом господина Gardere. Ведь это было за неделю до моего отъезда из Берлина…* »

11

Торквей (Torquau) . Английская Ривьера

« Дорогой дядюшка, Ваше письмо причинило мне боль. Я безутешна от того, что по своей безрассудности доставила Вам неприятности. Пожалуйста, простите меня! Если я не рассказала Вам о том, что наши планы изменились, то лишь потому, что знала – в этот раз Вы едете в Биарриц по причине нездоровья вашей ненаглядной супруги… »

Биарриц, октябрь

« Моя дорогая племянница,

хоть я и вправе сердиться на Вас, но мне недостает для этого мужества, несмотря на ужасные, тоскливые недели, на которые Вы обрекли меня здесь. За все это время у нас было едва ли четыре дня без дождя, шторма или урагана. Нельзя и носа высунуть за дверь, чтобы не промокнуть до костей. Море врывается повсюду, швыряет в окна молевой лес и совсем не позволяет нам плавать…

Знаете, Биарриц, в сущности, довольно унылое место. Рядом с Вами я быстро забывал или вовсе не замечал здешних неудобств, теперь же я « исцелился » от своих заблуждений, ничего не осталось, кроме досады и скуки. Лишь сейчас я заметил, что у господина Gardere дурные вина, что у содовой – на самом деле металлический привкус, что питьевая вода несвежая, а льда нет вовсе; что все кровати слишком короткие, а постель затхлая. В нашем гроте полно воды и ила, наш "Утес Чаек" изуродовали каменоломней; тамаринды вырубили, и на лугу, мокром, как губка, осталась только колючая трава. Вы же все это время живете в Вашем райском Torquay, и это после того, как отправили меня сюда, за 600 миль от дома, гулять по этому дурацкому побережью, чтобы под шквалистым ветром, под ливнями я потерял последние иллюзии, что в Биаррице человек может быть счастлив и радоваться и наслаждаться жизнью. Я искал источник молодости, а вместо этого постарел на десять лет, так что мне сейчас уже шестьдесят.

В это мгновенье дождь продолжается, море ревет; нет, пока я здесь, мне не удастся доказать Вам, что я образцовый и нежно преданный дядюшка… »

12

И тот же ливень, гром и молнии раскалывали в этот час ночное небо над побережьем Английской Ривьеры на юге Англии. Порывистый ветер, задувающий в окна курортного отеля, трепал гардины и пламя свечей в апартаментах князя Орлова. Сидя в своей спальне и читая письмо Бисмарка, Кэтти заливалась слезами, но вдруг порывисто вскочила, бросилась к своему гардеробу, судорожно набросила на себя суконную накидку.

Несколько минут спустя по пустому побережью Ривьеры, сквозь грозовой ливень мчалась одинокая карета, кучер настегивал взмыленных лошадей.

И вот уже карета подлетает к воротам церкви Святого Спасителя – средневековому церковному зданию XIV века. Кэтти с тяжелым мешочком в руке спрыгивает в глубокую лужу и под проливным дождем отчаянно стучит в ворота.

Громадный священник в дерюжной рясе с капюшоном выходит из кирпичного домика, стоящего позади церкви, пересекает церковный двор и подходит к воротам.

– Who is there?

– Пожалуйста, откройте! Умоляю! – по-английски отвечает ему Кэтти.

– Ночь. Церковь закрыта.

– Святой отец, исповедаться! Пожалуйста!

– Утром приходите, – говорит священник и хочет уйти.

– До утра я повешусь! Пожалуйста!

Святой отец нехотя отодвигает скрипучие засовы и чуть приоткрывает калитку.

– Ты иностранка?

Кэтти тут же просовывает в щель свой тяжелый мешочек.

– Святой отец, это на церковь, золото!

Священник берет мешочек и открывает калитку.

Спустя несколько минут в сводчатом помещении часовни, освещенной одной свечой и увешанной старинными иконами, промокшая Кэтти стоит на коленях на неровном каменном полу. Священник возвышается над ней.

– Исповедуется раба божья… – эхо разносит его слова по часовне. – Как звать?

Кэтти трясется от страха и холода:

– Е-е-екатерина…

– Исповедуется раба божья Екатерина. Говори, как пред Господом. В чем грехи твои?

Кэтти смотрит на иконы и трепещет – лики святых совсем

рядом и смотрят ей прямо в глаза!

От страха и холода у Кэтти трясутся губы, она не может произнести и слова.

– Слушаю тебя, дитя мое! – требует святой отец. – Говори, Бог милостив!

– Г-господи, – заикается Кэтти, – я з-замужем, а л-люблю д-другого, ж-женатого… Избави от искушения, Господи!

Но священник беспощаден:

– Прелюбодействовали?

Кэтти смотрит в глаза Иисусу Христу и говорит через силу, тихо:

– Д-да…

– Дети есть? – пытает священник.

– У меня нет…

– Давно замужем?

– П-пятый год… бездетна… – говорит Кэтти Иисусу Христу и плачет: – Господи, дай ребеночка!

– Разве не понимаешь? – сурово произносит святой отец. – Бездетна за свои прелюбодейства. Откажись от греха, и Господь даст тебе детей.

Кэтти, воспряв духом, поднимает на него глаза:

– Правда, святой отец?

Он повышает голос:

– Ты в Господе сомневаешься?

А в это же время и тем же маршрутом по побережью, сквозь ливень и грозу, мчится одинокий всадник – князь Орлов. В белой ночной рубахе, поводья держит одной рукой, но что есть сил пришпоривает коня и подлетает к карете, стоящей у ворот церкви Святого Спасителя.

– Где она?! – кричит он кучеру.

Кучер кивает на приоткрытую калитку.

– Кто тебе разрешил ехать в ночь?

– Княгиня приказала…

Князь Орлов спрыгивает с коня, бросает кучеру поводья и заходит в калитку.

В темном зале часовни, у амвона, освещенного все той же одной свечой, священник осеняет Кэтти крестом и читает над ней молитву всепрощенья:

– May God, the Father of all mercies, Who through the death and resurrection of His Son has reconciled the world to Himself and sent the Holy Spirit for the remission of sins, through the ministry of Church grant you pardon and peace. And I absolve you from your sins in the name of the Father, and of the Son, and of the Holy Spirit… [4]

Князь Орлов издали наблюдает за женой.

Священник подносит Екатерине крест:

– Теперь целуй крест и молись Господу за рождение детей.

13

Огромный летний дворец Villa Eugenie, построенный Наполеоном III в виде буквы «Е», первой буквы в имени его жены Евгении Монтихо, стоял над морем на высоком каменистом холме. Внизу пенистые волны разбивались о невысокие зубчатые скалы и, уже затихая, подкатывали к двум широким серповидным пляжам слева и справа от дворца.

Пользуясь прояснившимся небом и солнцем, желтый, сутулый и рано состарившийся Луи-Наполеон, шурша песком и гравием, расхаживал по террасе над морем в сопровождении своего неотлучного пса Нерона. Рядом, приспосабливаясь к мелким шагам императора, шел Бисмарк – высокий, мощный, с куполообразной головой.

– В такую ветреную погоду было бы ветрено с моей стороны говорить о серьезной политике, – острил Наполеон. – А что касается расширения французских границ, о которых пишет пресса, то никаких планов на этот счет я не вынашиваю, а всецело полагаюсь на волю Господа. Как Господь у правит…

– Я понимаю, ваше величество, – в тон ему отвечал Бисмарк, косясь на античные скульптуры, украшающие веранду. – Но у меня часто возникает ощущение, что наш Господь не всегда все делает Сам, а доверяет другим управлять делами в некоторых областях. Скажем, некоторым министрам и чиновникам, которые порой совершают глупости. И что же, Бог должен сразу после этого вмешиваться? Я в этом сомневаюсь…

14

А вечером Бисмарк с женой ужинали в гостиничном ресторане. На столе по-прежнему еды было столько, сколько съесть нельзя, но Гардер, зная аппетит высокого гостя, все подкатывал и подкатывал тележки с новыми блюдами.

– Что было у Наполеона? – спросила Иоганна.

Бисмарк не ответил, ел молча.

– Ну, если это тайна, – обиделась Иоганна, – можешь и не рассказывать.

– Да нечего рассказывать… – нехотя произнес он. – Старик пытался выяснить, не будет ли Пруссия мешать ему захапать Бельгию или Венецию.

– И что? – спросила она.

– Что за отвратительная еда! – вдруг взорвался Бисмарк и швырнул свою тарелку на тележку, привезенную Гардером. – Убери эту дрянь!

Гардер испуганно увез разбитую посуду.

– Отто, что с тобой? – кротко сказала Иоганна. – Ты стал такой…

– Какой? – жестко спросил он.

– Не знаю. Итальянский посол написал королю, что ты отказался с ним разговаривать…

– Плевать! У меня отпуск! Я отдыхаю!

И Бисмарк встал так резко, что со стола слетела бутыль с вином. Но он не обратил на это внимания и, не оглянувшись, ушел к ночному морю навстречу северному ветру, все еще срывавшему пену с высоких волн…

15

…Он словно чувствовал, что именно в этот момент там, на севере, в Брюсселе, в особняке российского посланника на авеню дэ Фрэ, его возлюбленная Кэтти в одной ночной рубашке стояла на коленях перед иконой Божьей Матери и с той же истовостью, с какой еще недавно отдавалась плотским страстям и музыке, шептала теперь молитвенно:

– …Прости мя, многогрешную! Укрепи в вере и богобоязненности! Очисти от обуревания страстей и грехопадений! Дай любви к мужу и детей от него!..

Божья Матерь молча смотрела на нее с иконы.

Кэтти, перекрестившись, встала с колен. Взяв свечу, она в пояс поклонилась иконе и по коридору прошла в спальню мужа.

При звуках ее шагов князь Орлов, лежа в постели, открыл свой единственный глаз и увидел, как Кэтти, глядя ему в лицо, задула свечу.

Часть пятая «НЕДОЛГИЕ СВИДАНИЯ»

1

Берлин, май 1866 г.

Седьмого мая, в пять часов вечера, возвращаясь домой из королевского дворца, Бисмарк шел среди деревьев по средней аллее Унтер-ден-Линден. Да, это была та самая аллея, на которой зимней ночью два года назад он дал себе слово вычеркнуть Кэтти из своего сердца и забыть о ней навсегда. Но мало ли слов мы даем себе только для того, чтобы нарушить их при первой возможности? А возможности – и еще какие! – были, и не только те, о которых он писал Иоганне. И, честно говоря, ради *такой* возлюбленной стоило нарушить любые обеты…

Впрочем, стоп! Ни в одном из воспоминаний Бисмарка о роковом событии 7 мая 1866 года не сказано, о чем он думал, идя в тот день по Унтер-ден-Линден. Зато достоверно известно вот что. Подходя к Русскому посольству, он увидел на углу двух мужчин – крупного, пожилого, в сутане, и молодого – хлипкого и невзрачного. У них были явно недружелюбные лица. Бисмарк прошел мимо, но вдруг услышал позади себя два пистолетных выстрела. Не думая, что это имеет к нему отношение, он машинально повернулся и сквозь пороховой дым увидел всего в трех шагах от себя того маленького, молодого – тот с улыбкой целился в него из револьвера. Бисмарк тут же перехватил его правую руку в запястье – как раз в тот момент, когда юноша выстрелил в третий раз, а другой рукой Бисмарк схватил юношу за шею. Но юноша быстро перебросил револьвер из правой руки в левую, прижал дуло к пальто Бисмарка и выстрелил еще дважды, насмешливо усмехаясь в уверенности, что уж эти-то выстрелы в упор сделают свое дело.

«И, действительно, при последнем выстреле я почувствовал, что ранен смертельно. Это был момент, когда, как обычно говорят про последний час, вся моя жизнь, включая жену и детей, промелькнула передо мной со скоростью света».

Но как только Бисмарк пришел в себя, он увидел направленное на него ружье, которое, впрочем, тут же отстранила рука в белой офицерской перчатке. Это были гвардейцы, которые маршировали неподалеку, на Линден. Прибежав на выстрелы, они увидели крупного мужчину, державшего за горло хлипкого юношу, и решили, что это он на того напал. Слава Богу, их офицер опознал Бисмарка и отвел ружье от его головы.

Солдаты заломили убийце руки за спину, а Бисмарк предупредил:

– Осторожнее, он нам нужен живой, а не мертвый, – и пошел

домой.

Ребро болело, но, к своему изумлению, он легко добрался до дома. У него было ощущение, что случилось чудо. Дома он быстро миновал гостиную, где за обеденным столом уже сидели гости, заперся в кабинете и обследовал себя. Он нашел дыры в своем пальто, пиджаке, жилете и рубашке, но пуля скользнула по шелковому исподнему, не затронув кожу. Ребро болело, но боль скоро прошла. Такое случается, когда ребро пружинит от удара, и на нем остается только красная гематома. Примерно то же самое случилось с его ребрами. Или сила выстрела была неполной, поскольку дуло револьвера было прижато к его пальто.

Переодевшись, он зашел в гостиную, поцеловал в лоб Иоганну и сказал:

– Не пугайся, любовь моя, какой-то тип в меня стрелял, но по милости Божией я остался невредим.

Еще не пробило шесть часов, следовательно, прошло не более получаса после покушения, как приехал король, который сам встал из-за супа, чтобы поздравить Бисмарка со счастливым исходом покушения. Бисмарк вышел к нему навстречу.

– Господи, Отто! Что случилось? – спросил Вильгельм.

– Успокойтесь, ваше величество! Демократы решили проверить, правда ли, что у вас железный канцлер.

– И что?

– Как видите, я даже стальной.

Едва уехал король, как один за другим стали прибывать находящиеся в Берлине принцы королевского дома, которые присоединились к гостям, сидевшим за столом и выпивающим за здоровье Бисмарка. Чем далее распространялось известие о покушении, тем все более увеличивалось общество. Генералы, министры, посланники, почитатели и друзья, даже его политические противники – все спешили нанести визит.

Когда известие о покушении появилось в вечернем приложении к газетам, народ столпился на Wilhelmsplatz и под окнами дома Бисмарков на Wilhelmstrasse; музыкальные ферейны исполнили для него серенаду, и он в первый раз сказал речь из окна своего дома.

Наутро мальчишки-разносчики газет бегали по улицам с криками:

– Демократ стрелял в Бисмарка и промазал!

– Рядом с киллером стоял священник!

– Рука Ватикана направляла руку стрелявшего!

Действительно, утром восьмого мая Бисмарку сообщили, что покушавшегося на него юношу зовут Фердинанд Блинд, он сын сбежавшего в Лондон радикального социалиста Карла Блинда, и

на рассвете, в тюремной камере он покончил с собой, перерезав вены.

«Правда, одновременно появилась карикатура, – напишет впоследствии Бисмарк, – на которой покушение было изображено таким образом: черт перехватывает предназначавшиеся мне пули со словами: «Он принадлежит мне!».

2

Берлин, конец июня 1866 г.

«16 лет тому назад я жил простым помещиком, когда, по воле короля, отправился в качестве прусского посланника на Франкфуртский сейм. Я был воспитан в благоговении к австрийской политике, но лишь немного нужно было времени, чтобы юношеские иллюзии касательно Австрии рассеялись, и я сделался ее отъявленным противником. Унижения моей родины, Германии, хитрая и вероломная политика, – все это не могло мне понравиться. Я не знал, что будущее призовет меня к настоящей роли; но с тех пор мной овладела мысль, к осуществлению которой я ныне стремлюсь – освободить Германию из-под австрийского гнета. В планах, которые я себе составил, вовсе нет речи о том, чтобы ниспровергать троны, отнять у одного его герцогство, у другого его небольшие владения.

Когда граф Платен-Гальмунд, ганноверский дипломат, 21 января 1866 года вел со мной в Берлине переговоры о браке ганноверской принцессы Фредерики с нашим юным принцем Альбрехтом, нам удалось добиться согласия наших дворов на этот брак, оставалось только устроить личное свидание между молодыми людьми и узнать, какое впечатление они произведут друг на друга.

Но уже в марте или в апреле в Ганновере под ничтожным предлогом был объявлен призыв резервистов. На мой официальный запрос о причинах вооружений Ганновера мне ответили, что, по экономическим соображениям, осенние маневры будут проведены весною. Это звучало почти насмешкой. В Вене слишком сильна стала вера в военное превосходство Австрии над Пруссией. Об этом свидетельствуют прокламации, которыми снабжены ранцы австрийских солдат, а также их новые мундиры, предназначенные для победного вступления в Берлин.

14 июня с. г., сразу после того, как Австрия потребовала у Союзного сейма объявления войны Пруссии, я беседовал в Берлине с кургессенским наследным принцем и посоветовал ему отправиться экстренным поездом в Кассель (к его отцу), чтобы обеспечить нейтралитет Гессенского курфюршества. Я доказывал ему, что гессенский престол стоит экстренного поезда; если он откажется соблюдать нейтралитет, а мы победим Австрию, то дни курфюршества будут сочтены. Принц прекратил беседу, сказав: «Мы с вами, вероятно, еще свидимся как-нибудь в этом мире, а 800 тысяч доброго австрийского войска тоже еще скажут свое слово».

Наследный принц Аустенбургский также упустил благоприятный момент. При том распространилась версия, что это произошло по моей вине – будто бы я явился к принцу, но сказал ему, что меня ждет у подъезда экипаж и что я должен немедленно ехать в Биарриц. Это неуклюжий вымысел. Я никогда не был у принца на дому и никогда не упоминал при нем о Биаррице».

Как удивительно его судьба вьется вокруг этого Биаррица и возвращается к нему…

3

...

Из хроники исторических событий

8 апреля 1 866 года Пруссия и Италия подписали договор о взаимопомощи в случае войны.

20 апреля Австрия, напуганная этим договором, объявила мобилизацию своих войск.

Пользуясь этим, Бисмарк обвинил Австрию в нарушении конвенции Германского Союза и 10 июня направил германским государствам проект реформы Союза, которым предусматривалось исключение из него Австрии.

11 июня австрийский посол был отозван из Берлина.

14 июня по требованию Австрии сейм Германского Союза принял решение о немедленной мобилизации.

15 июня, едва только Австрия начала сосредоточение полков у своих границ, прусские войска под командованием генерала фон Мольтке приступили к оккупации земель, входящих в состав Германского Союза, – Ганновера, Саксонии и Гессена.

17 июня Австрия объявила Пруссии войну и австрийский император Франц-Иосиф выступил с «Обращением к своим верным подданным».

18 июня Пруссия и Италия объявили войну Австрии.

4

Берлин, 29 июня 1866 г.

Никогда еще война не начиналась при столь неблагоприятном настроении страны. Со всех концов Пруссии сыпались адресы, протестовавшие против «братоубийственной» войны с Австрией. Имя Бисмарка предавалось проклятиям. И он, который шестнадцать с лишним лет мечтал освободить Германию от австрийского гнета, сознавал теперь, что нет другого исхода, как победить или умереть. «В этой игре я ставлю свою голову, но я пойду до конца, даже если мне придется положить ее на плаху! Ни Пруссия, ни Германия не могут оставаться какими были, а для того, чтобы им стать такими, как надо, остается один путь».

Два фактора могли погубить задуманное им – вмешательство в войну Франции или вмешательство России. Но Луи-Наполеон слишком хитер, чтобы сразу выступить против Пруссии со своим малочисленным (всего 60 тысяч солдат) войском на южных границах Пруссии. Нет, он будет ждать первых прусских поражений, и только после них…

А Россия… «В бытность мою посланником в Петербурге, я в первой половине июня 1859 года на короткое время съездил в Москву. При этом посещении древней столицы, совпавшем с франко-итальянско-австрийской войной, я получил возможность убедиться, как велика ненависть русских к Австрии. В то время как московский губернатор князь Долгорукий водил меня по библиотеке, я увидел на груди одного служителя в числе многих военных орденов также и Железный крест. На мой вопрос, по какому случаю он получил его, служитель ответил: «За битву при Кульме возле Парижа». После этой битвы Фридрих-Вильгельм III приказал раздать русским солдатам довольно большое число Железных крестов несколько измененного образца, который был назван Кульмским крестом. Я поздравил старого солдата с тем, что у него и через сорок шесть лет такой бодрый вид, и услыхал в ответ, что он и сейчас пошел бы на войну, лишь бы позволил государь. Я спросил его, с кем бы он пошел – с Италией или Австрией, на что он, вытянувшись в струнку, с энтузиазмом заявил: «Всегда против Австрии». Я заметил, что при Кульме Австрия была другом России и Пруссии, а Италия, союзница Наполеона, – нашим врагом, на что он, стоя все так же навытяжку, сказал громко и отчетливо, как русские солдаты говорят с офицерами: «Честный враг лучше неверного друга». Этот невозмутимый ответ привел князя Долгорукого в такой восторг, что не успел я оглянуться, как генерал и унтер-офицер

заключили друг друга в объятия и горячо облобызались. Таково было в ту пору противоавстрийское настроение среди русских – от генерала до унтер-офицера».

И потому теперь Бисмарк не беспокоился относительно России. Облаченный в мундир майора кавалерии, он сидел в своем домашнем кабинете и перед отправлением на фронт спешно дописывал письмо Екатерине.

« *Моя дорогая племянница! Если я буду продолжать жить в том же ритме, в каком живу уже три месяца, то вне всякого сомнения, слягу. Я совсем перестал спать, а между тем мне так необходимо отоспаться как следует – мой запас сил истощился. После беспрерывной многодневной и тяжелейшей работы, случается, что король вызывает меня и в час и в три часа ночи. Завтра мы отправляемся к войскам. Перемена климата и активная походная жизнь либо пойдут мне на пользу, либо окончательно разбудят дремлющую во мне и усугубленную переутомлением болезнь…* »

Сколько времени они не виделись? «Жизнь складывалась так, что после 1865 года Бисмарк все реже видит свою «племянницу», и у них уже никогда не было возможности проводить вместе целые недели. Время от времени они встречаются, но это уже совсем недолгие свидания», – скупо сообщает Николай Орлофф, внук Кэтти. И добавляет: «В мае 1866 года Катарина серьезно заболевает воспалением легких. Она очень слаба. Малейшее движение утомительно для нее, и князь Орлов просит Бисмарка написать жене пару слов, если у того будет время».

Господи, сколько недомолвок в этих строках! Как они виделись, когда? «После 1865 года все реже…», а «в мае 1866 года Катарина серьезно заболевает». Следовательно, их «время от времени недолгие свидания» были в первой половине 1866-го. Но где и как? И почему об этом нет ни слова ни в письмах Бисмарка Иоганне, ни у биографов «железного канцлера»? Впрочем, стоп! О чем это я? Это раньше, до того, как в поезде Дармштадт – Хейдельберг была перейдена роковая черта, они могли открыто и даже вызывающе демонстрировать миру свои платонические отношения. Но теперь, и особенно после того как биаррицевская газетка открыто написала об их романе и все прусские, австрийские и французские репортеры стали жадно следить за каждым шагом берлинского министра-президента, а Иоганна стала получать грязные анонимки, – теперь они должны были, просто обязаны были скрывать свои «недолгие свидания». И пусть в то время еще не была написана «Анна Каренина», и Лев Николаевич, двоюродный племянник отца Кэтти, даже и не думал еще о своем знаменитом роковом треугольнике, но жизнь уже

сложила этот любовный даже не *треу*– а четырехугольник – ведь и княгиня Орлова, и Отто фон Бисмарк были оба связаны своими брачными узами и сословными обязательствами. И, значит, они должны были таиться и таить свои вожделенные встречи. Но как крошечный ручей, пробившись через гористые преграды, уже не может остановиться, а все торит и ширит свой путь, так и любовная страсть, сломив все табу, изощряется и изыскивает любые пути для хотя бы «недолгих свиданий», которые в силу своей краткосрочности превращаются в фейерверки и фейерии эмоций. Костер, настежь открытый, рискует быстро прогореть и потухнуть, но очаг, бережно закрытый конфорками, может пылать очень долго, и нетерпеливое, лихорадочное ожидание следующей встречи только подливает масла в огонь упоения новым соитием. Как сказано у Исаака Бабеля, «Она приходила в пять часов. Через мгновенье в их комнате раздавались ворчание, стук падающих тел, возглас испуга, и потом начиналась нежная агония женщины: «Oh, Jean…».

Я высчитывал про себя: ну, вот вошла Жермен, она закрыла за собой дверь, они поцеловали друг друга, девушка сняла с себя шляпу, перчатки и положила их на стол, и больше, но моему расчету, времени у них не оставалось. Его не оставалось на то, чтобы раздеться…».

Но стоп, давайте не будем заглядывать в замочные скважины! Если патриотизм Бисмарка останавливался на границе его желудка, то я останавливаю свою фантазию на границе их intimacy. Великий дипломат и искусный интриган, Отто фон Бисмарк не оставил нам улик своих «недолгих, время от времени свиданий» с 25-летней княгиней Екатериной Орловой-Трубецкой и – правильно сделал!

Но вот почему Орлов считал письма Бисмарка целительными для своей жены и просил Бисмарка писать ей? Что это было? Любовь втроем? Неужели прав некто, сказавший, что лучше иметь половину несметного богатства, чем в одиночку хлебать из пустого корыта…

Честно говоря, характер Орлова остается для меня загадкой. Незаконнорожденный сын князя Алексея Орлова, он закрывал глаза на явную для всех связь своей жены с прусским премьер-министром – *в силу своего происхождения* ? Или он любил ее так сильно, что не позволял себе видеть очевидное? Или результаты того, что французы называют «постельной дипломатией», а российские спецслужбы именуют «медовой ловушкой», были для него важней всего остального?

Как бы то ни было, письма Бисмарка к Екатерине Орловой демонстрируют нам, что великий прусский хитрец искусно

дозировал лирику с полуважной информацией и, даже уезжая на фронт, писал ей в последнюю минуту:

« *…Только что мы получили превосходные новости из Бремена: пока что наши войска одерживают победы, даже когда по численности превосходство явно на стороне австрийцев. Я вижу в этих первых успехах Божью помощь и залог того, что Он укажет нам правильный путь…* »

Конечно, это написано больше для Николая, чем для Кэтти. Как Иоганна читает Кэттины письма, выискивая в них нюансы и детали для ревности, так и Орлов, муж Кэтти, безусловно, еще с Биаррица перлюстрирует их переписку, рассчитывая на политические и информативные дивиденды от этой связи жены с прусским премьер-министром. Что ж, пусть он получает свои дивиденды в виде ничего не значащих деталей, о которых он с пользой для себя будет докладывать в Петербург. И пусть эта охапка сена впереди будет постоянно заставлять его поощрять Кэтти на переписку с ним, с Бисмарком. Be my guest, Mr. Orloff!

« *Сегодня утром сложила свое оружие ганноверская армия; по этому поводу весь Берлин украшен флагами, и толпа народа, заполнившая улицы, снова и снова вызывала меня, и я был вынужден то и дело появляться в окне. Популярность меня угнетает, я не приучен к ней, но человек ко всему приспосабливается. Будьте так добры и известите меня о состоянии Вашего драгоценного здоровья. И простите своего дядюшку за временное отсутствие писем – всему виной дела!..* »

Бисмарк уже заканчивал это послание, когда вошла Иоганна с телеграммой и остановилась у порога. Бисмарк повернулся к ней.

– Мужики усмиряют себя войной и смертельным риском, – усмехнулась она. – А бабы – муками деторождений.

– Ты о чем?

Она подошла и положила на стол телеграмму.

– Это от князя Орлова. Ваша Кэтти ждет ребенка.

5

...

Из хроники исторических событий

30 июня король Вильгельм в сопровождении свиты выехал в Райхенау, где находился штаб Первой прусской армии. Помимо Бисмарка, короля сопровождали министры, военные адъютанты, иностранные дипломаты и атташе зарубежных посольств, чиновники министерства иностранных дел, лейб-медики, камердинеры, конюхи, лакеи и т. п. Для путешествия в Райхенау, удаленный от Берлина на расстояние ста пятидесяти миль, потребовалось шесть специальных железнодорожных составов.

6

Сахров. 1 июля 1866 г.

«Дорогая Иоганна, сегодня мы выехали из Райхенау, весь путь был опасен. Австрийцы могли вчера, если бы они прислали кавалерию из Лейтмерица, захватить короля и всех нас. Мы встречаем везде пленных, по имеющимся сведениям их уже больше 15 000 человек. Иичин взят вчера нами на штыки. Подвоз провианта затруднителен; наши войска страдают от усталости и голода. В стране до сих пор не заметно больших следов войны, кроме потравленных пашен. Жители не страшатся солдат, стоят с женами и детьми в праздничной одежде у дверей своих домов и дивятся на нас. В Траутенау жители убили 20 наших безоружных гобоистов, случайно отставших от своих полков. Близ Мюнхенгретца один владелец пивоварни заманил 20 наших солдат в погреб, где хранился спирт, напоил их и поджег. Кроме этих подробностей у нас тут меньше известий, чем в Берлине…»

Иичин. 2 июля 1866 г.

«Дорогая Иоганна, только что прибыли сюда из Сахрова; на нашем пути всё поле битвы еще усеяно трупами людей, лошадей, оружием. Победы наши гораздо значительнее, чем мы думали; мы имеем уже более 15 000 пленных, а убитыми и ранеными Австрия потеряла еще более. Я до сих пор видел больше австрийских пленных, чем прусских солдат. Присылай мне с курьером сигар, по 1000 штук каждый раз, для лазаретов, если можно по 20 талеров за тысячу. Все раненые просят меня об этом. Подпишись, при помощи обществ или на собственные средства, на несколько экземпляров “Крестовой газеты” для лазаретов. Пришли мне револьвер грубого калибра и седельный пистолет. Кланяюсь тебе от души. Пришли мне какой-нибудь французский роман для чтения, но только один, не более…»

7

...

Из хроники исторических событий

Генерал Людвиг фон Бенедек, главнокомандующий Северной австрийской армией, решил разгромить прусские войска у чешской деревни Садова на берегу реки Бистриц.

Битва началась с восходом солнца, в ней участвовало 436 000 человек. За всю историю Европы никогда еще не сходилось так много людей в одном сражении. Когда в 7.15 утра прусский король Вильгельм I в сопровождении Бисмарка, генерала фон Мольтке и других армейских чинов въехал верхом на высокий холм, где находился командный пункт, австрийская артиллерия уже палила из всех орудий, причем один из снарядов упал всего в двадцати ярдах от короля.

В 7.30 принц Фридрих Карл, младший сын короля, командовавший Первой прусской армией, получил приказ атаковать австрийцев. Бисмарк, сидя верхом на большом рыжем коне, внимательно наблюдал за всеми перипетиями восьмичасового боя. Он был в военном мундире майора кавалерии германского ополчения, с кирасирским шлемом на голове и в длинной серой накидке. Много позже он сказал, что в тот день он чувствовал себя игроком в

покер, поставившим на кон миллион талеров, которых у него не было.

8

Гогенмаут. 9 июля 1866 г.

«Дорогая Иоганна, король подвергал себя большой опасности, и хорошо, что я был при нем, потому что все убеждения других не помогали, и никто не осмелился так говорить с ним, как я, когда масса из десяти кирасир и пятнадцати лошадей 6-го кирасирского полка плавали возле нас в крови и гранаты самым неприятным образом носились вокруг короля. А когда король, увлекшись битвой, устремился под неприятельский огонь, я остановил его словами: “Как майор, я не имею права давать вашему величеству советы на поле битвы, но как министр-президент обязан просить ваше величество избегать явной опасности…”»

9

...

Из хроники исторических событий и свидетельств участников

Бисмарк первым заметил решающий поворот в ходе сражения. Сразу после часа дня он увидел: то, что все принимали за группу деревьев в пяти милях от места боя, на самом деле двигалось к линии огня австрийской артиллерии; это подходила Силезская прусская армия кронпринца. Бисмарк обратил на это внимание Мольтке. Некоторое время Мольтке молча смотрел в указанном направлении в подзорную трубу, а затем сказал королю: «Исход кампании предрешен в соответствии с желаниями Вашего Величества. Вена лежит у ваших ног!».

«Австрийский генерал Бенедек не организовал разведку местности и не смог наладить взаимодействие своих корпусов. Важную роль сыграло превосходство пруссаков в артиллерии. В многонациональной австрийской армии многие народы не хотели воевать за Габсбургов. Сотни и даже тысячи итальянцев и румын дезертировали прямо на поле боя. 3 июля Эльбская прусская армия обошла левый фланг австрийцев, а Силезская армия прусского кронпринца нанесла удар

по их правому флангу и тылу. Под угрозой окружения генерал Бенедек начал отвод своих войск, однако плохо организованное отступление вскоре превратилось в беспорядочное бегство. Австрийская армия потеряла убитыми и ранеными около 15 тыс. и 22 тыс. пленными и дезертирами – почти в 5 раз больше, чем пруссаки, потери которых не превышали? тыс. человек» (Википедия).

Когда победа была уже несомненна, один из флигель-адъютантов обратился к Бисмарку с такими словами: «Ваше превосходительство, теперь вы великий человек. Не поспей вовремя кронпринц, вы были бы величайшим злодеем!».

«Ничто уже не мешало победному шествию прусской армии до самого сердца Австрии, до ее беззащитной теперь столицы, если бы ошеломляющий успех Пруссии не заставил содрогнуться французское правительство. В ночь с 4-го на 5 июля на имя короля Вильгельма поступила телеграмма, в которой Луи-Наполеон сообщал, что австрийский император уступил ему Венецию и просил о посредничестве».

10

«Вмешательство Наполеона было вызвано нашей победой. Если бы Наполеон вступил в войну и если бы холера усилилась в нашей армии [в ходе кампании 6427 человек погибло от эпидемии], наше положение могло бы стать тяжелым…

23 июля под председательством короля собрался военный совет, на котором предстояло решить, следует ли продолжать войну или заключить мир на предложенных Австрией условиях. Я был при этом единственным штатским. Положение было затруднительным; всех генералов объединяло нежелание прервать наше победное до сих пор шествие, а король чаще с большей готовностью шел в те дни навстречу влиянию военных, чем моему.

Я изложил мое убеждение, что необходимо заключить мир, но остался в одиночестве; король согласился с военным большинством. Нервы мои не выдержали, я молча встал, прошел в смежную спальню и разразился там судорожными рыданиями. Рыдая, я слышал, как военный совет в соседней комнате был прерван. Тогда я принялся за работу и письменно изложил доводы в пользу заключения мира. Мы должны срочно заключить мир, прежде чем Франция выиграла бы время для выступления в пользу Австрии. [К тому же] нам следует избежать, чтобы Австрии была нанесена тяжелая рана, чтобы у нее надолго осталась большая, чем это нужно, горечь и потребность в реванше. Если Австрии будет нанесен серьезный урон, то она сделается союзницей Франции и каждого из наших противников; даже свои антирусские интересы она принесет в жертву тому, чтобы взять реванш у Пруссии…

Я просил короля, в случае его нежелания последовать моему совету, освободить меня от моих обязанностей министра при продолжении войны. С этой запиской я отправился на устный доклад… Под впечатлением, что мой совет отвергнут, я, вернувшись в свою комнату, был в таком настроении, что мне пришло на ум, не лучше ли броситься из открытого окна четвертого этажа? Я не обернулся, когда услышал, что вошел кронпринц. Я почувствовал, как он положил мне руку на плечо, и услышал: “Вы знаете, я был против войны, вы считали ее необходимой и несете ответственность за это. Если вы теперь убеждены, что цель достигнута и что теперь следует заключить мир, я готов помочь вам и поддержать ваше мнение у отца”. Затем он отправился к королю и вернулся через полчаса со словами: “Это стоило мне большого труда, но отец согласился…”»

11

...

Из хроники исторических событий

В результате австро-прусской войны 1 866 года к Пруссии были присоединены королевство Ганноверское, курфюршество Гессен-Кассельское, великое герцогство Нассау, вольный город Франкфурт-на-Майне и, отныне полностью, Шлезвиг-Гольштейн. После этих присоединений территория Пруссии достигла 347,5 тысяч квадратных километров с 24 миллионами населения.

10 августа 1 866 года был создан Северогерманский Союз в составе 22 германских государств.

«Теперь, когда Бисмарк едет домой с австрийского фронта, народ пытается выпрячь лошадей из его кареты. Потом тысячи людей сбегаются к его дому. Один из них кричит: «Ура храброму генералу на дипломатическом поле битвы!» Бисмарк с женой стоит у окна и обращается к народу. Когда гремит гром и последние слова Бисмарка тонут в его раскатах, Бисмарк кричит: «Небо дает салют!» Такие удачные находки облетают столицу и делают министра еще популярней» (Э. Людвиг. « Бисмарк »).

Палата депутатов Пруссии пожаловала Бисмарку 400 тыс. талеров, на которые он приобрел

поместье Варцин в Померании.

12

– Кажется, ваши русские друзья не рады нашей победе над Австрией, – сказал король. – Вот, мне пишет наш посланник из Санкт-Петербурга: Горчаков собирается созвать европейский конгресс, чтобы установить новые границы на карте Европы. То есть не мы, а они будут диктовать нам границы нашей победы!

– Ваше величество, – отвечал Бисмарк, – есть простой способ успокоить русских.

– Ну? И какой же?

– У русских есть одно секретное слово, которое решает все вопросы.

– Говорите же!

– По-русски это называется «взятка». А по-нашему Bestechung, Stich.

– Гм! Вы собираетесь меня разорить?

– Нисколько!

– Тогда какую же взятку вы можете предложить императору России?

– Ваше величество, по Парижскому договору Россия после Крымской войны лишилась права иметь военный флот на Черном море. В обмен за пересмотр этого договора вы можете предложить императору Александру поддержать все наши завоевания в Австрии.

– Мой друг, это гениально! И нам это ничего не будет стоить!

– Больше того, ваше величество! Это обяжет не только вашего племянника, но даже его внуков быть нам благодарными!

– Ну, уж теперь-то ваша русская возлюбленная составит вам компанию в Биаррице!

– Никак нет, ваше величество, – сказал Бисмарк. – Она ждет ребенка.

Часть шестая ВЕЛИКИЙ ОДИНОКИЙ

1

Брюссель, май 1867 г.

Крик грудного ребенка был слышен даже на улице дэ Фрэ, но князь Орлов не слышал или, точнее, не слушал его. Он читал письмо Бисмарка, только что пришедшее из Берлина дипломатической почтой.

« 1 мая 1867 года

Дорогая Катарина,

я от всего сердца поздравляю Вас и спешу сказать, как я рад Вашему счастью, что Вы стали матерью. А, кроме того, я с удовольствием узнал, что Вы сами кормите своего малыша. Я слышал, что Алексис уже сейчас большая лакомка и бывает гневлив, что кажется мне совершенно невозможным у ребенка такой матери, как Вы, чьи невозмутимое хладнокровие и отвращение к светским завтракам мне хорошо знакомы.

Бельгийской король Леопольд показался мне очень симпатичным, возможно потому, что нашу первую беседу он начал с разговора о Вас и в выражениях, которые нашли отклик в моем сердце. Он пригласил меня к себе в гости, в Брюссель, и если мне представится случай воспользоваться этим приглашением, то публика будет так же заблуждаться относительно причин этого визита, как и в тех случаях, когда толкуют о политическом характере моих поездок в Биарриц, а это каждый раз заставляет меня мысленно смеяться, – ведь я бы никогда не возвращался туда, если бы не моя любимая племянница! Бедные! Они ничего не знают ни о существовании Кэтти, ни об "Утесе Чаек", они ищут не в том месте и полагают, что это политика влекла меня за две сотни миль от Парижа. О, эти ротозеи от политики! Они не видели ни маяка, ни грота…

6 мая

С тех пор, как я улучил минуту во время одного из заседаний написать на скверной казенной бумаге эти строки, дела совершенно захлестнули меня. Лишь сегодня выдалось небольшое затишье, и первая моя мысль была о моей любезной племяннице и любимом внучатом племяннике Алексисе. Я твердо верю, что этим летом вновь увижу Вас.

Если Богу будет угодно и наша война с Францией все же случится, то начнется она недалеко от границы с Бельгией, и я смогу навестить Вас, чтобы насладиться ненадолго бельгийским нейтралитетом… У нас нет причин испытывать неприязнь к Франции, и нападать первыми мы не станем, но, разумеется, будем защищаться и уверен, что отважно.

Приготовления, которые велись во Франции последний год, делают войну неизбежной. Мы пока не пустили в ход ничего – ни одного человека и ни одну лошадь, но поскольку Франция удвоила усилия по подготовке к войне, нам необходимо будет наверстать все за раз…

Но хватит о политике. Целую Ваши прекрасные руки, и передавайте мой привет Николаю.

Будьте уверены, что в Берлине мое рвение исполнять приказания Кэтти столь же горячо, как и в гроте у маяка.

…

Ваш ф. Бисмарк

».

Князь Орлов сел за стол, положил перед собой письмо Бисмарка и чистый лист бумаги и стал писать здоровой левой рукой:

«3 мая 1867 года

Князю Александру Михайловичу Горчакову. Имею честь сообщить, что Бисмарк усиленно готовится к войне с Францией. По моим сведениям, железные дороги Пруссии экстренно ремонтируются для обеспечения доставки солдат к западным и южным границам. Из письма Бисмарка к Катарине следует, что война начнется недалеко от бельгийской границы…»

Между тем в детской комнате Кэтти, обливаясь слезами, отнимает от груди плачущего ребенка и кладет его в люльку. Минуту спустя входит Орлов с письмом от Бисмарка и видит, как Кэтти, рыдая, усиленно качает люльку.

– У меня молоко пропало!!! – говорит она в отчаянии. – Совсем!..

Он целует ее в затылок.

– Я уже распорядился. Утром будет шесть кормилиц, ты выберешь любую.

Затем он склоняется к сыну, улыбается ему, и малыш, заинтересованный черной повязкой на лице отца, тут же замолкает.

Со слезами на глазах, Кэтти благодарно смотрит на мужа.

Малыш закрывает глаза и засыпает.

Орлов оставляет ей письмо и уходит.

Убедившись, что ребенок спит, Кэтти читает письмо, затем садится к столу и пишет медленно, обдумывая каждое слово:

« *Мой милый друг! Тысячу раз спасибо за Ваше письмо…* »

Спазм в горле прерывает ее, она прикладывает к губам платок, на платке кровь. Новый приступ рвоты, Кэтти хватается за шею и выбегает из детской. Но, вернувшись через минуту, смотрит на спящего сына и снова садится за письмо. Поглядывая на люльку, пишет, часто останавливаясь и обдумывая каждое слово:

« *Я очень тронута тем, что Вы принимаете такое участие в моем счастье, спасибо за Ваши добрые пожелания моему драгоценному маленькому Алексею. Сумасшедшая Кэтти теперь стала почтенной матерью семейства, она усвоила хорошие манеры – спокойна и благоразумна, и думает только о том, чтобы кормить своего малыша и быть хорошей матерью! Другие времена, другие нравы!..* »

Кажется, она сказала все, чтобы он понял – с прошлым покончено, их роман завершен, той, *прежней* Кэтти больше нет. И теперь она может, наконец, написать ему то, что чувствует:

« *…Я так счастлива, когда смотрю на очаровательную крошку, я так мечтала о нем!..* »

2

Дипломатической почтой, срочно:

Санкт-Петербург, князю Александру Михайловичу Горчакову

«Имею честь сообщить о последних европейских событиях.

Как известно Вашему превосходительству, во время испанской революции 1868 года была свергнута и изгнана из страны королева Изабелла II. Генерал Прима, временный правитель, предложил престол Леопольду Гогенцоллерну, племяннику Вильгельма Прусского. Однако Наполеон III, боясь испано-германского союза, заставил Леопольда отказаться от этого предложения и, при сочувствии всех европейских стран, потребовал, чтобы этот отказ одобрил Вильгельм. Король Вильгельм, не желая начать войны с Францией при общем несочувствии Европы, не стал возражать Наполеону и тем самым устранил непосредственный повод к войне. Но для раздраженного самолюбия Луи-Наполеона отказ Гогенцоллерна показался недостаточным удовлетворением, и 13 июля с. г. правительство Франции потребовало от Пруссии гарантий, что подобная кандидатура никогда не возникнет в будущем. Общественное мнение Европы тут же обернулось против Франции, и в ответ на бестактность Наполеона Вильгельм ответил, что не вправе давать подобных обещаний, на что Наполеон через своего посла направил новое требование, по которому Вильгельм, находившийся на лечении в Бад-Эмсе, должен был дать письменное обещание “никогда не покушаться на достоинство Франции”. Понимая, что Наполеон провоцирует военный конфликт, Вильгельм отказал французскому послу в аудиенции.

В Берлине же граф Бисмарк, которого король уведомил обо всем этом постфактум, тут же передал эмскую депешу короля в прессу. Опубликованная в газетах, эта депеша, в которой сообщалось, что король отказал в приеме послу Франции, вызвала, как Бисмарк, видимо, и рассчитывал, бешенство в Париже, и большинство французских депутатов проголосовало за войну против Пруссии.

Таким образом, война, о которой Бисмарк писал моей супруге еще в мае, сегодня объявлена. Настоящая же причина войны лежит, конечно, не в противоборстве амбиций французского и прусского двора, а в том, что Франция стала последней помехою на пути осуществления идеала Бисмарка об объединении всех земель, “где звучит немецкая речь”.

После Дании и Австрии это третья «национально -

освободительная война» в правлении канцлера Бисмарка. Вину за нее он сумел переложить на Францию.

...

Князь Николай Орлов,Брюссель, 19 июля 1870».

3

...

Из хроники исторических событий

12 июля 1870 года в Париже состоялся императорский совет. Военный министр доложил императору: «Мы готовы, мы архиготовы, в нашей армии всё в порядке, вплоть до последней пуговицы на гетрах у последнего солдата».

14 июля, в день национального праздника во Франции, «эмская депеша» была опубликована в берлинских газетах.

15 июля она стала известна в Париже, и толпы народа высыпали на улицы с лозунгами: «Да здравствует война! На Берлин!».

19 июля 1870 года правительство Луи-Наполеона объявило Пруссии войну.

4

«31 июля 1870 года в 5.30 часов вечера, канцлер, причастившись за несколько дней перед тем у себя на дому, на Вильгельмштрассе, отправился, в сопровождении своей супруги и дочери, графини Марии, на железнодорожный вокзал, чтобы затем с королем Вильгельмом через Майнц посетить театр военных действий. Некоторые советники министерства иностранных дел, секретарь-экспедитор центрального бюро, два шиффрера и двое или трое канцелярских служителей получили приказание следовать за ним» (*М. Буш* [5] . « *Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией* » *, С. Петербург, 1879*).

5

«В дороге мы следовали непосредственно за обозом короля. Мы выступали, обыкновенно, в 10 часов утра и делали иногда переходы до шестидесяти километров. Приходя на ночевку, тотчас устраивали бюро, в котором работы всегда было вдоволь, особенно если до нас доходил полевой телеграф, и канцлер посредством него снова делался тем, чем он всегда был в это время – центром цивилизованного европейского мира. Даже там, где мы останавливались всего лишь на ночь, он держал свою свиту до позднего часа, сам неустанно трудясь и почти не отрываясь от работы. Постоянно сновали фельдъегеря, рассыльные приносили и относили письма и телеграммы, и чиновники составляли, по указанию своего начальника, ноты и назначения, канцелярия списывала и регистрировала, шифровала и дешифровала. Со всех сторон света стекался сюда материал из донесений и запросов, газетных статей и т. п.

Почти сверчеловеческая способность канцлера работать, может быть, никогда не была так удивительна, как в это время, и ее неистощимость была тем изумительнее, что израсходованные при такой деятельности силы восстанавливались лишь непродолжительным сном. Министр вставал в походе по-домашнему поздно, обыкновенно около десяти часов, если только давно ожидаемая битва не призывала его перед рассветом к королю и войску. Потом он уже не спал всю ночь и засыпал лишь тогда, когда занималась заря. Часто, еще не одеваясь, начинал он работать, читал депеши, делал при этом свои замечания, просматривал газеты, давал инструкции чиновникам и другим сотрудникам, сам писал или диктовал. Затем надо было принимать визиты, или давать аудиенции, или идти с докладом к королю. Потом снова изучение депеш или карт, корректура заказанных статей, писание программ знаменитым толстым карандашом, сочинение писем, и в промежутках опять прием необходимых визитеров, которые не всегда бывали приятны. Лишь после двух, иногда лишь после трех часов дня канцлер дозволял себе короткий отдых и совершал поездки верхом по окрестностям» (*М. Буш.* « *Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией* »).

6

«16 августа главным пунктом сражения стала деревня Марс-ла-Тур. Пули шасспо сыпались буквально как град. Наш кирасирский полк был почти истреблен, гвардейские драгуны также сильно пострадали. Тем не менее сегодня, когда на нашей стороне был перевес, как вчера на стороне французов, можно было ожидать победы. Мне сообщили, что мой сын Герберт фон Бисмарк был ранен во время генеральной кавалерийской атаки и отвезен в Мореавильский полевой госпиталь. Я отправился на поиски и нашел его, наконец, на одном дворе, на холме, на котором лежало еще значительное число раненых. Заботу о них нес старший врач, не сумевший достать воды и не хотевший воспользоваться для питания своих больных цыплятами и курами, бегавшими по двору. На мой вопрос о причине такой деликатности он сказал, что не имеет на это права. Увещевания словами не помогли. Тогда я пригрозил убить всех кур из револьвера. Потом дал ему 30 франков, чтобы он купил 15 штук. Наконец, я напомнил ему, что я прусский генерал, и просто приказал – тогда он послушался. Но за водой я был принужден идти сам и велел привезти ее в бочках.

Что касается моих сыновей, то, как выяснилось, оба они храбро сражались и во время кавалерийской атаки ринулись вместе с другими под град пуль; старший при этом получил три раны: одну в грудь, другую в часы, а третью в бедро. Младший же успел избежать опасности и при отступлении мощными руками схватил одного своего товарища, раненного в ногу, и вез с собой на лошади верхом, пока не очутился вне выстрелов».

7

«На другое утро в три часа король, я и остальная свита поехали на поле битвы. Уже за Горзом мы заметили следы стычек, ямы, вырытые пулями, убитых лошадей. Они страшно распухли, их ноги были вытянуты кверху, головы лежали на земле. Далее к Мецу поле битвы повышается, и здесь пало особенно много народа… Все поле при Марс-ла-Туре было белым и голубым от павших кирасиров и драгун. Множество наших прусских семейств должны будут наложить на себя траур.

18-го числа немецкая кровь лилась еще больше, но мы удержали победу. Вечером армия Базена была окончательно отброшена в Мец, и пленные офицеры сами сознались мне, что теперь их дело кончено. Мец окончательно окружен нашими войсками.

Я отправил своих лошадей на водопой. Смеркалось. Я был около действующей батареи. Французы молчали. Мы думали, что их артиллерия уже выпрягает лошадей от орудий. Но на самом деле они готовили пушки и митральезы. Вдруг начался страшный огонь, посыпались гранаты и снаряды, раздались непрерывный треск, грохот; свистом и шипеньем наполнился воздух. Мы уже не имели связи с королем, которого Роон попросил удалиться пару часов назад. Я же оставался на батарее и подумал, в случае отступления, сесть на ближайший лафетный ящик. Мы ожидали, что французская инфантерия поддержит залп; тогда они могли бы захватить меня в плен, в особенности если бы наша артиллерия отказалась взять меня с собой. Но залпа не последовало. Между тем привели опять лошадей, и я поехал к королю. На дороге, прямо перед нами, падали гранаты, которые прежде перелетали через нас!

Король должен был ехать дальше, но заявил, что он голоден и хотел бы поесть. Было что пить – имелись вино и прескверный ром, купленные у маркитанта, но еды не было никакой, кроме сухого хлеба. Наконец с трудом достали в деревне две котлеты, как раз только для короля, но ничего для его свиты, так что я принужден был поискать чего-нибудь другого» (*Бисмарк.* « *Воспоминания. Мемуары* »).

8

Из парижского журнала «Revue politique et littéraire»

«В одном из городов Западной Франции, который имел жалкую честь приютить на несколько дней высокопоставленных героев нашествия, пресловутый Бисмарк без всякого конвоя прогуливался по самым отдаленным улицам. При этом он весьма беспечно относился к тому, что изумленный народ указывал на него пальцем и посылал ему проклятия. Какой-то человек, огорченный своими домашними неудачами, обращался к разным лицам с просьбой дать ему на время оружие для одного предприятия, которое наделает много шуму. Но жители этого патриотического города были обезоружены. На следующий день этот человек повесился и его намерение было похоронено вместе с ним. А канцлер в полной форме прогуливался один по пастбищу за чертой города».

9

«Во все время войны канцлер ходил, обыкновенно, в мундире полка тяжелой лендверной кавалерии. Он носил белую шапку и высокие сапоги с раструбами, а во время поездок верхом по полям битв и сторожевым пунктам надевал через плечо ремень, на котором висел черный кожаный футляр с кинжалом; иногда при нем, кроме палаша, был еще револьвер. В отношении помещения он не был требователен и даже там, где можно было бы устроиться с некоторым комфортом, довольствовался самой скромной квартирой… В бытность нашу в Клермонеан-Аргонн, нам отвели помещение в школьном доме; не оказалось кроватей – и канцлеру пришлось приготовить постель на полу…

Он ел – не считая случайных исключений, – в течение суток, собственно, один раз, но зато, подобно Фридриху Великому, очень сытно. Немцы не забывали своего союзного канцлера и снабжали его шпигованными гусями, дичью, благородными сортами рыб, фазанами, плодами, отличным пивом, тонкими винами и многим другим» (*М. Буш.* « *Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией* »).

10

1 сентября, битва при Седане

«…Проехав через Шемери и Шеери – места, знаменитые по вчерашним боям, – мы остановились у подошвы обнаженного холма. Здесь король и его свита – князья, генералы и придворные – сели на лошадей; канцлер последовал их примеру, и все направились на плоскую вершину холма. Отдаленный гул пушек возвестил, что ожидаемая битва уже в полном разгаре. Яркое солнце на безоблачном небе освещало картину – перед нами широкая долина, покрытая зеленью; по лугам змеится голубая река Маас; направо от нас стоят батареи баварцев и усердно посылают свои снаряды в неприятельский город; за ними чернеют колонны войск – впереди пехота, за ней кавалерия. Еще правее поднимается столб черного дыма. Это горит деревня Базейлль. Седан рисуется на горизонте, приблизительно на расстоянии четверти мили от нас; при ясной атмосфере его дома и церкви отчетливо видны. Неподалеку – обломки взорванного моста. А дальше, на горизонте, Арденнские горы, бельгийская граница.

На холмах, прямо за крепостью, находится главная позиция французов. Кажется, наши войска намерены охватить их со всех сторон – они медленно, но безостановочно продвигают вперед линию огня своих орудий.

На нашей горке блестящее общество: король, Бисмарк, Мольтке, Роон, князья, принц Карл, высочества Кобургские и Веймарские, генералы, флигель-адъютанты, русский агент Кутузов, английский Валькер, все в полной форме и с биноклями. Король стоит, а канцлер занял место у полевой межи. По временам вблизи нас раздается также треск и шипение митральез. Я слышал, что король велел сказать, чтобы присутствующие не скучивались вместе; в противном случае французы могли заметить группу из крепости и открыть по нам огонь.

К часу дня линия нашего огня, охватывая большую часть неприятельского расположения, накрыла и высоты на противоположном конце города. Там взвивались белые облака порохового дыма и разорванные, неправильной формы облака от выстрелов шрапнелью. Канцлер сидел на стуле и внимательно изучал какой-то документ. Я спросил его, не хочет ли он закусить. Он отклонил мое предложение. “Я бы не прочь, но и у короля ничего нет с собой”, – пояснил он.

Между часом и двумя король, посмотрев несколько минут в бинокль, сказал: “Они сдвигают большую часть войск влево – мне

кажется, они хотят прорваться там". Вскоре в зрительную трубу стало видно, как левее леса и ущелья французская кавалерия несколько раз начинала атаку. На это наши отвечали беглым огнем. После того как атаки отбили, можно было и невооруженным глазом заметить, что при отступлении французов вся дорога усеяна трупами лошадей и телами в шинелях.

Сцена оживилась еще раз. Сперва в одном, потом в другом месте города показались два огромных белых облака – признак, что в двух местах начался пожар. И Байзелль еще горит – в прозрачном вечернем воздухе там от пожара поднимается громадный столб серого дыма. Красноватое вечернее освещение принимает все более интенсивный багровый цвет. Холмы, поля сражения, овраги, деревни, дома и башни крепости Кореи, разрушенный мост – все залито багровыми отблесками огня…

В четверть шестого баварский генерал Ботмер сообщает королю, что французы желают капитулировать. "Никто не может вести переговоров об этом, кроме меня. Скажите, что парламентер должен явиться ко мне", – говорит король. Баварец спускается обратно в долину. Король беседует с Бисмарком, потом они подходят к кронпринцу, затем к ним присоединяются Мольтке и Роон.

Спустя некоторое время появляется прусский адъютант и рапортует, что потери наши невелики и только небольшой отряд французов проскользнул в лес по направлению к бельгийской границе, остальные отступили в Седан.

"А император?" – спрашивает король.

"Это еще неизвестно", – отвечает офицер.

В шесть часов является новый адъютант и докладывает, что император Луи-Наполеон находится в городе и немедленно пришлет парламентера.

"Однако результат прекрасный! – говорит король, обращаясь к окружающим. – И я благодарю тебя, что и ты этому содействовал", – заявляет он кронпринцу и подает ему руку для поцелуя. Затем король протягивает руку Мольтке, тот тоже целует ее. Под конец подает руку канцлеру, и они некоторое время толкуют о чем-то вдвоем, что, кажется, не совсем нравится некоторым из их высочеств.

В половине седьмого, предшествуемый почетным эскортом из кирасиров, медленно въезжает на гору парламентер от Наполеона, французский генерал Рэйлль. За десять шагов перед королем он спешивается, идет к нему, снимает шапку и передает большой пакет с красной печатью. Генерал – пожилой человек среднего роста, худощавый, в черном сюртуке с аксельбантами и эполетами, в черном жилете, красных штанах и лакированных

ботфортах. В руке у него не шпага, а тросточка. Все отступают на несколько шагов от короля, последний распечатывает письмо, читает и передает Бисмарку, Мольтке, кронпринцу и остальным лицам. Рэйлль стоит поодаль, потом вступает в разговор с прусскими генералами. Кронпринц, Мольтке и герцог Кобургский также вступают в разговор с французским генералом, а король тем временем держал совет с канцлером; последний поручил Гацфельду написать ответ на письмо императора. Через несколько минут письмо было готово. И король переписал его начисто, причем он сидел на стуле, а столом ему служил другой стул, который майор Альтен, стоя перед ним на одном колене, держал на другом.

Около семи часов вечера француз, в сопровождении офицера и трубача-улана с белым парламентерским флагом, отправился назад в Седан. Город горит теперь уже в трех местах и, судя по красному отблеску дыма, в Байзелле тоже еще не прекратился пожар. В остальном седанская трагедия кончилась, и ночь опустила свой занавес. Все начали разъезжаться по домам. Король уехал в Вандресс. Бисмарк и я отправились в деревню Доншери, куда мы прибыли уже ночью и разместились в доме доктора Жанжо…» (*М. Буш.* « *Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией* »).

11

...

Из хроники исторических событий

В битве при Седане французская армия потеряла всех солдат, участвовавших в сражении, и фактически лишилась вооруженных сил. В самом Седане спаслось 82 000 французских солдат. Победа при Седане открыла прусским войскам дорогу на Париж.

12

Дипломатической почтой:
Срочно, специальным курьером

...

ФРАНЦИЯ, ШТАБ ПРУССКОЙ АРМИИ, ГЕНЕРАЛУ ОТТО ФОН БИСМАРКУ

«Моя жена и ее родители покорнейше просят Вас принять меры к защите их имения в Фонтебло, которое лежит на пути Вашей армии к Парижу. Письмо Катарины прилагаю. Преданный Вам князь Орлов,распоряжением императора АлександраВторого временно назначен российскимпосланником в Париже и послом в Лондоне».

13

Франция. Доншери. 2 сентября 1870 г.

Allegretto! Ее тело так трепетало и билось в его руках, как это не снилось ни Шопену, ни даже Бетховену в его 17-й сонате! А ее горловой, с хрипотцой и страстью крик: «Нет! Все! Хватит! Я умираю! Все! Перестань!..»… и ее секущие воздух волосы… и испуганно расширенные озера глаз, выдававшие горячечное помутнение разума… и хватающие воздух губы… – Господи! Да все это вызывало в нем только одно чувство – ликующее напряжение эрекции! Еще! И еще! И еще!!!

Гремели на стыках колеса поезда, яростно гудел паровоз, и жаркое, как паровозная топка, устье ее плоти вдруг мощными кольцами страсти ухватило его так, что от невиданного прежде и даже немыслимого райского наслаждения у него самого пресеклось дыхание и спина вздыбилась мощной аркой, подняв на себе ее легкое и мятущееся тело. Еще! Еще!!! Ну, еще чуть-чуть!..

Но, Боже, что это за стук и чей это голос? Нет, это не колеса поезда, летящего в рай, и это не ее умоляющий крик, а…

«Ранним утром, около шести часов, меня разбудили тяжелые шаги. Я услышал, как Энгель, слуга Бисмарка, постучался к нему и сказал: “Ваше превосходительство, ваше превосходительство! Какой-то французский генерал ждет вас у дверей, я не пойму, что ему нужно”. Потом мне послышалось, что министр быстро поднялся и через окошко обменялся несколькими короткими фразами с французом – это был снова генерал Рейлль. Результат разговора был таков, что министр быстро оделся и, не дожидаясь завтрака, несмотря на то что он не ел ничего со вчерашнего дня, сел на лошадь и быстро ускакал…» (*М. Буш.* « *Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией* »).

14

«Второго сентября утром в шесть часов перед моей квартирой в Доншери появился генерал Рейлль и объявил моему слуге, что французский император желает говорить со мной. Я тотчас оделся и, неумытый, в пыли, как был в старой фуражке и больших смазанных сапогах, поскакал в Седан, где, как полагал, находится Наполеон…»

Гремя стальными подковами, большая рыжая лошадь Бисмарка тяжелым галопом неслась по каменистой дороге, рассекая широкой грудью серый и клочковатый французский туман. А где-то рядом, в разрывах утреннего тумана еще летел его незавершенный сон, его Вайнхаймский поезд в рай, и за окном, мокрым от дождя, его любимая Кэтти, откинувшись на сиденье, металась и трепетала всем своим разгоряченным телом…

«…Я встретил императора во Френуа, за три километра от Доншери, на шоссе. Он ехал в пароконной коляске с тремя офицерами, а трое других сопровождали его верхом. Из них мне были известны только четверо: Рейлль, Костельно, Москова и Вобер. Я взялся за свой револьвер, и глаза императора остановились на нем в течение нескольких секунд. Я поздоровался с ним по-военному, а император снял фуражку; сопровождавшие его офицеры последовали данному им примеру, после этого и я снял шапку, хотя это и противно моему военному регламенту. “Couvrezvous donc”, – сказал он мне. Я обходился с ним так, как если бы он был в Сен-Клу, и спросил не будет ли от него каких приказаний. Наполеон осведомился, может ли он поговорить с королем. Я объяснил, что это неисполнимо в данную минуту, так как его величество имеет квартиру в двух милях отсюда. Мне не хотелось сводить его с королем раньше, чем мы решим с ним вопрос о капитуляции. Затем он спросил, где ему остановиться, и заявил, что не может возвратиться в Седан, где его ждут неприятности. Город полон пьяных солдат, присутствие которых очень тягостно для жителей. Я предложил ему свою квартиру в Доншери. Он согласился на это, но, проехав шагов двести, велел спросить, не может ли он остановиться в домике, который встретился нам тут. Я послал туда моего двоюродного брата, который, между тем, подъехал к нам; когда брат вернулся, я сообщил императору, что там очень бедное помещение. “Это ничего”, – отвечал он.

Видя, что он ходит взад и вперед и не находит, вероятно, лестницы к дому, я подошел и поднялся с ним на первый этаж, и

мы вошли в маленькую комнату в одно окошко. Это была лучшая комната в доме, но и в ней мы нашли лишь простой сосновый стол и пару деревянных стульев.

Здесь у меня был разговор с императором, продолжавшийся около трех четвертей часа. Он сначала жаловался на несчастную войну, которую вовсе не желал, а вынужден был объявить ее под давлением общественного мнения. Я возразил ему, что и у нас никто не желал войны, а всего менее король. Потом разговор перешел на настоящее положение вещей. Он желал прежде всего снисходительных условий капитуляции. Я объяснил ему, что не могу входить в такие переговоры, где выступают на первый план чисто военные вопросы, которые должен решать Мольтке. Затем мы заговорили о мире. Я заметил ему, что мы намерены настаивать на наших требованиях относительно полной капитуляции Седанской армии. Мольтке, которого я известил о случившемся, явился к нам и заявил, что он поддерживает мое мнение; вскоре он отправился к королю передать обо всем происходящем.

Прохаживаясь перед домом, император в разговоре со мной отзывался с похвалой о наших солдатах и их командирах; когда же я, в свою очередь, заявил, что и французы тоже бились храбро, он снова заговорил об условиях капитуляции и спросил не согласимся ли мы запертую в Седане армию переправить за бельгийскую границу, предварительно обезоружив? Я снова сказал, что это вопрос военный и не может быть решен без соглашения с Мольтке.

Между тем отправились искать более удобное помещение для императора, и офицеры генерального штаба нашли, что маленький замок Бельвю, около Френуа, может служить квартирою для него и еще не занят ранеными. Я сказал об этом императору и потом перевел его, в сопровождении почетного эскорта, в Бельвю.

Император настаивал на участии короля в переговорах, рассчитывая на его мягкость и доброту, но он также желал, чтобы и я принял участие в обсуждении дела. Я же думал, что военные – люди более суровые и должны сами решить судьбу переговоров. Относительно короля было сказано пленному, что он увидит его лишь после подписания капитуляции. Дело и было слажено между Мольтке и Вимпфеном [командующим французской армией] почти так, как мы говорили накануне. Затем произошло свидание их величеств. Когда император выходил от короля, я заметил слезы на его глазах. Со мной он был гораздо покойнее и держал себя с большим достоинством».

15

...

Из хроники исторических событий

Пленение Наполеона III стало концом монархии во Франции и началом установления республики. Императрица Евгения бежала из столицы через Ла-Манш, в Великобританию.

Однако наспех созданное республиканским правительством ополчение не могло представлять угрозы для прусских войск, и Леон Гамбетта, военный министр нового правительства, бежал из осажденного Парижа на воздушном шаре.

16

Франция. Меаих. 18 сентября 1870 г.

« Моя дорогая племянница,

посреди всей суеты и дел, которыми я завален, было очень радостно вновь увидеть Ваш почерк и отдаться воспоминаниям о прошлом, которые Вы пробудили во мне. Ваше письмо было долго в дороге, оно нашло меня уже здесь, где со вчерашнего дня располагается штаб-квартира. Я поспешил убедить короля отдать распоряжения, необходимые, чтобы исполнить приказания, которые я с удовольствием получил от Вас. Пусть у меня не получается писать Вам, как следует при такой жизни, которая продолжается вот уже несколько лет, – я постоянно занят, несколько действительно серьезных болезней, – зато мое усердие быть к Вашим услугам все то же. Король тотчас отправил в армию кронпринца, размещенную в окрестностях Фонтенбло, соответствующий приказ.

Я убежден, что этого будет достаточно, чтобы военные власти взяли под защиту вашу матушку. Всякая армия, однако, влечет за собой мародеров, которые пытаются помешать военачальникам быть на страже порядка, и, мошенничая, занимаются реквизицией.

Чтобы оградить Bellefontaine от незаконного наступления последних, было бы разумно обратиться от имени Вашей матушки к первому же немецкому офицеру, о чьем появлении станет известно, и попросить в качестве охраны расквартировать в Bellefontaine "армейских жандармов". Это военная полиция, которая имеет право вешать на месте грабителей и мародеров. Таким образом, приказ об охране попадет к нашим военным двумя путями: от Его Королевского Высочества и через Ваши прекрасные ручки, если Вы передадите в Bellefontaine приложение к моему письму. Я полагаю, будет не лишним отправить для этого специального курьера, поскольку в такой непосредственной близости от Парижа письма вскрывают, и бумагу с моей подписью утаят, да, я хочу сказать, что Bellefontaine ограбят, чтобы сказать « это сделали пруссаки » . Эта война показала нам, что значит французская цивилизация!.. »

Раскурив очередную сигару (во время войны он курил их до пятнадцати штук в день), Бисмарк перечитал свое письмо. Да, он помнит ее слова о том, что она уже другая, что « *сумасшедшая Кэтти теперь стала почтенной матерью семейства, спокойна и благоразумна, и думает только о том, чтобы кормить своего малыша и быть хорошей матерью* ». Он хорошо понял все, что она

хотела сказать этими точно выбранными и взвешенными словами. И он не писал ей с тех пор. Но теперь… «было очень радостно вновь увидеть Ваш почерк и *отдаться воспоминаниям о прошлом, которые Вы пробудили во мне…* ». Конечно, она поймет, что он имеет в виду. Ведь она всегда с ним – и во снах, и наяву – именно так, как обещала когда-то в Биаррице. Разве 7 мая 1866 года не ее крыла спасли его от пяти выстрелов в упор? Разве не она вот уже две войны прикрывает его своими крыльями, когда буквально рядом с ним рвутся гранаты и бомбы и тысячи французских безумцев мечтают и планируют растерзать его?

И хотя он уже давно не пишет ей и ровно тысяча километров лежит между ним и ею, но если душа действительно способна передавать ощущения через расстояния, то тогда не может она не чувствовать по ночам его напряженного зова. И теперь, когда она обратилась к нему с просьбой о спасении Bellefontaine, все, что случилось с ними, и все, что с тех пор было заперто в нем, «железном канцлере», – вдруг воспламенилось в его душе пожаром новых надежд и желаний. Господи, неужели Ты подаришь мне еще одно свиданье с ней?

Во всяком случае, он, Бисмарк, не упустит эту новую живую нить, которая вновь протянулась от нее к нему, он подкормит и подпитает ее, он обяжет их обоих ответить ему!

« *…По-моему, мы очень далеки от мира. С кем нам его заключать? Мы готовимся к тому, чтобы провести во Франции несколько лет, прежде чем дело дойдет до его подписания, хотя на самом деле это будет означать всего лишь перемирие. Потому что, какими бы ни были условия этого мира, даже если мы многократно вернем им их издержки, они никогда не простят нам, что мы так хорошо защищались против их бессмысленного нападения. Было бы крайне глупо с нашей стороны уйти сейчас, не прихватив с собой ключа или ключей от наших ворот, – я имею в виду Страсбург и Мец. Ведь они снова, в двадцатый раз за два столетия, начнут метать копья, как только соберутся с духом и найдут союзников…* »

Теперь Николаю Орлову будет о чем сообщить Горчакову, а Горчакову будет расчет и перспектива понуждать Орловых к переписке с Бисмарком.

« *…Простите мне эти политические замечания и мой неразборчивый почерк, но курьер торопит, а мне так сложно закончить мою беседу с Вами. Целую Ваши руки и прошу простить мне нерегулярность моих посланий. Итак, “pardon ”, и можете и дальше считать меня самым преданным и послушным из всех дядюшек, которыми Вас когда-либо награждала природа или которых Вы сами себе выбирали.*

Ваш, ф. Бисмарк
».

17

«В некоторых французских газетах нас поносят невероятной бранью. А про мою частную жизнь рассказывают неслыханные ужасы: я бью жену плетью; любой знатной девушке из Берлина угрожает опасность очутиться в моем гареме; я запятнан разными обманами, спекулировал на бирже государственными тайнами и т. п. “Для этой постыдной спекуляции общественным доверием Бисмарк стакнулся с господином Блейхредером, еврейским банкиром в Берлине. Алчность Бисмарка собрала, таким образом, колоссальную сумму денег… Между прочим, он влюбился в монахиню дивной красоты, велел увезти ее из монастыря и взял к себе в наложницы. В Берлине насчитывают до пятидесяти незаконных его детей…”.

Можно ли лгать так бесстыдно и вместе с тем так грубо? Какова должна быть публика, у которой можно рассчитывать на доверие к такой лжи?..

Сегодня, когда пошел снег, мне снова пришло в голову – как много общего между галлами и славянами. Те же широкие улицы, те же тесножмущиеся друг к дружке дома, часто те же плоские крыши, как и в России. Недостает только луковицеобразных колоколен. Зато версты и километры, аршины и метры те же самые; а вот еще более разительное сходство – эта наклонность к централизации, к общему единомыслию и, наконец, эти коммунистические черты в народном характере…» (*Из высказываний Бисмарка, по книге М. Буша* « *Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией* »).

18

«Понедельник. 28 сентября. С утра по [указанию Бисмарка] я готовил для различных газет статью по поводу мнения, что Париж с его дорогими коллекциями, художественными постройками и памятниками не должен быть подвергнут бомбардированию. Как бы не так! Париж – крепость; что там собрали художественные сокровища, воздвигли великолепные дворцы, это не уничтожает его характера. Крепость есть военный аппарат, который без всяких рассуждений должен быть сделан безвредным. Если французы не хотели подвергать опасности свои монументы, библиотеки и картинные галереи, то они не должны были обносить его укреплениями. Впрочем, они ни минуты не задумывались бомбардировать Рим, в котором были совсем другие, ничем не заменимые памятники».

«6 октября, Версаль. Ура, мы перед Парижем! Отсюда до него не более полутора миль! Дом, занятый канцлером, принадлежал вдове зажиточного фабриканта сукна, бежавшей незадолго до нашего прихода. Парк позади дома невелик, но очень красив, ему придают большую красоту дорожки, петляющие между обвитыми плющом и барвинком деревьями. В светлые осенние ночи можно видеть высокую фигуру канцлера в белой фуражке, выходящего из чащи при лунном свете и медленно идущего по дорожкам парка. О чем думает он, бессонный человек? Какие мысли кружат в его голове? Какие планы зарождаются у него в тихий полночный час?» (*М. Буш.* « *Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией* »).

19

Брюссель, октябрь

Господи, как душно! Как жарко и душно и как томительно-сладостно задыхаться в его горячих и сильных руках, чувствовать его огромное сильное тело! Боже, какой он большой, мощный, горячий! Этот жар наполняет ей грудь и бедра, аркой вздымает спину и ломит ноги, а сердце скачет галопом и грохочет о ребра. О, это немыслимое блаженство падения в райскую пропасть изнеможения и тотчас, без остановки новый взлет вожделения и жажда нового соития! Нет, не выпускать его, не отделяться от него, а снова и снова сжимать его и упиваться своим ненасытным желанием и своей властью над этим немецким гигантом…

Мокрая и почти бездыханная, она, иссякнув до бессилия, проснулась, наконец, и долго лежала, слушая свое грохочущее сердце и нехотя расставаясь с его сильными мужскими руками и всем его огромным и горячим телом. Если душа действительно способна передавать свои чувства на расстояния, то там, в Версале, он должен, обязан быть с ней в своих снах, он не может не чувствовать ее поцелуев и яростных объятий ее рук и ног! В их общих снах нет между ними никаких расстояний, и, если не открывать глаза, а чуть протянуть руку, то, наверно, вот они рядом – его бедро и его сильное большое плечо.

Но она не будет шевелить ни рукой, ни даже пальцами. Она знает по опыту, что это сон – еще один сон в бесконечной череде ее горячечных женских снов.

Нужно встать. Нужно открыть глаза и встать, проверить детей.

Светлая осенняя ночь стояла в Брюсселе, но добросовестные бельгийские фонарщики все равно зажгли уличные светильники.

Выйдя из ванной, Кэтти, тяжелая от новой беременности, осторожно прошла в детскую. Там мирно спали трехлетний Алексис и полуторагодовалый Владимир.

Устроившись рядом с ними, она достала из кармана халата письмо Бисмарка из Меаих, перечитала его и стала писать:

« *Мой дорогой друг, я не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою благодарность… Вы так добры! Теперь я могу быть спокойна…* »

Перо замерло. Как сказать ему, что она его любит не только и не столько за то, что он такой большой, сильный, горячий? В конце концов, не это главное. Мало ли больших и сильных мужчин в Европе – целые армии! Нет, она полюбила его потому, что угадала, поняла и *почувствовала* его величие еще до того, как

вся Европа назвала его великим, и даже до того, как он стал министром-президентом. Для нее он был велик и без этого. Или нет? Или тогда он был просто интересным, дразнящим и соблазняющим, а вот когда стал министром-президентом, о котором заговорили все газеты, когда стал манипулировать князьями-королями и командовать армиями – вот тогда и случился поезд в Вайнхайм! Не так ли, Кэтти? Пусть недоступно женщинам командовать армиями и перекраивать карты мира, но тем заманчивей и упоительней властвовать властителями мира! Не потому ли все аристократки европейских столиц, через которые прошла армия Наполеона Бонапарта, сами и днем, и ночью рвались в его опочивальню хотя бы на полчаса! Но разве в постели Бонапарт был так же велик, как на полях сражений? Нет, конечно. Зато – пусть тайно, пусть на крошечной территории спальни, пусть всего несколько часов или даже минут, но знать, что он, Великий, – твой, что ты можешь делать с ним все, что твоей душе угодно, можешь заставить его страдать от наслаждения и наслаждаться страданием… Стоп! Она не будет наяву возвращаться к своим снам, тем паче, что и написать о них она не может, а все, что ей теперь дозволено – это быть деловой, спокойной и благоразумной.

« *Вы полагаете, что Париж продержится долго? Со своей стороны я так не думаю. Если у Вас случайно найдется пара минут для Вашей старой знакомой, Вы доставите мне большое удовольствие, если напишете мне несколько строк. Может, это и бестактно просить Вас об этом – “ pardon”, милый дядюшка, – но вы ведь хорошо понимаете, с каким горячим интересом слежу я за ходом событий. Юг Франции уже содрогается?* »

Неожиданный кашель заставляет ее отложить перо. Стараясь подавить его, чтоб не разбудить детей, Кэтти прикладывает платок ко рту, а когда отводит его от губ – на платке кровь.

Встревоженный ее кашлем, входит Орлов, их взгляды встречаются.

– Опять? – спрашивает он. – Идем, я тебя уложу…

Взяв ее под локоть здоровой левой рукой, он помогает ей встать, и она тяжело поднимается с кресла.

– Я в отчаянии от этих бельгийских врачей! – говорит он, ведя ее в спальню. – Но на днях тут проездом будет наша императрица, ее всегда сопровождает доктор Боткин. Он осмотрит тебя…

Вернувшись из спальни в детскую, Орлов поправляет одеяла у спящих сыновей и долго стоит над Кэттиным письмом к Бисмарку. Затем его взгляд останавливается на свежей газете «Moniteur», и он читает:

«Из Версаля Мориц Буш, пресс-атташе Бисмарка, сообщает:

"В начале мы предполагали иметь против себя только Францию, и дело было в таком виде до Седана. Но после 4 сентября перед нами явилась другая сила – общая республика, международный союз безродных мечтателей, стремящихся к учреждению соединенных штатов Европы, к космополитической революции. Французское знамя служит для приверженцев этой категории лишь сборным и соединительным пунктом. Со всех сторон спешат они к нему, чтобы сражаться с нами, как воинами монархии. Поляки, ирландцы, испанцы, итальянцы, даже беглецы из Турции примыкают к французским республиканцам в качестве "братьев". Все, что стремится к мировому перевороту, который должен поглотить все прежние государства, общая космополитическая демагогия, красные, собиравшиеся на конгрессах в Базеле и Женеве, смотрят на современную Францию, как на очаг, от которого должен возгореться этот великий революционный пожар. Даже немецкие демократы различных цветов склоняются перед духом Парижа, видят во Франции мать всех республик и считают немецкие войска ордами варваров с той минуты, как во Франции провозглашена республика.

Но никто не позавидует

Франции за тот почет, который воздают ей эти революционеры по профессии. Никто не назовет ее счастливой за то, что эти разнузданные головы выбрали ее почву для боевого поля, на котором думают осуществить свои мечты. Даже большинство французского народа не может пожелать им победы, потому что это означало бы уничтожение их национальности, гибель их политических и общественных учреждений, крушение веры и церкви и бесконечную революцию с общей анархией, ведущей в конце концов к деспотизму.

Даже газета, которой никак нельзя отказать в республиканском настроении, "New York Tribune", говорит по этому поводу: "Боже, избави нас от желания, чтобы подобная республика установилась в несчастной Франции или где бы то ни было в Европе"».

20

...

Из хроники исторических событий

В полдень 18 января 1871 года король Вильгельм в сопровождении германских монархов, графа Бисмарка, генералов и министров вошёл в Зеркальный Зал Версальского дворца. Канцлер Бисмарк, одетый в белый генеральский мундир кирасиров, с оранжевой лентой «Ордена Чёрного Орла», прочёл следующий текст:

«Мы, Вильгельм, по воле Божьей король Пруссии, на единодушное обращение к нам принцев и свободных городов Германии с просьбой восстановить Империю и императорское достоинство… считаем своим долгом принять императорский венок. В дальнейшем мы и наши преемники будем носить императорский титул во имя благополучия Германского Рейха. Пусть Бог нам поможет быть всегда творцами величия Германии не благодаря военным завоеваниям, но благодаря мирным делам, национальному процветанию, свободе и цивилизации!»

Раздались аплодисменты, крики «Да здравствует император!» и пушечные залпы, грохот которых был слышен даже в Париже.

26 февраля в Версале был

подписан предварительный мирный договор, 1 марта германские войска вошли в Париж.

За время войны Франция потеряла 1835 полевых орудий, 5373 крепостных орудия, более 600 тысяч ружей. Людские потери были огромны: 756 414 солдат (из них почти полмиллиона пленных), 300 000 мирных жителей убитыми.

10 мая во Франкфурте был подписан мирный договор. По нему Франция уступила Германии Эльзас и Лотарингию (1597 тысяч жителей, или 4,3 % своего населения). В этих областях было сосредоточено 20 % всех горно-металлургических запасов Франции. Пять миллиардов франков, которые французы выплатили немцам в качестве контрибуции, стали прочным фундаментом для германской экономики.

Мечта Бисмарка сбылась: на континенте появилась новая мощная держава – Германская империя, территория которой составляла 540 857 км2, население 41 058 000 человек, а армия достигала почти 1 млн солдат.

21

Берлин. 11 мая 1871 г.
Аршинные заголовки берлинских газет:

…

ПОБЕДИТЕЛЬ ФРАНЦИИ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ!
СОЗДАТЕЛЬ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
ВЪЕЗЖАЕТ В БЕРЛИН!
СЛАВА ГЕРОЮ НАЦИИ!

При стечении сотен тысяч людей Бисмарк въехал в Берлин через Бранденбургские ворота, он ехал лишь чуть позади императора и щедро бросил ликующей толпе свой лавровый венок…

За победу над Францией император пожаловал ему княжеский титул и огромное имение Фридрихсруэ на севере Германии рядом с польской границей. Одновременно был создан пост главы исполнительной власти империи – рейхсканцлера, ответственного только перед императором. Этим рейхсканцлером был назначен Бисмарк, ставший де-факто правителем империи.

22

Берлин. 2 июня 1871 г.

« Дорогая Катарина, во время сессии в Рейхстаге у меня есть только минутка свободного времени, чтобы заверить Вас в моей неизменной преданности Вам. Большой привет Николаю. Ваш бедный дядюшка жестоко страдает, скучая по счастливым часам в Биаррице и беспечной жизни, которую нам было позволено вести там и которая так не похожа на здешнюю, шумную и суетную, одолевающую заботами…

…

Всегда Ваш, любимая моя племянница,

ф. Бисмарк

».

23

Биарриц, октябрь 1871 г.

Даже при дневном отливе теплые зеленые волны шумно накатывают на пологий песчаный берег. У самой кромки воды пятилетний Алексис под присмотром бабушки Анны Андреевны строил с братом песчаные замки. А Кэтти… Сидя в шезлонге и – несмотря на теплое солнце – кутаясь в шерстяной плед, Кэтти писала на листе с княжескими вензелями:

« *Дорогой дядюшка, только представьте – вот мы и снова в Биаррице, и в той самой комнате, где познакомились с Вами девять лет назад! Я Вам пишу и слышу, как бьется прибой. Но сколько же всего случилось за это время, как изменилось все! И наш прекрасный Биарриц, который* « *облагородили* » *самым печальным образом!..* »

Господи, что за наказание? Почему Биарриц – единственное, о чем она может писать ему, не боясь почтовых перлюстраций, настырных журналистов и собственного мужа? Почему она, даже болея и увядая, не может спросить его напрямую – а кем и чем была она в его жизни? Да, он великий – теперь это признано всей Европой и даже Америкой и Россией. Он создал германскую империю! Но разве это делает мельче их – пусть даже недолгие – встречи? Разве не говорил он ей, что она ему послана Богом? Но даже об этом она не может ему ни написать, ни напомнить…

« *Представьте себе, что балкона Кэтти больше не существует, что вокруг грота у маяка – высокие перила из камня, и теперь там могут прогуливаться даже самые трусливые! Чудесный грот напрочь лишился своего очарования и поэтичности – по-другому все это и не назовешь… разумеется, мы часто вспоминаем Вас, и наверняка у Вас чешется нос… Вы еще помните ту прогулку по берегу, когда мы так смеялись…* »

Оставив внуков, Анна Андреевна подошла к Кэтти, сказала ревниво:

– Ты снова пишешь ему?

Кэтти подняла голову. Она очень поблекла за прошедшие годы.

– Потому ты и чахнешь, – сказала Анна Андреевна. – Рожаешь от мужа, а любишь…

– Maman, per favore, оставьте меня в покое.

Обиженно поджав губы, Анна Андреевна ушла к мальчикам.

24

Варцин. имение Бисмарка

Исполнив цель своей жизни, рейхсканцлер Отто фон Бисмарк отяжелел и стал надолго уезжать из Берлина в свою родную Померанию, в Варцин. Оттуда, из скромного северного шале в старогерманском стиле со старыми печами в каждой комнате, усталый и располневший, он нехотя руководил созданной им империей или бродил по сосновому бору в сопровождении двух огромных догов. Рутина внутригосударственных забот была ему скучна, и он часами сидел с этими псами на веранде, увитой ползучим плющом и уставленной садовыми инструментами, пыхтел своей трубкой и смотрел на краснеющие в октябре померанские сосны.

Иоганна пришла, села рядом.

– О чем ты думаешь?

– Да так… Ни о чем…

– Неправда. Я же вижу. На тебе лица нет.

Он вздохнул – глубоко и тяжко.

– Я виноват… Я виноват перед всеми…

– В чем?

– Из-за меня погибло восемьдесят тысяч немцев, сотни тысяч французов, датчан, австрийцев. А зачем? Эти деревья были такими же до империи и будут такими после…

Она усмехнулась:

– Ты стал мизантропом, – и сунула руку в карман передника, достала красивый плотный конверт. – Я тебя обрадую. Письмо от твоей Кэтти. Открыть?

– Читай…

Тяжелым садовым ножом она вскрыла конверт, развернула бумагу с княжескими вензелями.

– Читать самой?

– Да. Читай…

– Ладно. «Дорогой дядюшка, только представьте – вот мы и снова в Биаррице, и в той самой комнате, где познакомились с Вами девять лет назад! Я вам пишу и слышу, как бьется прибой. Но сколько же всего случилось за это время, как изменилось все!..»

Оторвавшись от письма, Иоганна взглянула на мужа.

Он сидел, по-прежнему не шевелясь, по его щекам текли слезы.

– Что с тобой?

– Ничего… – тихо ответил он.

– Но ты же плачешь…

Он молчал.

– Знаешь что, дорогой? – сказала она решительно. – Раз так, поезжай к ней в Биарриц. Я тебя отпускаю.

Он усмехнулся:

– Не могу. При заключении мира с Францией я забыл выговорить для себя право приезжать в Биарриц без того, чтобы не быть утопленным тамошними французами.

Иоганна покачала головой:

– Бедная Франция! Только потому, что Кэтти не приехала в тот раз в Биарриц, ты устроил бомбардировку Парижа! Шерше ля фам!

– Не говори ерунды…

25

Берлин. 10 ноября

« Моя дорогая племянница! Ваше письмо разбудило во мне тоску по Биаррицу, по свободе, по былым временам. Каждый раз, направляясь в Рейхстаг или обсуждая вопросы, которые интересны мне лишь постольку-поскольку, с людьми, которые мне неинтересны вовсе, я, невзирая на опасность предаться отвлеченным размышлениям, думаю о жизни, которая была у нас на том побережье. Это побережье дорого мне воспоминаниями о прошлом. Если Вы читаете прессу, то Вас, как и меня, позабавит тот факт, что уже долгое время в мое пребывание в Биаррице вкладывают политический смысл: "Зачем г. фон Бисмарку было приезжать сюда, если ему нечего было сказать Наполеону?". Вы-то знаете, что политика – уж на что она вкрадывается везде и всюду – совершенно вылетала у меня из головы на "Утесе Чаек" или в гроте. Только в 1865 году я впервые повстречал в Биаррице императора, и даже он тогда упорно отказывался портить свежий морской бриз нашими разговорами о политике.

25 декабря

Вот уже 6–7 недель все собирался Вам написать и не продвинулся далеко в своем намерении, поэтому в первый же день, возобновляя свое знакомство с чернильницей, снова берусь за письмо. Я почти разучился писать. Между тем моя бедная супруга так разболелась, что первые недели я очень волновался, она и сейчас еще не должна выходить на улицу… У нас с женой было странное занятие – ухаживать друг за другом, где каждый попеременно играл роль то больного, то сиделки, смотря по тому, шел ли он на поправку или же начинался рецидив. Все это очень добродетельно, но не очень весело. Ничего не поделаешь, приближается старость. С грустью, но без особой горечи чувствую, что потихоньку разваливаюсь. Я устал, земная жизнь еще не кончилась, но уже начинаешь ценить всю прелесть и блаженство покоя. Я бы с удовольствием ушел со сцены и переместился в ложу со зрителями. Но вряд ли мне разрешат поступить так, даже если публика, которую я подчас не без успеха развлекал, начнет зевать. Король слишком стар для того, чтобы изменить что-то. Значит, моя отставка заказана, надо продолжать служить моему старому государю – слава Богу, он чувствует себя превосходно. Его Величество подарили мне прекрасное имение, совсем в моем вкусе: вокруг очень красивый лес, в котором полно дичи, и всего лишь в получасе езды на поезде от Гамбурга.

Милая Кэтти, я очень прошу Вас простить мне все эти нездоровые размышления. Оставляю их, чтобы рассказать Вам, как радостно мне было повидать Николая, который отбыл в Петербург в полном здравии и должен был оттуда известить Вас телеграммой о своем прибытии. С величайшим участием выслушал я рассказ о Ваших детях, о страдании, через которое Господь испытывал Ваше материнское сердце; и о том, что с сыном, моим внучатым племянником, все обстоит благополучно.
Поверьте, среди Ваших друзей нет более преданного Вам друга, чем дядюшка из Биаррица и Pic du Midi,

…

ф. Бисмарк
».

26

Понтайяк. Нормандия, сентябрь 1875 г.

На курортном берегу Ла-Манша два подросших мальчика – Алексис и Владимир, теперь им 7 и 5 лет – играют с рослым британским догом, бросая ему щепки в воду.

Их отец, сорокавосьмилетний и неожиданно резко постаревший генерал-лейтенант князь Николай Алексеевич Орлов, ныне российский посол во Франции, на гостиничной веранде пишет письмо Бисмарку:

«Много раз я хотел написать Вам, мой дорогой друг, но не было сил. Та приязнь, которую Вы питали к Катарине, дает мне теперь мужество поговорить с Вами о ее последних минутах. С 1871 года, а это значит с тех пор, как умерла наша доченька, здоровье Катарины все ухудшалось. Ее анемия все обострялась. Парижские врачи не смогли помочь. Когда в Париже проездом была русская Императрица, Катарину осмотрел доктор Боткин и установил у нее блуждающую почку. Он предписал Санкт-Моритц для начала и Шлангенбад – на потом. Но в Санкт-Моритце внезапно началась уремия. Ее смерть была покойной, хотя ей исполнилось всего тридцать пять. Было бы слишком тяжело описывать пустоту, окружающую меня. Это пройдет. Но память и пустота останутся. Когда я слышу шум моря, которое она так любила, мне хочется пойти на утес, когда я вижу, как свет играет на волнах, я нестерпимо чувствую, что должен поспешить к ней и позвать ее с собой.

Мне надо возвращаться к будням….

Я заканчиваю свое грустное письмо, обнимаю Вас и прошу – молитесь о той, которая в сердце своем носила искреннюю и чистую любовь к Вам.

…

Ваш друг, Н. Орлов».

27

…

«Переустройство европейских границ железом и кровью опустошило душу Бисмарка… Окончательно же его сразило известие о кончине Кэтти. В печальном послании Николаю Орлову рейхсканцлер в самых мрачных тонах описал свое состояние: он не мог ни ездить верхом, ни работать, ни просто ходить – большую часть лета он провел в постели. Почти год он никого не принимал, не отвечал на письма, перестал бывать при дворе… Враги с нетерпением ждали агонии. Однако он выстоял, ему понадобились долгие семь лет, чтобы смириться с потерей Орловой. Лишь нечеловеческим напряжением сил, спартанской диетой и изматывающими упражнениями он отвоевал у смерти еще пятнадцать лет…» (Сергей Козлов. Ж-л « Чудеса и приключения », 2000 г.).

28

Письмо князя Орлова Императору Александру II

«Сир, Швайниц [посол Германии в Санкт-Петербурге] только что вручил мне письмо Бисмарка с приглашением посетить его. Я прошу Ваше Величество не обсуждать его ни с кем и позволить мне принять это приглашение. В середине сентября по новому стилю я как раз должен закончить свои поездки в Копенгаген и Югенхайм [замок Хайлигенберг в Югенхайме – частое место летнего отдыха Александра II и Его Семьи] и еще буду в отпуске. Даете ли Вы мне свободу говорить с ним о политике или же наша беседа должна оставаться в рамках частных дел? Этот вопрос справедлив в том случае, если Вы разрешаете мне навещать его. Мне представляется затруднительным отказываться от его приглашения. Я буду крайне признателен, если Ваши распоряжения будут доставлены в Стрельну, куда я приглашен на обед к Великой Княгине и где пробуду несколько дней.

...

Остаюсь преданный Вам, Орлов.Санкт-Петербург,27 августа 1879 г.».

Ответ Александра II. написанный им карандашом на том же письме

«Вы можете видеть его и разговаривать с ним о политике с тем, чтобы затем докладывать мне. В политике моя позиция не изменилась, я твердо убежден в том, что наши страны призваны к тому, чтобы жить в добром согласии, но нельзя при этом издеваться над нами, любым образом поддерживая Австрию в тех вопросах, которые совершенно не интересны Германии, но крайне важны для нас, как, например, в отношении с Турцией».

29

Германия. 30 сентября 1879 г.

Дневной поезд-экспресс Берлин – Гамбург катил сквозь первый снегопад по Саксонскому лесу. Такие густые, дремучие и, можно сказать, былинные леса сохранились еще кое-где и в России – скажем, Разбойный бор на Вятке, где в свое время Петр I заготавливал корабельные сосны для своего военного флота. Но здесь, в Северной Саксонии, могучие сосны высотой в сотню человеческих ростов и годные на мачты океанских судов шли за окном поезда сплошняком больше часа. И, сидя в вагоне, пятидесятилетний, но после смерти жены резко постаревший князь Николай Орлов невольно сравнивал их с Бисмарком и думал, насколько эти леса соответствуют его манерам и характеру. Но зачем рейхсканцлер, единоличный практически властитель Второго Рейха, диктующий свою волю чуть ли не всей Европе, пригласил его именно сюда, во Фридрихсруэ? Да, русская миссия в Берлине уже многократно сообщала Горчакову, а Горчаков, соответственно, рассказывал Орлову, что с 1875 года Бисмарк подчас на месяцы уезжает из Берлина в свои имения в Варцине или Фридрихсруэ, неделями не принимает там никого и руководит своей канцелярией только с помощью курьеров и телеграфа. Больше того, точно известно, что по поводу своей глубокой депрессии, тучности и связанных с этим болезней он обратился к берлинскому профессору Эрнсту Швенингеру, который лечит его совершенно невероятной диетой – водой и селедкой…

Появившийся в вагоне кондуктор прервал мысли Орлова, и князь остановил его:

– Пожалуйста, герр кондуктор, предупредите меня, когда будет Фридрихсруэ.

– Это экспресс, – ответил тот. – Мы не останавливаемся во Фридрихсруэ.

– Но у меня приглашение от князя Бисмарка.

Сидевшие рядом пассажиры изумленно повернулись к Орлову.

– От Бисмарка?! – удивился кондуктор. – Этого не может быть. Рейхсканцлер никого не принимает.

Князь Орлов достал из кармана письмо и протянул кондуктору. Тот прочел и тут же разительно изменился:

– Извините, князь. Конечно, мы остановимся. Просто вы должны были в Берлине показать это приглашение начальнику станции. Сейчас скажу машинисту…

И он поспешно ушел вперед, к головному вагону.

30

…

«Поезд-экспресс Берлин – Гамбург – один из быстрейших в Европе, он не останавливается во Фридрихсруэ. Но с тех пор, как тут поселился Бисмарк, он вынужден делать остановку на этой крошечной сельской станции, когда кто-то приезжает к князю. Однако эта привилегия распространяется только на тех посетителей, кто может на станции отправления предъявить начальнику станции личное приглашение рейхсканцлера.

…Когда перед станцией поезд начинает снижать скорость, множество голов высовывается из окон посмотреть, кто же удостоился привилегии посетить Великого Германского Отшельника» (S. Witman. « Воспоминания о Бисмарке »).

Миновав указатель «Friedrichsruh», поезд остановился, и на перроне Орлов увидел все того же Энгеля, слугу Бисмарка, с которым тот был в Биаррице и который приносил им в грот каштаны, мидии и прочую снедь и вкуснятину. Энгель, прошедший с князем три войны, тоже ссутулился и постарел. Выйдя из вагона, Орлов подал ему свой сак, и оба направились к карете. Невдалеке, сквозь прореженный осенью лес, белело двухэтажное шале…

31

…

«Особняк во Фридрихсруэ был даже уродливей, чем в Варцине. Первозданный замок давно исчез, его место заняла гостиница для заезжих на выходные из Гамбурга. Бисмарк даже не удосужился убрать номера с гостиничных комнат. Он не провел сюда электричество и обходился керосиновыми лампами» (W. Richter. « Бисмарк »).

В камине, громко потрескивая, горели дрова. На полу у камина лежал огромный мастиф. Над ним, в кресле, вытянув ноги в «русских», гамбургского производства, фетровых валенках с кожаной отделкой и положив их на спину мастифу, сидел, держа тяжелую трость, постаревший Бисмарк в черных суконных брюках, серо-зеленой охотничьей куртке и кремовом шарфе, дважды обернутом вокруг шеи.

Рядом в таком же тяжелом кресле сидел Николай Орлов.

Слуга, опорожнив одну темную бутыль, теперь разливал в их кубки вторую. Но ни тот, ни другой не были пьяны. Просто откровенны:

– Смерть Кэтти сразила меня, – медленно и негромко говорил Бисмарк, глядя в огонь камина. – Это как погас солнечный луч, в котором ощущалось присутствие Бога…

– Ее смерть была покойной… – произнес Орлов, тоже глядя в огонь.

– Это был Божий дар, который дал мне силы на создание империи.

– Бог уберег меня от отчаяния, но сердце мое разбито…

Оба они – как два старика, которые говорят каждый о своем, не слыша друг друга, но видя одно и то же – как их возлюбленная Кэтти бежит к морю по солнечному пляжу в Биаррице, как врывается она в зеленую волну и как тысячи солнечных брызг взлетают в воздух вокруг нее…

– Когда я завершил создание Германии, Он забрал ее…

– Каждое мгновение я ловлю себя на мысли, что хочу пойти искать ее или написать ей…

– И я стал отдаляться от Него… Нет, я читаю Библию, но…

Бисмарк замолкает. Долгая пауза. Затем, словно очнувшись или вернувшись мыслями из прошлого, он говорит:

– Спасибо, мой друг, что вы вспомнили обо мне… Я думаю, что за пределами вашей страны не найдется больше другого государственного деятеля, который бы думал по-русски больше, чем я… И на конгрессе семьдесят восьмого года не было ни одного «русского предложения», даже по самым важным вопросам, которое бы я не провел. И всё – исключительно благодаря моему личному влиянию и личным стараниям…

Медленным, очень медленным жестом он лезет в карман и достает луковичные часы с агатовым брелоком, до блеска вытертым за семнадцать лет, прошедшие с сентября 1862 года. Но гравировка «Kathi» видна на нем, как прежде.

32

...

«В 1891 году Эдуард фон Кайзерлинг [Keyserling, немецкий писатель] провел несколько недель во Фридрихсруэ. Он посоветовал Бисмарку воспитывать в себе «гармоничную личность». Бисмарк ответил: «С чего это я должен быть гармоничным?» Оба заговорили о религии. Бисмарк признался, что «в баталиях последних десятилетий я отдалился от Бога». Некоторые могут увидеть в этом его сомнения относительно моральности его политических действий. Но это большая ошибка. Религиозность Бисмарка была больше пиететна, чем этична. На самом деле личная жизнь, а не какие-то политические поступки отдалили его от Бога. И он весьма курьезно объяснил это Кайзерлингу. Он сказал, что удалился от Бога, когда сникли его эротические чувства. И в этом весь Бисмарк. Он призывал Бога помочь ему избегать красивых женщин и быть респектабельным женатым мужчиной. Когда же его вожделения утихли – возможно, со смертью Кэтти Орловой – он больше не нуждался в Боге и удалился от Него» (A. J. P. Taylor. « Bismarck. The Man and the Statesman »).

33

Плачь, старик! Плачь, восьмидесятилетний отшельник, князь, владелец огромных лесов и поместий в Северной Померании, создатель великой Германской империи! По чему ты плачешь?

«Чем меньше у меня эрекции, тем дальше я отхожу от Бога», не то пошутил ты, не то признался. Но даже если это всего лишь твоя очередная шутка, то все равно – в каждой шутке есть только доля шутки.

И хотя во всех своих мелких повседневных делах и крупных исторических свершениях ты всегда говорил, что ты все делаешь «с помощью Божьей», но сам-то ты хорошо знал, что никакой помощи ты от Него не ждал, а поступал токмо и едино своим умом и своим расчетом. Да, ты любил свою жену Иоганну – кто же спорит? Ведь ты сам ее выбрал. Однако *Божьим* даром – единственным воистину Божьим даром – была для тебя Кэтти Орлова. Big man have a big heart. Но именно ее ты недолюбил и не осчастливил как раз в ту пору, когда Господь дал тебе самую полную, Роденовскую эрекцию.

Так по чему же ты плачешь теперь, на склоне лет своих, когда под окнами твоего замка во Фридрихсруэ пляшут и поют в честь твоего восьмидесятилетия тысячи юных студенток из всех университетов Германской империи? Да, они прикатили сюда со всех концов страны, созданной для них твоим гением, чтобы восславить тебя, почтить и позабавить своими танцами, и у них такие же точеные фигурки, как у твоей незабвенной Кэтти Орловой. Но ты уже не согнешь ни одну из них, не переломишь и не вкусишь их медовую сладость…

Но почему? ПОЧЕМУ? С какого такого расчета Господь отнял у тебя мужскую силу и юношескую пылкость и прыть? И, вообще, с какого такого Его расчета ты должен уходить из этой земной жизни? И почему даже для самых великих, даже для величайших Он не делает исключений? Почему даже Моисея не пустил Он в землю Обетованную, текущую молоком и медом? И Бисмарку – этому величайшему характеру XIX века, этому немецкому Моисею – не подарил Он еще хотя бы одну Кэтти Орлову?

А тогда на хрена теперь ему, восьмидесятилетнему, вся эта империя, ради которой 30 лет назад он отступился от Божественного дара, от Кэтти Орловой? Разве он, Бисмарк! не мог увести ее от мужа – насовсем увести, открыто, оставив и свою жену, и канцлерство?

Нет, не мог, конечно…

Так по чему же ты плачешь, Отто фон Бисмарк? Почему,

тяжело опираясь на трость, поднимаешь свое дряхлеющее тело и в сопровождении двух огромных мастифов уходишь вглубь своего леса к нескольким высоким дубам, под которыми – ты уже позаботился – будет твой склеп и твоя могила? И зачем в своем завещании ты распорядился из всех твоих бесчисленных орденов и наград положить с тобой в гроб только агатовый брелок с надписью «Kathi» и портсигар с веточкой оливкового дерева, которую она подарила тебе под виадуком Понт дю Гар? Неужели ты веришь, что Там, в Том мире, ты покажешь ей эти сувениры, как доказательство твоей Любви и Верности? И – что? И вы вдвоем будете Там плакать над ними? А что скажет Иоганна? И что думать по этому поводу вашим с Иоганной правнукам?

Big man have a big heart…

Нет, ты не хочешь умирать, старик! Никто не хочет умирать!

Да, вчера, в ответ на тост и пожелания еще восьмидесяти счастливых лет, ты сказал, что в жизни каждого мужчины самые счастливые – это первые восемьдесят лет, а теперь, ты сам сказал, самым счастливым днем твоей жизни станет день, когда ты не проснешься. Но это только красивые слова, старик! Даже лежа на смертном одре ты скажешь заранее, наверное, заготовленный экспромт: «Я умираю, но в интересах Германии это невозможно».

И белые крылья Кэтти, широкие, как у аиста, будут в этот миг над тобой…

…

Княгиня Екатерина Николаевна Орлова-Трубецкая умерла 22 июля 1875 года.

Князь Николай Алексеевич Орлов скончался 29 марта 1885 года. Оба похоронены в Самуа, Франция.

Отто Эдуард Леопольд Карл-Вильгельм-Фердинанд герцог фон Лауэнбург князь фон Бисмарк унд Шёнхаузен, первый канцлер Германской империи, прозванный « Железным канцлером » , умер 30 июля 1898 года в возрасте 83 лет. Похоронен во Фридрихсруэ, Германия. Согласно его завещанию, из всех его многочисленных

орденов и наград в гроб вместе с ним положили только агатовый брелок с надписью « Kathi » и портсигар, в котором он хранил ветку оливкового дерева из окрестностей Понт-дю-Гар.

Постскриптум

В сентябре 2012 года, дописав роман, автор этих строк с небольшой киногруппой проехал по описанным местам – Биарриц, Фонтенбло, Париж, Берлин, Фридрихсруэ. В Берлине мы встречались с Гансом Фридрихом фон Плёцом, бывшим послом Германии в России, чей прадед был депутатом Прусского ландтага и которому Бисмарк подарил свой портрет. На фоне этого портрета мы взяли у господина фон Плёца киноинтервью, в котором он сказал:

«Я думаю, что эта история может быть рассказана. Поскольку, если нынче на улице вы спросите о ней молодых людей, они скажут: «Неужели?» И потому эта история делает Бисмарка более человечным. А, во-вторых, это важный факт его жизни, он имел большое влияние на него».

Кроме господина фон Плёца мы встречались с парижанином князем Александром Трубецким, и вот что сообщил нам князь: «Отец Екатерины Трубецкой жил во Франции в Самуа, активно занимался благотворительностью и там похоронен. Он принял католицизм. Екатерина Трубецкая действительно изменяла своему мужу графу Орлову (в то время послу) с Бисмарком, который поддерживал с ней отношения, чтобы попытаться получить конфиденциальные сведения о российской дипломатии. Французы называют это «постельной дипломатией». Сведения о Трубецкой и этой истории можно найти в путеводителе Michelin, посвященном региону Фонтенбло (город Самуа находится недалеко)».

Ну, что касается «постельной дипломатии», с помощью которой Бисмарк якобы «пытался получить конфиденциальные сведения о российской дипломатии» у двадцатидвухлетней Кэтти, то я готов поспорить на эту тему с кем угодно, даже с профессиональными историками и биографами Бисмарка. Впрочем, думаю, достаточно прочесть мой роман…

Но постскриптум я пишу вовсе не для исторических дебатов. А хочу сказать, что спустя ровно 150 лет с начала романа Отто фон Бисмарка с Кэтти Орловой-Трубецкой мы начали свое путешествие по местам этого романа тоже с Биаррица – действительно райского места, волшебного и романтического. И в первый же день увидели на берегу белых аистов, а еще – как современная «Кэтти», юная и пленительная, с разбегу вбегает в изумрудно-пенные волны и как тысячи брызг, сияя на солнце, взлетают в воздух вокруг нее.

А когда оглянулись на гуляющих по променаду курортников,

то вдруг там, вдалеке, на rue Gardere, заметили спускающегося к берегу высокого старика в широкополой соломенной шляпе.

«Господи! – подумал я. – Да ведь они оба здесь, в Биаррице!»

А, впрочем, где же им еще быть?

...

США-Россия, 2000–2012 гг.

Приложение

Секретное донесение князя Орлова императору Александру II

Франкфурт. 1 октября 1879 г.

«Сир, в этом отчете я хочу дополнить краткие, но весьма точные выводы, которые уже были отправлены господину фон Гирсу [Карл фон Гире – секретарь князя Горчакова в Министерстве иностранных дел] моим коллегой и другом в Берлине [имеется в виду посол в Берлине Сабуров П.А.].

Я нашел Бисмарка заметно постаревшим и сильно уставшим после лечения в Гаштейне (Gastein), где он не переставал работать и занимался серьезными вопросами. Но несмотря на это, дух его все так же деятелен и силен, речи, как и раньше, ясные и энергичные. Он сразу же перешел к политике. Ниже – самые важные пункты нашей беседы, сохранившиеся у меня в памяти:

1. Конфликт между двумя канцлерами исчерпан. Бисмарк поручил мне передать князю Горчакову дружеские приветы с заверением, что полемика в прессе, которая, как уверяет немецкий канцлер, его совершенно не интересует, никогда не повлияет на его уважение и симпатии к нашему канцлеру.

2. Бисмарк признает, что его мучает “кошмар коалиции”. Вот его слова: “Великие державы нашей эпохи похожи на путешественников, незнакомых друг с другом и волею случая оказавшихся в одном вагоне: они наблюдают друг за другом, и когда один тянется рукой к своему карману, другой уже взводит свой револьвер, чтобы успеть выстрелить первым”. Здесь я не мог не заметить, что попутчик, возможно, хотел всего-навсего достать из кармана платок и что подозрение с равным успехом, как и неосмотрительность и неосторожность, может привести к ошибке.

3. С таким недоверием и склонностью к подозрениям Бисмарк расценивает сосредоточение и расквартирование нашей кавалерии в Польше как умысел и не сильно дружелюбное намерение. Прусский генеральный штаб видит в этом дамоклов меч, нависший над теми провинциями, которые обеспечивают Германии бóльшую часть пополнения конского состава (возможно, имеется в виду, что снабжают их ремонтными лошадьми. – Прим. мое). Кайзеру Вильгельму и его канцлеру было предложено перебросить из центральных областей Германии в Восточную и Западную Пруссию 20 кавалерийских полков; Бисмарк пояснил, что пока этот план отложен, поскольку такое решение означало бы “противопоставить недостатку гарантий (любезностей) угрозу”. Я спросил его, почему его так

беспокоит передислоцирование наших войск, ведь наша кавалерия всего только снова занимает те же квартиры, в которых она квартировалась до войны. Он признал, что резкие и горячие статьи в нашей прессе внушили немецкому штабу опасения, которые раньше воспринимались как ребячество.

4. Бисмарк уверял меня, что в августе он получил от господина Ваддингтона (французский министр-президент и министр иностранных дел) известие о том, что уполномоченные, но неофициальные лица зондировали позицию французского правительства касательно заключения русско-французского союза. Я заметил, что, на мой взгляд, история совершенно неправдоподобна, но я уточню все по своему возвращению в Париж. В любом случае, поведение господина Ваддингтона доказывает, что он не только англичанин по происхождению и во вкусах, но и пруссак в своих опасениях. Бисмарк также заговорил со мной о нашем якобы влиянии на французскую прессу. Его агенты заверили его, что “L’Estafette” и “La France” – мои наемники. В последней публикуются иногда петербургские письма, которые написаны женщиной, и чье происхождение известно Бисмарку так же хорошо, как и мне, и которые едва ли его беспокоят. Но “L’Estafette” – это газета, выпускаемая на деньги принца Наполеона. Я посоветовал Бисмарку держать ухо востро со своими тайными агентами, которые так же, как и наши, большей частью – поляки, и любят валить все в одну кучу, а информация почти всегда оказывается неточной.

5. Немецкий канцлер поручился мне, что был против визита своего суверена в Александрово, но по большому счету он кажется вполне удовлетворенным его результатами. Я спросил его, смеясь, не ездил ли он в Вену, чтобы заключить там против нас наступательно-оборонительный союз; Бисмарк ответил, что он отправился туда, чтобы, напротив, отговорить Австрию от какого бы то ни было враждебного по отношению к нам намерения, но что он нашел Франца Иосифа весьма дружелюбно настроенным по отношению к России. Государь настойчиво опровергал все слухи относительно его так называемого альянса с западными державами. Бисмарком и Андраши был подписан тайный протокол. В нем содержатся взаимные обязательства обеих держав не принимать участия ни в каких действиях против нас в случае, если между нами и странами, подписавшими Берлинский трактат, возникнут разногласия. Таким образом, это вопрос дипломатии – преодолевать трудности, которые постоянно возникают в результате выполнения трактата.

6. В конце нашей беседы я спросил, что будет дальше с Союзом трех императоров. Бисмарк ответил, что, несмотря ни на что,

Союз продолжает существовать между Вашим Величеством и кайзером Вильгельмом; и что император Франц Иосиф не желает большего, чем установление доброго согласия между тремя Дворами.

В завершении Бисмарк дал мне понять, что король часто ведет себя с ним жестко (иногда грубо) и что он сам в свете своего пошатнувшегося здоровья вскоре, наверное, сложит с себя полномочия. Слово “отставка” он, однако, не употреблял; но он говорил о длительной передышке. Когда Бисмарк услышал, что в феврале будущего года я уполномочен прибыть в Санкт-Петербург, он пригласил меня навестить его зимой в его имении, где он намеревается провести всю зиму. Он еще раз повторил, как предан он Вашему Величеству, хотя и боится, что его враги очернили его в Ваших глазах. По моему личному мнению, его поведение было замечательным. Он принял меня как старого друга и, вероятно, зная о том, что я буду докладывать о своем визите Вашему Величеству, не передавал мне тем не менее никаких других сведений. По этой причине, Сир, я повергаю к Вашим стопам настоятельную просьбу не передавать это письмо далее в государственный архив, но изволить сохранить его в тайне.

...

Остаюсь, Сир, преданный Вам Орлов».

Избранная библиография

Эмиль Людвиг. «Бисмарк».
Алан Палмер. «Бисмарк».
Отто фон Бисмарк. «Воспоминания. Мемуары».
Nikolai Orloff (внук). «Bismark und Fürstin Katharina Orloff».
Sidnay Witman. «Personal Reminiscences of Prince Bismarck».
Louis L. Snyder. «The Blood and Iron Chancellor».
Karl Friedrich Nowak. «Kaiser and Chancellor».
Michael Balfour. «The Kaiser and his Times».
W.M. Simon. «Germany in the age of Bismarck».
C. Grant Robertson. «Bismarck».
A.J.P. Taylor. «Bismarck. The Man and the Statesman».
Moritz Busch. «Граф Бисмарк и его люди во время войны с Францией».
Борис Тененбаум. «Отто фон Бисмарк и его Второй Рейх».
Андроник Степанович. «Характеристика графа Бисмарка и его политическая деятельность».
Иван Можайский. «Легенда о железном кольце князя Бисмарка».
«Шутки, остроты и bons mots князя Бисмарка».
Евгений Утин. «Вильгельм и Бисмарк».
Леонид Слонимский. «Князь Бисмарк».
Алексей Дживилегов. «Бисмарк и Лассаль».
Erich Eyck. «Государственный деятель Германии Отто фон Бисмарк».
Эмилия Пименова. «Железный канцлер Бисмарк – творец Германии».
И др.

...

Выражаю свою признательность Станиславу Градову, чей энтузиазм подвиг меня на завершение это романа, который десять лет пролежал в набросках и черновиках.

Отдельная благодарность Ирине N., которая перевела для меня книгу Nikolai Orloff «Bismarck und Katarina Orloff».

Премного благодарен моему

новому редактору Татьяне Захаровой – оказывается, в России еще сохранились настоящие редакторы, ура!

Спасибо издательствам «АСТ» и «Харвест-АСТ «за разрешение цитировать в этом романе перевод книги Отто фон Бисмарка «Воспоминания. Мемуары», издание 2001 года.

И особая благодарность издателю Юрию Дейкало за чрезвычайно важные замечания, которые помогли мне доработать роман до его настоящего вида.

Примечания

1

Из письма Бисмарка сестре 26 марта 1861 года.

2

Вы забудете то, что вам не следовало читать.

3

О, это так вкусно! В нашей семье мы все страшные обжоры! Если бы в стране было много таких обжор, наше государство не смогло бы существовать. Я был бы вынужден эмигрировать…

4

Пусть Господь и Бог наш, Отец всепрощающий, Кто через смерть и вознесение Своего Сына примирил мир и послал Святой Дух для отпущения наших грехов, через церковных слуг дарует тебе прощенье и покой. И я освобождаю тебя от твоих грехов во имя Отца, и Сына, и Святого Духа…

5

Мориц Буш – пресс-атташе Бисмарка во время прусско-французской войны 1870 года.